

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018

Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 3 (187) 2015 г.

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	Акимов Р.А. Дискуссии между буддийскими школами вайбхашиков и саутрантиков о реальности времени.....	5
	Бараш Л.А. Эстетический потенциал постмодернистской художественной коммуникации.....	10
	Кафаров Т.Э., Халиков А.С., Рамазанов М.Р., Рагимов А.А. Об этико-аксиологических основаниях медицины.....	16
	Моисеев А.В. Феноменология философской формы культуры в концепции М. К. Мамардашвили.....	22
	Черных С.С. Психоанализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев.....	27
	Эмирбекова Э.Э. Практики власти в визуальном поле пространства личности.....	33
К 100-ЛЕТИЮ РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)	Драч Г.В. Ростовская философская школа: научные идеи и основания.....	38
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	Бедрик А.В., Бузов В.И. Генезис политического неоисламизма в Турции в начале XXI века.....	44
	Еналдиев Т.Б. Этносоциальность казачества: теоретико-методологические проблемы.....	49
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ	Гаврицков Д.Ю. Партийно-государственная политика по отношению к религии на Дону в разрезе городских пространств (1970-е – середина 1980-х гг.).....	54
	Горковская Д.В. Массовое движение казачества на Дону 1792–1794 годов в отечественной историографии.....	57
	Исакова М.А. Доно-украинские отношения на страницах «Казачьего исторического сборника» И.П. Буданова.....	62
	Малахов Е.С. Остзейский вопрос и причины переселения эстонских крестьян в русские губернии в очерках русской прессы XIX века.....	65

	Рыбаков И.М. А.Ф. Керенский и его роль в революционном процессе 1917 года: опыт историографического анализа.....	69
	Татарченко М.В. История казачества на Дону (на основе работы «Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным»).....	75
ЭКОНОМИКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	Беданокв М.К., Измайлова Г.С., Шаева И.А. Организационно-экономические механизмы реализации инклюзивного туризма и рекреации в Республике Адыгея.....	80
	Дорофеев В.А., Троянов И.В., Солнышкин Д.Г. Баланс между доверием и недоверием к экономической политике у студентов в условиях экономических изменений.....	84
	Коханова В.С., Полтавский А.А. Финансовый инжиниринг и его роль в банковской деятельности.....	88
	Плотников Н.В. Теоретические аспекты обоснования принципов формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования.....	93
	Симаченко М.Г. Слабая конкуренция как барьер для перехода к инновационной экономике.....	97
	Щербинин Т.А. Система регулятивных инструментов обеспечения финансовой устойчивости национальной экономики в условиях глобализации.....	103
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФИЛОЛОГИИ	Беленький П.П., Тищенко Е.Н., Черкезов С.Е., Шарыпова Т.Н. Методология взаимодействия профессорско-преподавательского состава вузов кластера в контексте профессиональных стандартов	109
	Чернухина Т.Б., Чернухин А.Ю. Академическое эссе как компонент коммуникативной иноязычной компетенции: теоретические и методические аспекты.....	113
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	Ивлиева О.В., Сухов Р.И. IV Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам туризмовеждения (Ростов-на-Дону, 10–14 апреля 2015 г.).....	118
	Савченко Л. А., Вялых Н. А. Вторая межрегиональная научно-практическая видеоконференция «Гендерные взаимодействия обучающихся в полиэтнической среде» (Ростов-на-Дону – Краснодар, 2 апреля 2015 г.).....	119
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ	Дзидзоев В.Д. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013. 686 с.	121
	Исаев Д.П., Буллер А. Введение в теорию истории: учеб. пособие. М., 2013. 184 с.	122
	Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д., Хадиков А.К. Этапы национально-государственного строительства в Осетии и проблемы современной этнополитики (исторический и политико-правовой анализ). Владикавказ, 2014. 415 с.	124
	Нестеров А.С., Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск, 2015. 518 с.	126
	Черюкина Г.Л., Белопольский В.Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. Ростов н/Д., 2011. 250 с.	128

IZVESTIYA VUZOV. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee for the Press

Educational-research journal of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

N 3 (187) 2015

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3

SOCIAL SCIENCES

CONTENTS

PHILOSOPHY AND CULTURE STUDY	Akimov R.A. Discussions between Buddhist Schools of Vaibhashika and Sautrantika on the Reality of Time.....	5
	Barash L.A. Aesthetic Potential of Postmodern Artistic Communication.....	10
	Kafarov T.E., Khalikov A.S., Ramazanov M.R., Ragimov A.A. On the Ethic and Axiological Aspects of Medicine.....	16
	Moiseev A.V. Phenomenology of Culture Philosophical Form in the concept of M.K. Mamardashvili.....	22
	Chernykh S.S. Psychoanalysis of Metaphysical Foundations of Power: S. Freud, A. Kojeve.....	27
	Emirbekova E.E. Authority Practitioners in the Visual Field of Personality Space.....	33
TO THE 100TH ANNIVERSARY OF ROSTOV STATE UNIVERSITY (SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY)	Drach G.V. Rostov School of Philosophy: Scientific Ideas and the Background.....	38
SOCIOLOGY AND POLITOLOGY	Bedrik A.V., Buzov V.I. The Genesis of the Political Neoislamism in Turkey at the Beginning of the XXI Century.....	44
	Enaldiev T.B. The Ethnosocial of Cossacks: Theoretical and Methodological Problems.....	49
ISSUES OF HISTORY	Gavritskov D.Yu. The Party and State Religion Policy on the Don Region in the Context of Urban Spaces (1970 mid-1980s).....	54
	Gorkovskaya D.V. The Mass Movement of Cossacks of 1792-1794 in the Don Region in the National Historiography.....	57
	Isakova M.A. Dono-Ukrainian Relationships on the Pages of the "Cossack Historical Digest" by I.P. Budanov.....	62

	Malakhov E.S. Ostsee Question and the Reasons for the Relocation of the Estonian Peasants in the Russian Province in the Essays of the Russian Press of the XIX Century.....	65
	Rybakov I.M. A. F. Kerensky and His Role in the Revolution of 1917: Experience of Historiographical Analysis.....	69
	Tatarchenko M.V. History of the Don Cossacks (based on the work "About the Cossack communities in the Don is considered. Materials for customary law, collected by Michael Kharuzin").....	75
ECONOMICS: PRACTICE AND THEORY	Bedanokov M.K., Ismailova G.S., Shaeva I.A. Organizational and Economic Mechanisms for Inclusive Tourism and Recreation in the Republic of Adygea.....	80
	Dorofeev V.A., Troyanov I.V., Solnyshkin D.G. Balance Between Trust and Mistrust to Economic Policy of Students in the Condition of Economic Changing.....	84
	Kokhanova V.S., Poltavsky A.A. Financial Engineering and Its Role in Banking Activities.....	88
	Plotnikov N.V. Theoretical Aspects of the Principles of Formation Study and Development of the Economic Security of Higher Education.....	93
	Simachenko M.G. Weak Competition as a Barrier to the Innovation Economy Transition.....	97
	Shcherbinin T.A. The System of Regulative Instruments to Ensure the Financial Sustainability of the National Economy in the Context of Globalization.....	103
ISSUES OF EDUCATION AND PHILOLOGY	Belenky P.P., Tishchenko E.N., Cherkezov S.E., Sharypova T.N. The Methodology of Interaction of the Teaching Staff Cluster of the Universities in the Context of Professional Standards.....	109
	Chernukhina T.B., Chernukhin A.Yu. Academic Essay as a Component of Foreign Language Communicative Competence: Theoretical and Methodological Aspects.....	113
SCIENTIFIC LIFE	Ivlieva O.V., Sukhov R.I. IV International Scientific-practical Conference of Students, Post Graduates and Young Scientists on the Problems of Tourism Studies (Rostov-on-Don, April 10-14, 2015).....	118
	Savchenko L.A., Vyalykh N.A. Second Interregional Scientific-Practical Videoconference «Gender Interactions of Students in Multi-ethnic Milieu» (Rostov-on-Don – Krasnodar, April 2, 2015).....	119
BOOKS REVIEW	Dzidzoev V.D. The Ossetian Ethnographic Encyclopedia. Vladikavkaz, 2013. 686 p.	121
	Isaev D.P. Buller A. Introduction to the Theory of History: Textbook. M., 2013. 184 p.	122
	Magometov A.A. Dzidzoev V.D., Hadikov A.K. Stages of Nation and State Construction in South Ossetia and the Problems of Modern Ethnic Policy (Historic and Politico-Legal Analysis). Vladikavkaz, 2014. 415 p.	124
	Nesterov A.S. Anikeyev A.A., Linets S.I., Janush S.V. Battle for the Caucasus in the Research, Documents and Photographs. Pyatigorsk, 2015. 518 p.	126
	Cheryukina G.L. Belopol'skii V.N. Dostoevsky and Others. Articles on Russian Literature. Rostov-on-Don, 2011. 250 p.	128

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 101.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-5-10

ДИСКУССИИ МЕЖДУ БУДДИЙСКИМИ ШКОЛАМИ ВАЙБХАШИКОВ И САУТРАНТИКОВ О РЕАЛЬНОСТИ ВРЕМЕНИ

© 2015 г. Р.А. Акимов

*Акимов Рустам Акимович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. М. Ярагского, 57, г. Махачкала, 367003.
E-mail: rustamakimov@mail.ru*

*Akimov Rustam Akimovich –
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Dagestan State
Pedagogical University,
M. Yaragского st., 57, Makhachkala, 367003, Russia.
E-mail: rustamakimov@mail.ru*

Исследуется одна из фундаментальных категорий философии и науки – время. Дан анализ дискуссии о реальности времени между буддийскими школами вайбхашиков (продолжатели ранней буддийской философии) и саутрантиками (школа, способствовавшая переходу от раннего буддизма – хинаяна к позднему – махаяна). Констатируется, что представление о времени у древних индийцев не поднялось до уровня, который позволил бы построить законченную научно-философскую картину мира, глубоко повлиять на мировоззренческие установки древнеиндийских мыслителей.

Ключевые слова: время, реальность, иллюзия, буддизм, дискуссия, элемент.

One of the fundamental categories of philosophy and science - time is considered in the article. The analysis of the debate on the reality of time between the Buddhist schools Vaibhashika (successors of early Buddhist philosophy) and Sautrantika (school, facilitate the transition from early Buddhism - Hinayana to the later - Mahayana) is given. It is stated that the idea of Time of the ancient Indians did not rise to the level that would allow to build a complete scientific and philosophical picture of the world, deeply affect the worldview attitudes of ancient Indian thinkers.

Keywords: time, reality, illusion, Buddhism, discussion item.

Задумываясь о временности своего существования, мыслящий человек доходит до понимания того, что время – это тот «символ», который несет в себе противоречивость созидания и разрушения, рождения и смерти. Поиск смысла жизни порой выражается в самопознании. Для некоторых мыслителей смысл жизни заключается в познании самого времени. Познав сущность времени, человек получит ответы на многие вопросы бытия, природы мира, своего места в этом мире, перспектив, целей и смысла своего существования. В истории познания времени сформировался ряд позиций, которые дают разные определения времени и концептуальные подходы в познании его. Одни исследователи отстаивают реальность времени, другие считают, что время есть не что иное, как иллюзия человеческого сознания. Третьи приходят к выводу, что время априорно и выступает в качестве формального принципа, условия чувственного созерцания, внутреннего закона ума, обнаруживаемого в результате воздействия явлений мира на чувства человека.

Становление представлений о времени в древнеиндийской философии осуществлялось в рамках мировоззрения буддизма. Если принять оценку отсчета возникновения буддизма с 500 г. до н.э., то, как предлагает Ф.И. Щербатский, в каждые последующие 500 лет можно обозначить три периода, которые выделяются спецификой философских и мировоззренческих представлений [1]. Так, одной из отличительных черт буддийской философии второго периода в отличие от первого является переход от радикального плюрализма к не менее радикальному монизму. Ранняя буддийская философия признавала множественность реально существующих (физических и психических) элементов, составляющих основу реального бытия. Второй период буддийской философии отвергает реальность элементов на том основании, что все они находятся во взаимной связи. И сама Вселенная, представляемая в виде совокупности взаимосвязанных элементов, составляющих целое, не имела статуса реальной. Единственной субстанцией Вселенной было «Космическое Тело Будды».

Буддийская философия первого периода сформировала картину мира, в которой элементы мира, обладая вечной сущностью, были единственной реальностью мира. Но реальностью было отказано всему тому, что являлось длящимся во времени, включая душу и материю. Было и общее между первым и вторым этапами в буддийской философии – учение о причинной связи в мире. Оно заключалось в том, что причинные отношения между элементами мира представлялись только как функциональные, а явления, возникающие в процессе причинных отношений между элементами, не представляли собой генерации новых реальных сущностей или элементов. Получалось, что реальная Вселенная лишена развития и пребывает в своей неизменной, не-пребывающей и не-убывающей, целостности.

Есть и различие у буддистов первого и второго периодов в вопросе о причинной связи элементов мира: если первые полагали взаимосвязи в мире реальными, то у вторых элементы мира в силу своей взаимосвязи нереальны, что вело к нереальности «причинных» связей. Следует отметить, что представители второго этапа буддийской философии отрицали реальность эмпирического мира условно, понимая под ней мир феноменов, не имеющих основания реальности в самих себе, но в некоей фундаментальной сущности, которая не обнаруживает себя непосредственно и не познается ни логически, ни эмпирически. Так представляемая картина мира вела к сдерживанию и даже к отказу от логических средств познания, что в свою очередь вело к необходимости признания определяющим средством познания медитацию нелогического, интуитивного характера.

В третьем периоде буддийской философии снимается гносеологическое табу на логическое познание. Более того, интерес к логике стал доминировать в теоретическом познании.

Существует различие древнеиндийских философских школ по следующему признаку: если школа признавала, что вещи по своей сути вечны, а их изменимость — иллюзия, или же, если утверждалось обратное, то представители этих школ именовались радикалистами. К радикалистским относилась и буддийская школа, утверждавшая, что вечность вещи — фикция ума, а изменчивость ее — истинная сущность вещи.

В нашем исследовании интерес представляет дискуссия между школой вайбхашиков (сарваствивады), являющейся продолжателем ранней буддийской философии, и саутрантиками (школа, способствовавшая переходу от раннего

буддизма – хинаяна к позднему буддизму – махаяна) [2–5].

Саутрантика – философская школа буддизма тхеравада. Отделилась от вайбхашики во II–III в. н.э., окончательно сформировалась в 100–50 гг. до н.э. Название школы происходит от слова «сутра», так как ее последователи утверждали, что абхидхармисты должны опираться лишь на материал, содержащийся в сутрах, и игнорировать иные источники.

Оригинальные произведения саутрантики не сохранились. Главным источником для изучения этой школы является Абхидхармакоша Васубандху.

Ф.И. Щербатский дал перевод одной из глав трактата Васубандху «Абхидхармакоша», где изложена дискуссия между вайбхашиками и саутрантиками по вопросу о реальности будущих и прошедших элементов [1]. Если школа санкхья признавала изменимость материи, но в принципе утверждала, что сущностью мира является покой (так как субстанция мира неизменна в своей сути), то буддисты абсолютизировали состояние движения, представляя мир как непрерывное движение, выражающееся в серии мгновенных излучений элементов мира, и каждая новая вспышка есть проявление нового элемента. Но, что наиболее важно, излучение элемента не имеет длительности во времени. В каждый новый момент времени в феноменальный мир приходит и уходит (в безвременное мгновение) новый элемент мира. Картина бытия представляется в данном случае как последовательно являющиеся и исчезающие события, порядок которых во времени невозможно определить в силу индивидуальной неповторимости, индивидуальной особенности и необусловленности предыдущих и последующих явлений элементов мира.

Школа вайбхашиков, отстаивая данную картину мира, логично приходит к отрицанию исходного тезиса буддийских философов, абсолютизовавших движение, ибо движение – это изменение во времени, а элементы мира не обладают длительностью во времени. Видимо, пытаясь согласовать свои представления о времени элементов мира, как серии «вспышек», с реальной, чувственной картиной мира, в которой человек наблюдает зарождение, развитие и гибель всего существующего, вайбхашики включили все эти процессы в момент «вспышки», что, конечно же, вызвало ряд вопросов и возражений. Например, как же можно различить зарождение, развитие и гибель, если все это заключено в момент, не имеющий длительности во времени.

Другая школа – саутрантиков – находит выход из данного затруднения в том, что не локализует генезис, возникновение и разрушение, в проявлении одного элемента, а представляет их в серии являющихся элементов. Главное различие между вайбхашиками и саутрантиками заключается в том, что первые отстаивали тезис о реальности прошлого и будущего наряду с настоящим, а вторые утверждали, что реально только настоящее. На этом разногласии и была основана дискуссия между школой вайбхашиков и саутрантиков. Вайбхашиков упрекали в том, что они заимствовали свои взгляды в учении санкхья. Те, аргументируя реальность прошедших и будущих событий, рассуждали так: поскольку мы имеем знание о прошедших и будущих событиях, предметах, то последние должны существовать, ибо мы не можем иметь знания о несуществующих вещах. Перефразируя известное высказывание Р. Декарта – я мыслю, следовательно, я существую, – приведенный аргумент можно изложить так: я мыслю и знаю что-то о прошедшем и будущем – значит, они существуют во времени. Это соответствует утверждению вайбхашика: «Если бы прошедшее и будущее не существовали, то объекты (соответствующего познания) были бы не существующими, а как несуществующие они не могли бы быть познаны» [1, с. 731].

Следующий аргумент в защиту реальности прошлого и будущего находит свое основание в причинной обусловленности событий мира: «Если бы прошедшее не существовало, как бы могло какое-нибудь деяние, хорошее или плохое, получить спустя некоторое время свое осуществление...» [1, с. 173]. В данном аргументе заключены предпосылки причинной теории времени, которая, однако, не получила в школе вайбхашиков необходимого развития. Суммировав все аргументы, подтверждающие реальность прошлых, настоящих и будущих событий, вайбхашики говорят: «По этим причинам мы, вайбхашики, утверждаем, что предшествующее и будущее необходимо существуют... те, кто утверждает, что все прошедшее, настоящее и будущее, существует, являются сторонниками универсального существования (сарвастивадинами)» [1, с. 173].

Существовала также школа, получившая название «различающей школы» (вибхаджьявадины), которая частично отрицала теорию вайбхашиков. Представители ее считают, что «настоящие элементы и те из прошедших, которые еще не дали своих плодов, существуют, но они отрицают существование будущих и тех из прошедших, которые уже дали плоды» [1, с. 173].

Концепция «универсального существования» отстаивается вайбхашиками в различной вариации аргументов, которые предлагала та или иная ветвь данной школы. Так, один из вариантов обоснования «универсального существования времен» утверждает, что «когда элемент входит в разные времена, то его существование изменяется, но не его существование, совершенно так же, как если ломают золотой сосуд, то изменяется его форма, но не цвет (сущность. – Р.А.)... Совершенно так же, когда элемент, после того как он был будущим, входит в настоящее, он освобождается от своего существования, но не от существования своей сущности, а когда из настоящего делается прошедшим, то он обнаруживает свое настоящее существование, но не существование своей сущности» [1, с. 174].

Другая ветвь школы вайбхашиков обращает внимание на неразделимость прошлого, настоящего и будущего в элементе проходящем свой путь во времени, что, по их мнению, позволяет заключить об универсальном существовании всех времен – прошлых, настоящих, будущих.

Приведем еще один из вариантов доказательства универсального существования времен, который имеет много общего с первым вариантом. Однако в отличие от него данный вариант доказательства различение времен обосновывает не сменной «форм» элемента мира во времени, а проявлением или не проявлением элементом своей функции в изменившихся условиях. «Когда элемент в таком условии, что он не проявил своей функции, то он называется будущим; когда он проявил ее, то он называется настоящим; когда он произвел ее и перестал действовать, то он прошедший, его субстанция же остается той же самой» [1, с. 174–175].

Четвертый путь доказательства «универсального существования времен» хотя и именуется «защитником случайности», но по сути основывается в своей аргументации на релятивном характере определения, понятия. «Элемент является будущим в отношении прошедшего, будь то прошедшим или настоящим; он настоящий в отношении последующего, т. е. будущего; он прошедший в отношении следующего, будь тот настоящий или будущий» [1, с. 175].

Анализируя данные варианты доказательства «универсального существования времен», представитель «ортодоксальной» школы вайбхашиков отвергает первый путь доказательства, которым следуют представители школы санкхья. Второй путь доказательства, с точки зрения ортодоксального вайбхашика, ведет к путанице времен. С четвертым вариантом доказательства вайбхашик так-

же не согласен, потому что получается, «что все три времени обнаруживаются вместе, включенными в одно из них. Так, в сфере предшествующего времени мы можем различить прошлый и последующий моменты. Они будут представлять прошедшее и будущее времена. Между ними промежуточный момент будет соответствовать настоящему времени» [1, с. 175]. Действительно последний подход выстраивает такую цепь рассуждений, которая доказывает не реальность времени, а наоборот, его иллюзорность. Ведь если в каждом прошлом, настоящем и будущем всегда есть «свои» прошлые, настоящие и будущие, а в этих прошлых, настоящих и будущих имеются «свои» прошлые, настоящие и будущие и так до бесконечности, то такая бесконечность «смазывает» определенность понятия времени, следовательно, и достоверность того, что оно описывает. Этот способ рассуждения о времени использовался и в древнегреческой философии, и всплывает в XIX в. в логическом парадоксе Мак-Таггарта, доказывающем нереальность времени.

Единственно верным путем доказательства универсального существования прошлого, настоящего и будущего является, по вайбхашику, третий путь.

Концепция, утверждающая актуальную универсальность существования трех времен, в философских исследованиях, посвященных времени, получила название «статической». Как следует из рассуждений вайбхашиков о времени, их теория времени вписывается в рамки статической концепции. Однако в отношении рассуждений вайбхашиков о прошлом, настоящем и будущем можно было бы задать вопрос: что придает статус реальности прошлому, настоящему и будущему – элемент в своих проявлениях, или же «три времени» априори, или аксиоматически, признаются имеющими реальный статус, а элемент, проявляя себя, как бы раскрывает человеку порядок этих времен? Ответ на данный вопрос не обнаруживается в дискуссиях вайбхашиков и саутрантиков.

Аргументы, приводимые вайбхашиком в защиту тезиса универсального существования времен, не убедили саутрантика и он, вполне резонно, заявляет, что «если оно, время существования одного элемента, не отличается от сущности самого элемента, то вообще совершенно не будет времени. Если элемент в будущем и прошедшем существует в совершенно таком же смысле, как и в настоящем, то почему же он будущий или прошедший» [1, с. 177].

Для саутрантика непонятно также, что обусловливает элемент проявлять свои функции или сдерживать их и тем самым вносить различие во времени. На этот вопрос вайбхашик не дает убедительного ответа, повторяя в принципе то же, что он говорил ранее. Саутрантик сам предлагает выход из затруднения, в которые входит вайбхашик в своих рассуждениях. Он говорит: «Так вот и получается, что представление о трех временах совсем не будет иметь реального основания до тех пор, пока вы не примете точку зрения, что элементы появляются в жизнь из небытия и снова возвращаются в небытие, побывав существующими (ваша точка зрения подразумевает вечное бытие элементов)» [1, с. 178].

Саутрантик в отличие от вайбхашика не разделяет точку зрения универсального существования времен и утверждает, что он признает существование прошедшего и будущего, но не в действительности: «Мы (саутрантики. – *P.A.*) также утверждаем, что «есть» прошедшее и «есть» будущее. Но это означает, что то, что было предшествующим, «является» прошедшим, и то, что (из-за наличия своих причин) случится, «является» будущим. Они существуют лишь в действительности» [1, с. 179].

В дальнейшей дискуссии между саутрантиком и вайбхашиком выясняется, что хотя вайбхашик и признает существование трех времен, но все же осознает, что статус их в универсальном существовании неодинаков. Это следует из ответа вайбхашика: «Кто когда-либо утверждал, что они (прошлое и будущее. – *P.A.*) существуют в том же смысле, в каком существует настоящее?» [1, с. 179]. Однако дальнейшей ясности в отношении статуса прошлого и будущего вайбхашик не вносит. Зато саутрантик глубже раскрывает свое концептуальное понимание времени. Он утверждает, что «время не есть что-либо отличное от объекта (существующего в нем)» [1, с. 180]. Такое утверждение лишает время статуса субстанциальности и определяет его производный характер.

Давая оценку исследовательской форме и уровню представлений о времени, складывавшихся в Древней Индии, необходимо отметить следующее. По форме исследования время представлялось и осмысливалось в рамках картины мира, построенной в сплетении элементов философского осмысления мира с мифологическим мировоззрением, которое подобно каркасу охватывает картину мира, не игнорируя при этом знания научно-эмпирического характера. Соответственно смысловое содержание идеи времени раскрывалось в синкретичной мифолого-философско-научной

картине мира, служившей мировоззренческой парадигмой в Древней Индии. Эволюция содержательного осмысления идеи времени в древнеиндийской философии проходила под влиянием мифолого-религиозных модификаций буддийского мировоззрения. Если говорить об уровне знания о времени, то он наглядно виден из дискуссии о времени между вайбхашиками и саутрантиками и далеко выходит за пределы предфилософии, более того, представляет собой пример философского исследования.

Представляется, что проблемы, затронутые в дискуссиях вайбхашиков и саутрантиков, обусловлены двумя обстоятельствами. Первое касается этико-религиозных трансформаций в древнеиндийском обществе. Трансформации эти с позиций влиятельного направления в буддизме – махаяны касаются расширения возможностей человека пройти путь «спасения», т. е. выхода и утомительного круга кармы – пути перерождений души человека в течение определенного цикла времени. Однако вайбхашики и саутрантики развивали свои философские воззрения в рамках другого направления в буддизме – хинаяны, в мировоззрении которого признается в отличие от махаяны реальность дхарм – психофизической безличной основы всех проявлений мира, которые считаются нереальными. Признание некоего первоэлемента мира (дхармы) реальным не создавало теоретической основы для обоснования выхода души из цикла превращений в реальном времени во вневременное, достижения «успокоения» себя во всеобщем покое.

Таким образом, существование первосущности мира в качестве реальной необходимо генерировало идею реального времени, в котором эта первосущность пребывала, не оставляя тем самым возможности обосновать вневременное. Поэтому вайбхашики как представители философской школы хинаяны, видимо, пытались найти такую теорию времени, в которой было бы возможным обосновать сочетание реального времени проявленного бытия дхармы и вневременное пребывание дхармы. Но раз дхарма реальна, то должно быть реальным и время, в котором она пребывает. Это время у вайбхашиков реально по форме, но нереально по смыслу и содержанию. Действительно ведь вайбхашики утверждают неразличимость «трех времен» в статусе и порядке следования, что ведет к признанию времени как сущности, не имеющей реального бытия, а следовательно, вневременной мир – это и есть истинное состояние мира, временной же мир – плод воображаемого заблуждения, обусловленного чувственным восприятием человека.

Но, видимо, именно способность чувственного восприятия мира человеком и стало вторым обстоятельством, которое побудило саутрантиков подвергнуть критике теорию времени вайбхашиков. Именно чувства, практика, эмпирический опыт свидетельствуют нам, что в мире происходит рождение, существование и гибель всего существующего, и наблюдение этих процессов послужило одной из предпосылок становления идеи времени. Философия махаяны более просто решает вопрос об обосновании нереальности времени, признавая нереальным не только бытие психических и физических элементов мира, но и нереальность сущностной основы мира – дхармы.

Резюмируя общий ход становления представлений о времени в древнеиндийском мировоззрении, можно сказать, что религиозно-философская картина мира в определяющей степени обуславливала направленность исследований времени. Научное знание не поднялось еще до уровня, который позволил бы построить законченную научно-философскую картину мира, глубоко повлиять на мировоззренческие установки древнеиндийских мыслителей. Известный исследователь истории естествознания Ф. Даннеман, характеризуя уровень науки у древних индийцев, писал: «В области естественных наук индусы обладали многочисленными, разрозненными сведениями. Но до построения общей естественнонаучной системы им было так же далеко, как вавилонянам и египтянам. Это выпало на долю греков» [6, с. 66].

Литература

1. Щербатский Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988. 426 с.
2. Сарвеналли Радхакришнан. Индийская философия: в 2 т. М., 1956. Т. 1. 623 с.
3. Индийская философия: энциклопедия. М., 2008. 960 с.
4. Лысенко В. Г., Терентьев А. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994. 383 с.
5. Лысенко В. Г., Канаева Н. А. Буддийские философы об инструментах достоверного познания. М., 2014. 240 с.
6. Даннеман Ф. История естествознания. Т. 1. От зачатков науки до эпохи возрождения. М., 1932. 432 с.

References

1. Shcherbatskii F.I. *Izbrannyye trudy po buddizmu* [Selected Works on Buddhism]. Moscow, 1988, 426 p.

2. Sarvapalli Radhakrishnan. *Indiiskaya filosofiya* [Indian Philosophy]: 2 vol. Moscow, 1956, vol. 1, 623 p.
3. *Indiiskaya filosofiya* [Indian Philosophy]: entsiklopediya. Moscow, 2008, 960 p.
4. Lysenko V. G., Terent'ev A. A., Shokhin V. K. *Rannaya buddiiskaya filosofiya. Filosofiya dzhainizma* [Early Buddhist Philosophy. The Philosophy of Jainism]. Moscow, 1994, 383 p.
5. Lysenko V. G., Kanaeva N. A. *Buddiiskie filosofiy ob instrumentakh dostovernogo poznaniya* [Buddhist Philosophers about the Tools of Reliable Knowledge]. Moscow, 2014, 240 p.
6. Danneman F. *Istoriya estestvoznaniya. T. 1. Ot zachatkov nauki do epokhi vrozhdeniya* [The History of Science. Vol. 1. From Primordia of Science to the Renaissance]. Moscow, 1932, 432 p.

Поступила в редакцию

13 марта 2015 г.

УДК 801+06

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-10-16

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2015 г. Л.А. Бараиш

Бараиш Любовь Александровна –
кандидат философских наук,
Сочинский филиал Российского университета
дружбы народов,
ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354340.
E-mail: Libar3017@mail.ru

Barash Lubov Alexandrovna –
Candidate of Philosophy Science,
Sochi branch of the Russian University
of Peoples' Friendship,
Kuybysheva str., 32, Sochi, 354340, Russia.
E-mail: Libar3017@mail.ru

Исследуются функции современной художественной коммуникации. В основе анализа функций – особенности культуры постмодернизма и специфика взаимоотношений художника и зрителя в этой культуре. Рассматривается влияние масс-медиа на художественную коммуникацию. Констатируется, что на наших глазах складываются очертания новой неведомой еще культуры с неопределенными пока контурами художественной коммуникации. Это будет другое искусство и другая коммуникация на его основе.

Ключевые слова: *постмодернистский субъект, художественная коммуникация, постмодернистская художественная культура, массовая культура.*

The author researches the function of the contemporary art communication. The basis of the analysis of functions - features of postmodern culture and specificity of the relationship of the artist and the audience in this culture. The influence of the media on the artistic communication is considered. The author states that outlines of new unknown culture with still uncertain contours of artistic communication is formed on our eyes. It will be a different kind of art and another communication based on it.

Keywords: *post-modern subject, artistic communication, postmodern art and culture, mass culture.*

Композитор С.И. Танеев как-то сказал, что если бы на нашей планете появились гости из внеземных цивилизаций и им надо было бы за короткое время узнать всё о человечестве, то им следовало бы услышать Девятую симфонию Бетховена. Ведь любое великое произведение несёт в себе огромную информацию о человеке и его внутреннем мире – свершениях и ошибках, стремлениях и возможностях. И лучшим способом коммуникации может стать именно художественное произведение. Ни наука, ни техника, ни вершинные достижения и ценности материальной и духовной культуры не сравнятся с искусством по глубине и силе, полноте и точности знаний о человеке и человечестве.

Эстетический потенциал коммуникации на основе произведения искусства может интересовать нас с двух сторон. Во-первых, со стороны заложенных в таком типе коммуникации возможностей, изучавшихся ещё со времён античности. В этом плане отечественная и западная эстетика накопила огромный научный материал, дающий представление о художественной коммуникации как феномене. Во-вторых, эстетический потенциал общения художника и зрителя интересует нас в XXI в. теперь уже не в общем плане, а со стороны открывшихся совершенно новых современных его особенностей, а также из-за стремления приоткрыть завесу будущего и на основе реалий совре-

менной культуры попытаться нарисовать картину художественной коммуникации будущего. Речь идёт о функциях художественной коммуникации, которые и составляют основу её эстетического потенциала. Это вопрос о том, что даёт постмодернистское искусство современным людям? Что найдут в нём следующие поколения? Способно ли это новое искусство служить средством общения? Как оно функционирует?

Сами функции, т. е. различные аспекты, в которых мы рассматриваем то, как осуществляется художественная коммуникация, по сравнению с предыдущими культурными эпохами остаются прежними. Но изменились условия, в которых она происходит, и изменился человек, который создаёт и воспринимает искусство. Ситуация Постмодерна оценивается как конец времени метанарратива, как культура, где существует не один доминирующий метарассказ, а множество имеющих право на самостоятельное существование. По Ж. Лиотару, «нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель» [1, с. 10–11]. Постмодернистский субъект разительно отличается не только от субъекта классической немецкой философии, но и от модернистского субъекта. Теперь речь идёт уже не о его активности, а о раздвоенности, пассивности, несамостоятельности, что отражено в работах французских постструктуралистов. Их характеристика современного человека даёт основания для утверждений о смерти субъекта, смерти искусства.

Оставив в стороне вопрос о возможности существования постмодернистской художественной коммуникации в принципе (может ли идти о ней речь, если провозглашена и смерть субъекта, и смерть искусства?), мы рассмотрим последовательно наиболее существенные черты её функционирования. Среди них традиционно выходила на первый план познавательная функция. В постмодернистской ситуации она играет тем более важную роль. Ибо в современном процессе познания окружающего мира ускользает едва ли не главная деталь – познание другого Я. Это трудности чисто коммуникативные, связанные и с психологическими особенностями постмодернистского субъекта, и с усложнённой языком искусства, и в первую очередь с проблемой понимания. Понимания именно в хайдеггеровском смысле как «одного из возможных родов познания», как «события с другими», «события для других», как «слышания голоса друга» [2, с. 142–163].

Понимание в постмодернистской ситуации культуры имеет свою специфику. Во-первых, это

поистине безграничные возможности постижения смысла. Хайдеггеровская трактовка понимания как экзистенциального бытия с другими, с подчёркиванием множества его возможностей, когда ни одна из «основовозможностей понимания не отменяет другие» [2, с. 146], переключается с постструктуралистскими трактовками коммуникации: отсутствием её начала и конца, сокрытием центра у Ж. Деррида [3, с. 448–450, 460–463], пониманием литературного текста как множества полифонически сопрягающихся линий у Ю. Кристевой [4, с. 10–23], интерпретацией художественного текста как многоголосого письма, метаязыкового процесса у Р. Барта [5, с. 33, 37, 89, 192, 196]. Хайдеггеровская герменевтика бытия-друг-с-другом отражается и в антропологических основаниях понимания у Г.-Г. Гадамера [6].

Во-вторых, понимание в процессе постмодернистской коммуникации имеет ещё одну особенность, которая отличает его в онтологическом плане от предшествовавших метафизических трактовок. Что заставляет нас признать произведение прекрасным, художественным в полном смысле этого слова? Его истинность. А представления о сущности истины меняются исторически. Если в немецкой классической философии, в частности, у Г. Гегеля высшей истиной, делающей произведение прекрасным, позволяющей воспринимать его как раскрытие истины в чувственной форме [7, с. 127], а саму истину мыслить как свободное развёртывание духа из самого себя, в качестве истины предстаёт идеальное начало, объективирующее себя в материальном мире, то у Ф. Ницше уже в раннем «Рождении трагедии» ощущается скепсис в отношении возможностей «истинного познания» [8, с. 124–130], который впоследствии перерастает в представление об истине как о «полезном заблуждении». В XX в. вместе с исчерпанностью метафизических представлений складывается новое осознание истинности коммуникации вообще и художественной коммуникации в частности. У М. Хайдеггера истина художественного творения совершается в споре Земли и Мира. Понимание этой истины «не разъединяет людей, ограничивая каждого кругом его переживаний», а наоборот, «полагает основу для их совместного бытия друг с другом и друг для друга» [9, с. 288, 302]. Вопрос об истинности или неистинности, подлинности или неподлинности коммуникации является одним из важнейших в западных экзистенциалистских и коммунологических концепциях XX в. Он возникает у К. Ясперса [10] и М. Бубера [11, 12] и Ю. Хабермаса [13]. При всех различиях данных

концепций обращает на себя внимание общая для них трактовка подлинной коммуникации как межсубъектных диалогических связей между людьми и интерпретация неподлинной коммуникации как монологического типа отношений. Постструктуралисты в своём стремлении избавиться от метафизических моделей, не принимая герменевтических прочтений искусства и на первый взгляд не проявляя интереса к вопросу истинности или неистинности коммуникации (само понятие «истины» – часть неприемлемого для них метафизического багажа), на самом деле расширили и углубили представления о коммуникативных процессах. Отрицание ими «центра силы», монологизма, вплоть до непризнания приоритета авторской творческой воли в художественной коммуникации означает её трактовку как возможности сосуществования на равных правах бесчисленного множества точек зрения, интерпретаций, полифонического звучания равноправных голосов.

Специфика воспитательной и просветительской функций вытекает из познавательной функции и во многом определяется ею. Если принять во внимание ущербность, некоммуникабельность, расщеплённость постмодернистского субъекта, возникает вопрос: тот ли это субъект, которого искусство может воспитывать? Да и кого, собственно, воспитывать, если «субъект умер»? И кто будет воспитывать, если констатирована «смерть автора»? [14, с. 384–392]. Искусство способно просвещать? Но по мнению Ж. Бодрийера, «современное искусство ничтожно» [15, с. 165] и не только не может выполнить этой функции, но обречено в скором времени исчезнуть.

Традиционно воспитательная и просветительская функции могли играть идеологическую роль. Однако сейчас такая роль проблематична, поскольку отвергаются любые формы тоталитаризма, властного навязывания своей воли во всех областях культуры, будь то политика, общественная жизнь или искусство. Уже позиция Ницше носила раздвоенный характер, своеобразно преломляя две кантовские линии интерпретации постижения искусства – с одной стороны, творческую активность субъекта, с другой – ограничение его возможностей. Причём вторая из них была связана с тем, что жёстко отвергались какие бы то ни было идеологические построения. Именно эта позиция, несмотря на общее неприятие метафизики, оказалась близка постструктуралистам. Поэтому, возможно, прав Дж. Ваттимо, когда надежду на преодоление теоретических оснований, легших в основу тоталитарного общества, он видит в колебании и поте-

рянности постмодернистского субъекта, в эфемерности и зыбкости эстетического опыта, характерного для общества поздней современности [16, с. 67]. В этой неопределённости, становлении, поисках действительно угадывается надежда на диалог, точнее – полилог равноправных голосов. Пожалуй, в очертаниях рождающегося нового общества, имеющего шанс сформироваться не на тоталитарных, а на гуманистических началах, могли бы обрести новый смысл и просветительская, и воспитательная функции.

Целый ряд функций художественной коммуникации связан со средствами массовой коммуникации. Они в такой степени преобразили взаимоотношения художника и зрителя, что специфика этих отношений стала предметом изучения во многих философских направлениях от марксистских до постструктуралистских. В небольшом эссе 1936 г. «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» В. Беньямин привлёк внимание к этой проблеме и положил начало всестороннему её изучению [17]. Артист кино перед кинокамерой в отличие от театрального артиста не видит публики, не слышит её дыхания. Музыкант-исполнитель в студии звукозаписи не чувствует настроения слушателей. Художник, автор растиражированной картины никогда не узнает реакции зрителя на подлинное своё произведение. Теряется аура художественного творчества и его восприятия, исчезает та неуловимая духовная субстанция, которая сопутствует подлинности, сиюминутно рождающейся близости духовного контакта художника и зрителя.

Беньямин отмечает плюсы и минусы технической репродуцируемости произведения и подчёркивает в первую очередь социальную функцию контакта художника и зрителя. Техническая воспроизводимость, считает он, изменяет отношение масс к искусству, воздействует таким образом, что из консервативного это отношение может превращаться в самое прогрессивное [17, с. 66–91]. Социализирующая роль художественной коммуникации в эпоху распространения средств тиражирования искусства выражается в возможности приобщения к общественно значимым художественным идеям здесь и сейчас, в любой комфортной для человека обстановке. Однако неоспоримые на первый взгляд преимущества, дарованные техникой, подчас оказываются мнимыми. Ж. Бодрийяр утверждает, что масс-медиа антикоммуникативны. Суть коммуникации – двунаправленность диалогического контакта партнёров, обратная связь, возникающая при этом, возможность ответа. Это-

то как раз и исключено в современной архитектуре масс-медиа: система социального контроля и власти делает всё для того, чтобы не было получено никакого ответа. В результате масс-медиа представляют собой не коммуникацию, а симуляцию коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, антагонизм партнёров или амбивалентность их обмена [18].

При всех принципиальных разногласиях в трактовках оснащённой техническими средствами коммуникации философы диаметрально противоположных направлений, как правило, сходятся в отрицательной оценке авторитарного, одностороннего, «безответного» её характера. Не только Ж. Бодрийяр говорит о масс-медиа как о «навсегда запрещающих ответ», но и Г. Маркузе считает универсум такой коммуникации одномерным, а язык её дискурса называет языком тотального администрирования [19, с. 110–118]. Не только Б. Хюбнер отказывает культуре, сформированной масс-медиа, в объединяющем обществе нравственном этосе [20], но и М. Маклюэн говорит о том, что средства массовой коммуникации превращают искусство в товар [21]. Общее здесь – негативное отношение к суггестивной функции коммуникации, к гипнотическому, репрессивному, подчиняющему, навязывающему любые, в том числе и художественные, модели влиянию средств массовой коммуникации.

Индивидуализирующая функция мыслится прежде всего как способность высокого искусства формировать внутренний мир человека. Однако ввиду усложнённости языка постмодернистского искусства эту задачу чаще всего выполняют так называемые «низкие» жанры – эстрада, облегчённая беллетристика и т.п. Здесь В. Беньямин подметил интересную деталь: соотношение авторской и зрительской (читательской) аудитории изменилось. Когда читатель в любой момент готов превратиться в автора, зритель – в артиста [17, с. 66–91], он становится творцом, индивидуальностью, способной выразить себя. И индивидуализирующая функция становится в то же время эвристической. Это ли не хайдеггеровское «творение творением», «влечение к творению», которое можно понимать и как процесс творческого самосозидания, и как творческое освоение действительности, и как способность творить по законам красоты? И вовсе не обязательно, «чтобы созданное свидетельствовало о великом достижении большого мастера и чтобы в результате этого сам мастер поднялся в глазах общества» [9, с. 296–300]. Важно само допущение, что в эпоху технической вос-

производимости перед человеком шире открываются эвристические возможности.

Так ли это на самом деле? В индивидуализирующих свойствах массового искусства сомневается М. Маклюэн, когда подчёркивает безличный процесс художественного производства. Именно производства, поскольку ещё с конца XIX в. процесс художественного творчества стал приближаться к безлично-рациональной логике промышленного производства в условиях, когда «новые рынки и новые массы побудили искусство отказаться от идеи уникального “я”» [21, с. 474–475]. Речь здесь идёт о так называемой массовой развлекательной индустрии. Что же касается высокого искусства, оно оказывается отчуждённым от публики, к которой обращено, именно в связи с появлением средств технического воспроизведения. На это указывает Г. Маркузе. До появления этих средств, считает он, «искусство содержало в себе рациональность отрицания», было «протестом против существующего». Теперь же оно лишается своей возвышающей, антагонистической силы и служит лишь украшению, утешению, возбуждению, т. е. выполняет чисто коммерческую задачу [19, с. 82–83]. Так уводит постмодернистская художественная коммуникация от своей главной собственно коммуникативной функции двумя путями. Один путь – в сторону потери субъекта в серьёзном искусстве, другой – в сторону легковесности массовой культуры, выпускающей со своего конвейера тысячи стереотипных подделок, напрочь лишённых субъектности.

Второй путь ведёт к развлекательности, получению удовольствия от общения с искусством. Никто не отменял значения развлекательной и компенсаторной функций художественной коммуникации. Они важны. Но как разительно несхоже это удовольствие с кантовскими представлениями о прекрасном искусстве (а любое искусство, в том числе и прикладное, досуговое, развлекательное должно быть прекрасным), которое способно поднимать «культуру душевных сил для сообщения их обществу» [22, с. 179]. Постмодернистскому обществу нужно другое. Оно отвергло этос с его «диктатурой духа», «диктатурой вкуса», наличием ИДЕИ, и погрузилось в атмосферу эстетического, чувственного, опустошающего, очаровывающего и соблазняющего [20, с. 19, 33]. «Искусство очарования» – это когда мы, по выражению Хюбнера, развлекаемся до смерти, хотя это всё-таки лучше, чем умирать от скуки. Никакие трюки и умопомрачительные эффекты развлекательной индустрии нас не удивляют. Наоборот, как отмечает

Хюбнер, оставляют в покое и мире [20]. Почему притупляются чувства, почему «угасают аффекты»? Потому что современные произведения, поясняет Ф. Джеймисон, освобождены от всякого рода чувства, «поскольку в настоящем не существует более Я, чтобы чувствовать» [23, с. 1–54].

Отвергнув этический этос и заменив его эстетическим, постмодернистская культура вступила на путь всесторонней эстетизации, охватывающей не только искусство – политику, общественную структуру, обустройство среды, решительно все сферы жизни. При этом эстетическая функция коммуникации приобретает своеобразные черты. Традиционно она означала призвание искусства облагораживать, пробуждать высокий строй чувств, формировать эстетический вкус. Способно ли на это искусство постсовременности, где в качестве законодателей вкуса, эстетических норм властвуют «развлекатели, соблазнитель, затейники, парикмахеры, прибородители, дарители надежд, шоу-бизнесмены»? [24, с. 61, 89]. Конечно, под искусством постсовременности в данном контексте подразумевается в основном массовая культура. В теоретическом сознании прочно закрепился её демонический облик. В том, что массовая культура – это «мёртвое пространство симулякров» [25, с. 236], не сомневается никто. А что же серьёзное, актуальное искусство? У него свои проблемы. Оно, как считает композитор и философ В. Мартынов, превратилось в «пространство невозможностей искусства», поскольку дискредитированным оказался сам акт высказывания, в результате чего любая попытка высказывания становится фактически лишённой смысла [25, с. 236].

Парадоксально, что дилемма массового и актуального искусства решается однозначно в пользу массовой культуры. Только в ней может иметь место смыслообразующая сила представления и ответственность высказывания. Так считает практик, композитор В. Мартынов [25]. Только массовая культура даёт нам судьбоносный шанс расширить жизненный мир до множественности равноправных, равнозначных художественных миров. Только она способна дереализовать реальную силу рынка и законов экономики и дать возможность «ответа» на каждый свободно звучащий голос. Так считает теоретик, философ Дж. Ваттимо [16, с. 61–62].

Тогда возникает ряд вопросов. Следует ли нам согласиться с тем, что единственный судьбоносный для культуры шанс – это искусство, где до предела сужено, ограничено смысловое поле? Если его преимущество – это множественность (гетеротопия, по Ваттимо) точек зрения, значений,

интерпретаций, то можно ли положительно оценить содержательное наполнение этой множественности? Если массовая культура, по Мартынову, работает с высказыванием так, как будто не произошло никакого краха акта высказывания, то велика ли эстетическая ценность её высказываний? И может ли противостоять рынку то, что порождено им и всецело зависит от него?

И ещё один вопрос. Он относится к итогу этого исследования. Насколько эффективно функционирование постмодернистской художественной коммуникации. Трудно определить значимость каждой из функций в обширном их ансамбле. Не может быть однозначной – положительной или отрицательной – оценка роли той или иной функции. Подчас оказывается сомнительным даже само существование функции (например, катарсической) в преимущественно массовой культуре. Очевидна неоднозначность характеристики каждой из функций. Причина этого в том, что на наших глазах складываются очертания новой, неведомой ещё культуры с неопределёнными пока контурами художественной коммуникации. Это будет другое искусство. Другая коммуникация на его основе. Прогностические возможности нашего сегодняшнего искусства, видимо, недостаточны, чтобы дать нам её разглядеть. Скоро ли появится и появится ли вообще гениальное сочинение, которое, как Девятая симфония Бетховена, сможет рассказать гостям из звёздных миров о человеке и человечестве больше, чем тысячи томов научных трудов и все достижения современной техники? Покажет время.

Литература

1. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А.Шматко. СПб., 1998. 160 с.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 2013. 460 с.
3. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М., 2007. 495 с.
4. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова. М., 2004. 656 с.
5. *Барт Р.* S/Z / пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 2001. 232 с.
6. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / пер. с нем. М., 1991. 367 с.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 2 т. СПб., 2007. Т. 1. 623 с.
8. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г.А. Рачинского. СПб., 2012. 208 с.

9. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / сост. и общ. ред. Г.К. Косикова. М., 1987. 511 с.
10. Ясперс К. Философия: в 3 т. М., 2012. Т. 2. 448 с.
11. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М., 1993. 175 с.
12. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем., под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М., 1995. 464 с.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко, И.И. Розанова, Г.М. Северской. М., 2008. 416 с.
14. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 1994. 616 с.
15. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург, 2006. 200 с.
16. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с итал. Д. Новикова. М., 2002. 128 с.
17. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М., 1996.
18. Бодрийяр Ж. Реквием по медиа. К критике политической экономии знака. М., 2003. 272 с.
19. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.
20. Хьюбнер Б. Искусство истины и / или эстетика очарования // Эстетика в XXI веке: вызов традиции? СПб., 2008. 272 с.
21. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И.О. Тюриной. М., 2013. 496 с.
22. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М., 1994. 367 с.
23. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодернизма: сб. обзоров и рефератов. Минск, 1996.
24. Хьюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. Минск, 2000. 152 с.
25. Мартынов В.И. Зона *opus posth*, или Рождение новой реальности. М., 2005. 288 с.
4. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: The Destruction of Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikova, B.P. Narumova. Moscow, 2004, 656 p.
5. Bart R. *S/Z* / tr. from French by G.K. Kosikova. Moscow, 2001, 232 p.
6. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow, 1991, 367 p.
7. Gegel' G.V.F. *Estetika* [Aesthetics]: in 2 vol. Saint Petersburg, 2007, vol. 1, 623 p.
8. Nitshe F. *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki* [The Birth of Tragedy from the Spirit of Music]. Translated from German by G.A. Rachinskogo. Saint Petersburg, 2012. 208 p.
9. Khaidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Source of Artistic Creation]. Translated from German by A.V. Mikhailova. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury 19-20 centuries. Traktaty, stat'i, esse*. Ed. by G.K. Kosikova. Moscow, 1987, 511 p.
10. Yaspers K. *Filosofiya* [Philosophy]: in 3 vol. Moscow, 2012, vol. 2, 448 p.
11. Buber M. *Ya i Ty* [Me and You]. Translated from German by Yu.S. Terent'eva, N. Faingol'da. Moscow, 1993, 175 p.
12. Buber M. *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Translated from German; ed. P.S. Gurevicha, S.Ya. Levit, S.V. Lezova. Moscow, 1995, 464 p.
13. Habermas Yu. *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektzii* [Philosophical Discourse of Modernity. Twelve Lectures]. Translated from German by M.M. Belyaeva, K.V. Kostina, E.L. Petrenko, I.I. Rozanova, G.M. Severskoi. Moscow, 2008, 416 p.
14. Bart R. *Smert' avtora* [Death of the Author]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics, Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikova. Moscow, 1994, 616 p.
15. Bodriyar Zh. *Paroli. Ot fragmenta k fragment* [Passwords. From the Fragment to Fragment]. Translated from French by N. Suslova. Ekaterinburg, 2006, 200 p.
16. Vattimo Dzh. *Prozrachnoe obshchestvo* [Transparent Society]. Translated from Italian by D. Novikova. Moscow, 2002, 128 p.
17. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti: izbrannye esse* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction: Selected Essays]. Moscow, 1996.
18. Bodriyar Zh. *Rekvem po media. K kritike politicheskoi ekonomii znaka* [Requiem for the media. To Critique of Political Economy of Sign]. Moscow, 2003, 272 p.
19. Markuze G. *Odnomernyi chelovek* [One Dimensional Man]. Moscow, 1994, 368 p.
20. Khyubner B. *Iskusstvo istiny i ili estetika ocharovaniya. Estetika v XXI veke: vyzov traditsii?* [The

References

1. Liotar Zh. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern Condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Saint Petersburg, 1998, 160 p.
2. Khaidegger M. *Bytie i vremya* [Sein und Zeit]. Translated from German by V.V. Bibikhina. Moscow, 2013, 460 p.
3. Derrida Zh. *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk Pis'mo I razlicheper* [Structure, Sign and Game in the Discourse of the Humanities. Letter and Difference]. Translated from French by D.Yu. Kralechkina. Moscow, 2007, 495 p.

Art of Truth, and or Aesthetics of Charm. Aesthetics XXI century: the Challenge to Tradition?]. Saint Petersburg, 2008, 272 p.

21. Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy: Evolution of a Man Printing]. Translated by I.O. Tyurinoi. Moscow, 2013, 496 p.

22. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Ability of Judgment]. Translated from German. Moscow, 1994, 367 p.

23. Dzheimison F. Postmodernizm ili logika kul'tury pozdnego kapitalizma [Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism]. *Filosofiya epokhi postmodernizma: sb. obzorov i referatov*. Minsk, 1996.

24. Khyubner B. *Proizvol'nyi etos i prinuditel'nost' estetiki* [Random Ethos and Enforcement of Aesthetics]. Translated from German. Minsk, 2000, 152 p.

25. Martynov V.I. *Zona opusposth, ili Rozhdenie novoi real'nosti* [Zone of Opusposth, or the Birth of New Reality]. Moscow, 2005, 288 p.

Поступила в редакцию

29 мая 2015 г.

УДК 14:174:61

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-16-22

ОБ ЭТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ МЕДИЦИНЫ

© 2015 г. Т.Э. Кафаров, А.С. Халиков, М.Р. Рамазанов, А.А. Рагимов

Кафаров Тельман Эмиралиевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории, Дагестанская государственная медицинская академия, п.л. Ленина, 1, г. Махачкала, 367000. E-mail: Kafarov.56@mail.ru

Kafarov Telman Emiralievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Dagestan State Medical Academy, Lenina Sq. 1, Makhachkala, 367000, Russia. E-mail: Kafarov.56@mail.ru

Халиков Абдулхалик Султансаидович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Дагестанская государственная медицинская академия, п.л. Ленина, 1, г. Махачкала, 367000. E-mail: dgma@list.ru

Khalikov Abdulkhalik Sultansaidovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Philosophy and History Department, Dagestan State Medical Academy, Lenina Sq. 1, Makhachkala, 367000, Russia. E-mail: dgma@list.ru

Рамазанов Магарам Раджимович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Дагестанская государственная медицинская академия, п.л. Ленина, 1, г. Махачкала, 367000. E-mail: dgma@list.ru

Ramazanov Magaram Radzhimovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Philosophy and History Department, Dagestan State Medical Academy, Lenina Sq. 1, Makhachkala, 367000, Russia. E-mail: dgma@list.ru

Рагимов Абдула Александрович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Дагестанская государственная медицинская академия, п.л. Ленина, 1, г. Махачкала, 367000. E-mail: ragimov74@mail.ru

Ragimov Abdula Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Philosophy and History Department, Dagestan State Medical Academy, Lenina Sq. 1, Makhachkala, 367000, Russia. E-mail: ragimov74@mail.ru

Рассматривается морально-этическая составляющая медицинской деятельности. Проводится мысль об особой сопричастности врачевания и личности человека, о значимости аксиологических аспектов в медицинской деятельности. Затронутые вопросы особенно актуальны в связи с тем, что современная медицина становится качественно иной; не только оснащенной передовыми технологиями, но и более чувствительной к этическим и правовым аспектам врачевания.

Ключевые слова: аксиология, медицина, мораль, милосердие, сострадание.

The article deals with the moral and ethic aspects of the medical activity. The idea of the particular complicity of the doctor and the personality in terms of the axiology aspects in the medical activity is emphasized. The issues raised in the article are of particular relevance as there are step changes in the modern medicine it being equipped not only with hi-techs but because it has become more sensitive to the ethic and the law aspect of the curing.

Keywords: *axiology, medicine, morality, mercy, compassion.*

Медицина представляет знания о человеке и умение его исцелять от недугов. Болезнь свидетельствует о неблагополучии в жизни людей, причем не только телесном, но и духовном.

Болезням подвержены отдельные люди и целые народы, страны и цивилизации. Социально-антропогенная деятельность человека привела к введению в медицине таких видов нозологий, как «болезни цивилизации». Исследователи выделяют четыре их категории: болезни загрязнения (следствие загрязнения почвы, воды, атмосферы); «болезни истощения» (как следствие разбазаривания природных ресурсов); «болезни потребления» (как следствие доминирования в мотивации современного человека установки «иметь», «владеть» и нерационального питания; болезни, вызванные расстройством биологических ритмов жизнедеятельности организма человека под воздействием социально-технической среды.

Медицинское знание – это сложная система естественнонаучных и социально-гуманитарных представлений и умозаключений о человеке и его бытии – организме, индивидуальности, личности, позволяющих компетентно вмешиваться в его психофизиологические процессы с целью предохранения от преждевременной смерти, а также физической или психической неполноценности. Поэтому медицинские знания включают совокупность ценностных установок врача, его этических стандартов и моральных принципов.

Мораль, как известно, не поддается локализации, как, например, искусство, право, религия, наука. Она пронизывает все сферы социальной действительности и профессиональной деятельности. Любая общественно значимая деятельность имеет ту или иную моральную глубину. Возникает вопрос: одинаково ли проявляется мораль в разных сферах деятельности, если нет, то каковы особенности и от чего они зависят. Моральная составляющая медицины определяется болезнью и здоровьем человека, в конечном итоге человеческой жизнью вообще.

Говоря о специфике медицины, русский врач – писатель В. Вересаев отмечал: «Нет ни одной науки, которая приходила бы в такое непосредственно близкое и многообразное соприкосновение с человеком, как медицина [1, с. 411]. Показывая связь медицины с человеком, он приходит к

следующему заключению: «...от человека медицина исходит, через него идет и к нему же приходит» [1, с. 411].

Поэтому неудивительно, что ценностные представления людей о здоровье и болезни исторически предшествовали научным. Уже на заре возникновения научной медицины сложились достаточно цельные этические кодексы («Клятва Гипократа»).

Именно врачи по роду своей деятельности не только наделены правом, но даже обязанностью вмешиваться в святые святых – человеческую жизнь.

Вся сложность, противоречивость моральных коллизий в медицине определяется тем, что человек по своей природе смертен, однако в своих установках и ожиданиях он (за редким исключением) устремлен исключительно к жизни. В то же время объективные возможности медицины, «корректируемые» субъективными факторами, свидетельствуют о том, что медицина лишь частично может решить проблему. Более того, болезнь не только, а возможно и не столько физическое, сколько нравственное страдание. Жизнь человека с болезнью приобретает несколько иную реальность. Стационар для него не просто место лечения, но и на какое-то время – жизненное пространство. И сегодня еще встречается мнение, что болезнь – это нечто снижающее достоинство человека.

В обыденном сознании едва ли не всякое заблуждение, которое лечит психиатр, подводится под общий знаменатель человеческой ненормальности. Хотя ещё в 1793 г. во Франции (благодаря Французской революции) по решению Национальной ассамблеи с психических больных были сняты цепи и их стали считать обычными пациентами. Больной невольно отчуждается окружающими психологически и отторгает себя от них сам. Основываясь на общеэтическом принципе гуманизма, медицина всегда стремилась преодолевать обыденные представления о болезни как о чем-то безнравственном. Напротив, преодолевая недуг, человек нередко предстает с морально позитивной стороны, демонстрируя мужество и жизнеутверждение. Мораль как особая форма общения людей (врач – больной) включает в себе ценностное отношение к личности, значимость его интересов.

В то же время имеет место ритуальность действий медиков, сопровождаемая подчас их равнодушием. Разумеется, врач не может тратить полноту душевных сил на каждый случай болезни и пациент остается с чувством безнадежности, неведения, одиночества перед лицом отчужденной ритуальности целителей.

Кроме того, переход лечебных учреждений на финансовые взаимоотношения с пациентами крайне негативно сказался на нравственных качествах медиков. Понятие о медицине как наиболее гуманной профессии постепенно вымывается из реальной практики, оставаясь только в воспоминаниях.

Между тем смысл работе врача придает как раз то, что он делает помимо своих чисто медицинских обязанностей. Английский экономист и моралист А. Смит резонно писал, что пивовар нам ценен не тем, что он хороший человек, а тем, что варит хорошее пиво.

А.А. Гусейнов приводит пример с конструктором, который плохой человек, но может делать хорошие самолеты, в отличие от плохого конструктора, но хорошего человека [2, с. 193]. Здесь имеет место расхождение моральных добродетелей и профессиональных результатов, несущих благо обществу. Разумеется и врач должен быть профессионалом своего дела, более того, это – моральный долг.

Но особый статус профессия врача имеет благодаря именно тому, что человек привносит в свою работу как личность. Ибо иначе было бы безразлично, например, кто делает уколы: именно этот врач или его коллега и т.д., если бы врач лишь реализовывал премудрости своей профессии. И только выходя за пределы чисто профессиональных функций, премудростей своей профессии, писал В. Франкл, врач выполняет истинно уникальную работу, в которой лишь один он может раскрыться как личность [3, с. 223].

Очевидно, что общение врач – больной оказывается неполноценным и неэффективным, когда оно лишено эмоционально-нравственных моментов. На это указывал И. Кант, утверждая, что моральная практическая философия является также универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении.

Врач, «вооруженный нравственно», способен проникать с помощью воображения, интуиции, оценки в самый сокровенный пласт духовного мира больного, постигать те мотивы и цели, которыми пациент руководствуется в своём поведении.

Известно, что заболевание, как правило, выдает себя двумя путями: через объективные симптомы, которые могут зафиксировать глаз врача и медицинские приборы, т.е. то, что можно измерить и увидеть. Медицина и основывается преимущественно на объективных симптомах, поскольку постановка диагноза должна ориентировать на объективные данные. Но существует ещё один путь – симптомы субъективные. Их нельзя увидеть глазами, услышать ушами, а можно постичь только через понимание, сопереживание. Не случайно сострадание и милосердие считаются с самых древних времен основными врачебными добродетелями. Страдание, которое переживает любое живое существо, вызывает чувство сострадания в другом человеке, желание помочь, принести облегчение страждущему. Сострадание – это как бы отклик на зов помощи, который составляет моральное основание врачебной профессии. Если это чувство у врача не развито или притупилось с годами, то говорить о его моральных качествах сложно.

Кроме того, врачевание, предполагающее в определенных ситуациях необходимость визуального обследования пациента врачом другого пола, как бы разрушает соответствующие моральные барьеры, пренебрегает культурным контекстом взаимоотношения полов в обществе.

Именно эта сторона врачебной практики, а также особая глубина душевного контакта, влияния врача на пациента (и даже власть над ним) содержит в себе возможность злоупотреблений.

Вместе с тем специфика медицинской профессии такова, что на долю даже безупречного в моральном отношении человека, коль скоро он является врачом, выпадает жесткая необходимость принятия решений и осуществления действий, приносящих кому-то более или менее ощутимый ущерб. Тот же Вересаев верно и прозорливо отмечал: «здесь мы наталкиваемся на одно из тех противоречий, которые ещё так часто будут встречаться нам впоследствии: существование медицинской школы – школы гуманнейшей из всех наук – немыслимо без попрания самой элементарной гуманности» [1, с. 238].

Не случайно одним из универсальных принципов медицинской практики был и остается принцип «не навреди». Но любое обращение к врачу несет в себе неизбежность причинения определенного вреда, поэтому нельзя данный принцип истолковывать буквально, иначе врачу пришлось бы просто отказаться от какого-либо вмешательства. Отсюда следует, что вред, исходящий от врача,

должен быть только объективно неизбежным и минимальным. И сама медицина с развитием общества претерпевает серьезные изменения, которые имеют далеко не однозначные последствия для людей. Со второй половины XIX в. медицина из особого рода ремесла постепенно превращается в государственный институт, на который помимо оказания помощи конкретным пациентам возлагается забота и об общественном здравоохранении. Существенное значение имело формирование института клиники, цели которого включали лечение пациентов, научные исследования и подготовку студентов - медиков.

Современная медицина становится качественно иной, не только более технологически оснащенной, но и более чувствительной к правовым и этическим аспектам врачевания.

Врачевание как взаимоотношения людей в специфических условиях – это проблема прежде всего морально-этическая, культурологическая. Между тем лечение сегодня сводится нередко к использованию технических достижений. Становится опосредованным процесс получения диагностической информации: между врачом-исследователем и больным встает всё более сложная техника, позволяющая глубже проникнуть в сущность патологического процесса. И это же означает включение новых звеньев между врачом и пациентом, и последний по сути теряется из виду. Врачи, как правило, концентрируют внимание на дисфункции какого-то органа – сердца, легких, печени, почек и т.д. Но отчего возникло заболевание? По мнению известного американского кардиохирурга Б. Лауна, 80 % болезней, заставляющих обращаться к врачу, имеют первопричиной жизненные тяготы и стрессы [4, с. 46]. Когда больной приходит к врачу-прагматику, тот видит в пациенте лишь носителя конкретного заболевания, а «лирика» его не волнует. Однако больна не только определенная часть тела, человек не здоров в целом, его организм разладился как система. Врач обязан относиться к больному, согласно его «родовой мере», как к явлению, представляющему самостоятельную ценность, а не как к клиническому объекту. В то же время научный подход диктует врачу воспринимать пациента как «носителя» определенной болезни, как «случай» тождественный с какими-то типами патологии (пациент как определенный объект).

Вместе с тем в нравственной плоскости – пациент для врача такой же человек, как сам: их объединяет принадлежность к миру людей.

Научные знания в медицине имеют, как правило, вероятностный характер, что проявляется тяж-

кими раздумьями, сомнениями для врача. Делая нравственный выбор, он обретает необходимую уверенность и переходит от сомнений к действиям (не случайно по Канту: мораль – сфера «практического разума»).

Человек как самоконструирующаяся, саморазвивающаяся, в принципе незавершенная система остается прежде всего объектом философского исследования. А медицина недостаточно знает человека, поскольку издавна занимается лечением его болезни, а человек как целостное существо оставался и остается во многих отношениях для неё загадкой.

Не случайно выдающиеся врачи древности и средневековья были одновременно и прежде всего известными философами.

Современная медицина вполне логично акцентирует проблему целостного рассмотрения человека: его телесности и духовности. Человек понимается как сложная система связей и отношений, как центр фокусировки внутренней и внешней энергий и влияний всех уровней организации жизни. Медицинское знание, как и любые другие сведения о бытии природы, общества и человека – это непреходящая общечеловеческая ценность. Поскольку она имеет прямое отношение к сохранению здоровья людей, повышению культуры жизнедеятельности народа, то она имеет и особое социогуманитарное значение, ибо свидетельствует не только об уровне развития интеллекта народа, но и о качестве морально-нравственных отношений в обществе.

Концепция холистического здоровья исходит из того, что каждый человек является целостной, взаимозависимой системой тела, эмоций, разума и духа. Клинические симптомы, которые заставляют его обращаться за медицинской помощью, можно понять наилучшим образом именно в контексте этой целостной и динамической связи. Сохранение здоровья зависит от гармонии этой целостности [5, с. 150–155].

Поэтому все более распространенным становится сознание того, что лечение не может относиться только к физическим процессам. Оно также должно включать ментальные и эмоциональные аспекты здоровья и даже такие области, как духовные ценности, поиск смысла жизни.

Понимание процесса преодоления болезни как возможности научиться справляться с недугом собственными силами возрождает давно известную истину, что такие способы помощи самому себе, как разумное питание, регулярная гимнастика и самопрофилактика, являются конкретными способами избежать болезни.

Это вопрос личной ответственности за собственное здоровье. А помощь врача должна состоять не только в том, чтобы справиться с отдельными симптомами, но и в том, чтобы вернуть равновесие и способствовать интеграции организма как целого.

Стало расхожим штампом говорить о высоком долге врача, его обязанности быть честным, умным, добрым, благородным и т.п. В международном кодексе медицинской этики насчитывается около 25 пунктов того, что врач должен и не имеет права делать, а также каким ему следует быть.

Вместе с тем очевидно, что никакие клятвы и обещания не делают врача лучше или хуже, чем та среда, и то общество, в котором он живет. Российское общество постсоветского периода – общество без высоких целей и общенациональной идеи, раздираемое внутренними противоречиями, захлестнувшееся криминалом. Даже на общем неблагоприятном фоне заметно бедственное состояние здравоохранения, что не может не отражаться на отношении врача к больному. Абсолютное большинство честных и порядочных людей в этой сфере вынуждены, наступая на горло собственной совести, принимать подачки от пациентов, чтобы обеспечить себе сносную жизнь.

Преобладающим стал взгляд на пациента как на источник дохода и основное средство существования. Появилась дикая формула «деньги – больной – деньги». Пациент рассматривается как товар с точки зрения доходности, выгоды. А это в свою очередь ведет к изменению диагностических и лечебных подходов, диапазона объемов и характера обследования, выбора лекарства и т.д. В хирургии отмечается рост количества немотивированных операций, расширение показаний к их применению, или, напротив, отказа от них в зависимости от материальных возможностей больного.

Таким образом, морально-этическая основа взаимодействия врача и больного постепенно нивелируется: границы запретного в деятельности врача становятся размытыми.

Распространяется аппаратно-технический подход к больному, при котором основные сведения о человеке черпаются преимущественно из данных УЗИ, томографов и т.д. Сложный внутренний мир больного, его жалобы, переживания, надежды и страхи отодвигаются на второй план. Восприятие пациента ограничивается физическими параметрами функционирования организма. В своё время выступая перед медицинской аудиторией в США, З. Фрейд начал свои лекции с удивительно актуального и сегодня заявления: «Ме-

дицинские науки приучили вас постоянно во всех явлениях болезни искать причины в их грубо анатомических изменениях в организме, объяснять их химическими или физическими причинами и подходить к ним биологически, но как раз области душевной жизни, в которой находит своё завершение деятельность нашего удивительно сложного организма, вам совершенно не пришлось касаться» [6, с. 25].

Тот же Б. Лаун пишет: «Когда я принимаю пациента, то получаю 50–60 долларов в час. Но если я запускаю ему в сердце трубку для “прочистки” сосудов, то получаю за несложную операцию 2 тыс. дол.» [4, с. 54]. Иначе говоря, общество во много крат выше оплачивает использование технологии, чем мастерство межличностного общения.

Разрушены организационные формы пролонгированной социальной защиты и профилактики заболеваний. Результат: многократный рост туберкулеза, венерических заболеваний, СПИДа и др.

В настоящее время наблюдается смена нравственных парадигм в медицине и забвение традиционных для России христианско-моральных ценностей, что связано с дегуманизацией отношений между врачом и пациентом [7, с. 19].

Развитие теоретической и практической медицины предполагает и преодоление ряда догм и ошибочных выводов и положений.

Наша медицина видела в человеке, как правило, производительную силу. Поэтому в определении нормы, здоровья и болезни человека ведущим рассматривался критерий производственной активности. При таком подходе пациент лишался личностных, системных качеств и характеристик. Ведь болезнь не только снижает производительность труда или лишает возможности трудиться, но влияет на многие другие личностные проявления пациента (семейные, культурные, коммуникативные).

Взгляд на труд медиков как непродуцирующую сферу является другой догмой. Отсюда финансирование по остаточному принципу. Труд современного врача не только сфера услуг, но и важнейшая предпосылка воспроизводства здоровых трудовых ресурсов.

Здоровье – не только производственный, но и демографический, культурный, оборонный и духовный потенциал, важнейшая предпосылка социально-экономического прогресса общества и его безопасности.

Одной из парадигм медицины до настоящего времени является так называемый паталогоцен-

тризм. Медицина односторонне рассматривается как учение о болезни и её профилактике и преодолению. Практическая деятельность врача сориентирована также на больного. В научной и учебной литературе ведущее место занимают вопросы этиологии, патогенеза и диагностики различных болезней. «Культ болезней» имеет место и в подготовке студентов вузов. Необходимо преодолеть такую одностороннюю лечебную ориентацию. Ведь болезнь – лишь следствие, причины которой часто находятся за пределами организма человека, в условиях и образе его жизни. Все более утверждается идея, что болезнь человека это прежде всего болезнь его образа жизни и повседневного поведения.

Практически общепризнанно, что на 50 % здоровье зависит от образа жизни, на 20 – наследственности, на 20 – окружающей среды, лишь на 10 % – от здравоохранения.

Медицина имеет богатый опыт борьбы с болезнями, но пока не располагает таковым в отношении укрепления здоровья здоровых. Медицинская этика также нацелена лишь на взаимоотношение врача с больным. Но не разработаны методологические, этические, психологические и правовые принципы взаимоотношения врача и здорового человека. Целесообразно вооружить медицину методикой диагностического контроля за здоровьем здоровых.

В конечном счете заболеть или не заболеть человеку зависит от того, насколько его защитные силы способны блокировать патогенное воздействие. Тем не менее в современной медицине изучению внутренних механизмов здоровья не уделяется должного внимания. Медицина изучает причины инфаркта миокарда, а причины его отсутствия исследуются слабо.

Современный пациент нередко имеет «синдром избыточной медицинской просвещенности». Усиливается несоответствие между медико-гигиенической осведомленностью пациента и его повседневным поведением.

Право на здоровье и обязанность сохранять, укреплять и совершенствовать его органически сливаются. Надо создать такие условия, при которых было бы экономически выгодно и психологически престижно быть здоровым.

Обстановка со временем рождения клятвы Гиппократова (более 2500 лет) кардинально изменилась. Врачебное братство, составляло в античном обществе почти жреческую группу, связанную полумистической религиозной приверженностью богу врачевания Асклепия. В наши дни ряды ме-

дицинской профессии объединяют мужчин и женщин самых разных этносов, религиозных убеждений, политических пристрастий и т.д., но чья приверженность единому этическому кодексу превышает национальных границ и религиозной принадлежности. Фундаментальный принцип Женевской декларации ВМА гласит: «Заботиться, прежде всего, о здоровье моего пациента». Врач должен в первую очередь руководствоваться интересами пациентов, а не коллег. Нередко бывает, что профессионалы больше заботятся о представителях собственной профессии в ущерб пациентам или клиентам, т.е. получается как по известному выражению А.Смита: «всякая профессия есть заговор против непосвященных».

Таким образом, нравственные качества медицинского работника с истоков развития самой медицины рассматриваются как важный компонент его профессиональной пригодности. Врач должен быть адаптирован к повышенному давлению социальной и моральной ответственности на него. Важно не сломаться под давлением и одновременно не утратить тонкости восприятия тех человеческих проблем, с которыми связано врачевание. И в этом смысле тяга пациентов к альтернативной медицине объясняется не столько разочарованием в традиционных методах лечения, сколько в привлекательности индивидуального психологического подхода, которым пренебрегают в клиниках и больничных стационарах. Это особенно актуально для современной медицины в связи с широким внедрением новейших технологий и возникновением принципиально новых проблем, не разрешимых в рамках самой медицины и не имеющих однозначного решения.

Литература

1. *Вересаев В.В.* По поводу «Записок врача» // Собр. соч.: в 4 т. М., 1985. Т. 1.
2. *Гусейнов А.А.* Мораль и рынок // Культура российского предпринимательства. М., 1997.
3. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
4. *Лаун Б.* Утраченное искусство врачевания. М., 1998.
5. *Друри Н.* Трансперсональная психология / пер. с англ. М.; Львов, 2001.
6. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Т. 1. М., 1922.
7. *Силуянова Н.В.* Патернализм и информированное согласие: проблема совместимости // Мед. вестник. 2007. № 1.

References

1. Veresaev V.V. Po povodu «Zapisok vracha» [Regarding the "Notes of a Doctor"]. *Coll. of works*: in 4 vol. Moscow, 1985, vol. 1.
2. Guseinov A.A. [Moral and Market]. *Kul'tura rossiiskogo predprinimatel'stva* [Culture of Russian business]. Moscow, 1997.
3. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [A Man in Search of Meaning]. Moscow, 1990.
4. Laun B. *Utrachennoe iskusstvo vrachevaniya* [Lost Art of Healing]. Moscow, 1998.
5. Druri N. *Transpersonal'naya psikhologiya* [Transpersonal Psychology]. Translation from English. Moscow; Lvov, 2001.
6. Freid Z. *Lektsii po vvedeniyu v psikhoanaliz* [Lectures on Introduction to Psychoanalysis]. Vol. 1. Moscow, 1922.
7. Siluyanova N.V. Paternalizm i informirovannoe soglasie: problema sovместимости [Paternalism and Informed Consent: the Problem of Compatibility]. *Med. vestnik*, 2007, no 1.

Поступила в редакцию

6 июля 2015 г.

УДК 130.121

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-22-27

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ М. К. МАМАРДАШВИЛИ

© 2015 г. А.В. Моисеев

Моисеев Андрей Викторович – кандидат философских наук, Ростовский государственный строительный университет, ул. Социалистическая, 162, г. Ростов-на-Дону, 344022. E-mail: andrey-moiseevF@yandex.ru

Moiseev Andrey Viktorovich – Candidate of Philosophical Sciences, Rostov State University of Civil Engineering, Sotsialisticheskaya St., 162, Rostov-on-Don, 344022, Russia. E-mail: andrey-moiseevF@yandex.ru

Анализируется концепция философского сознания как формы культуры, сложившаяся в трудах М. К. Мамардашвили в процессе исследования специфики человеческого бытия и процессов самоутверждения духовной реальности. Опыт философского сознания рассматривается с позиций двухуровневой трансцендентальной структуры, которая обеспечивает выражение и закрепление чистого опыта мысли как всеобщего условия переживания реальности самого себя и внешнего мира.

Ключевые слова: философское самосознание, форма культуры, феноменология, трансцендентализм, онтология сознания, самоутверждение человека.

The article analyzes the philosophical concept of consciousness as a form of culture, which has been developed in the works of M. K. Mamardashvili in the research process of the specificity of human existence and the processes of self-affirmation of spiritual reality. The philosophical experience of consciousness is considered from the standpoint duplex transcendental patterns, which provides for the expression and consolidation of pure experience thoughts as universal terms with the reality of oneself and the outside world.

Keywords: philosophical self-consciousness, form of culture; phenomenology, transcendentalism, ontology of consciousness, the self affirmation of the person.

Актуальность обращения к феноменологической концепции философии как форме культуры М. К. Мамардашвили обусловлена прежде всего той глубинной связью между антропологическим опытом и развитием форм и структур мышления, слом которой в новейшее время обнажил неустойчивость и кризис аффирмативного основания культуры. Диагноз этой ситуации указывает сам мыслитель. «Я имею в виду, – пишет Мамардашвили, – катастрофу антропологическую, т. е. пе-

рерождение каким-то последовательным рядом превращений человеческого сознания в сторону антимира теней или образов, которые в свою очередь тени не отбрасывают, перерождение в некоторое зазеркалье, составленное из имитаций жизни. И в этом самоимитирующем человеке исторический человек может, конечно, себя не узнать» [1, с. 147]. В этой связи отечественный исследователь Т. И. Ерошенко отмечает: «В современном мире ... большая часть людей чувствует себя незащищен-

ными и потерянными в ситуации постоянной смены социальных логик перманентного странствования среди функциональных миров» [2]. Однако ни культура, ни мышление исторически никогда не были лишь функциями.

Онтологическое измерение опыта сознания напрямую выражается в эволюции философии. Сознание в своем конституитивном измерении образует по сути второй уровень рефлексивности, всегда сопровождающий поток непосредственного восприятия. Взаимокоординация этих уровней носит исключительно трансцендентальный характер: второй уровень есть своего рода волна, «ритм», на который настроено человеческое бытие. Мамардашвили называет его «сверхчувственным интервалом». Именно этот ритм, точнее его «запись» (или, используя феноменологический термин А. Ф. Лосева, «выражение») и есть философия. Данный интервал является условием «выполнения или реализации нашей сознательной жизни как человеческих существ. То есть философия закодирована в некий акт, лишь потом называемый “философией”. Или, скажем так, могущий потом быть названным “философией”. ...В этом смысле цель философии как элемента, являющегося условием выполнения других частей или областей нашей сознательной жизни, заключена в самой же философии. Или, другими словами, философия есть мысль мысли. Тот акт, который я назвал интервалом, – пишет Мамардашвили, – он как бы встроен, инкорпорирован в режим выполнения человеком своих сознательных духовных целей и жизни» [1, с. 54]. Это бытие теперь уже философии Мамардашвили называет «реальной» философией. В его терминологии эта реальность и означает ту «роль», которую играет философское самосознание в культуре. «Реальное» бытие философии в культуре оказывается в сущности сверхпространственным «местом» и одновременно методом самоутверждения человека.

Итак, поскольку наше бытие есть человеческое, постольку существует реальное бытие философии. Сразу отметим, что в философии «понятий и систем» этот реальный «акт или элемент нашей духовной жизни предстает как удачный язык, посредством которого что-то эксплицируется» [1, с. 54]. Именно в этом содержательном контексте и находит свое действительное объяснение тезис Мамардашвили о том, что «философ – это ходячее сознание вслух». Другими словами, если у человека есть обозначенная выше способность экспликации, то он в силу одного этого факта будет философствовать, ибо как возможно

отказаться от сознания, которое, разумеется, сугубо индивидуально.

Однако в силу актуализированной исторической размерности философского самосознания эта индивидуальность субъекта мысли по смыслу обществена, в своей логической интегральности является «центром тяжести» общественной жизни как «вместилища» наличной действительности «выполнения» человечности [3, с. 80]. То есть в фигуре философа «соединяются» реальная философия и «философия учений». Однако реальное бытие философии открывается буквально везде, где есть человек. Сам Мамардашвили часто указывает на сферу поэзии: «Бытие произведений и есть попытка интерпретировать их и понять (т. е. произведения), подставляя в виде вариаций текста наши же собственные состояния, которые есть тогда форма жизни произведения» [1, с. 59]. Такая ситуация возможна именно потому, что философская рефлексивность как трансцендентальное лоно самопорождения человека феноменально явлена в виде «пауз». Они выступают условием всех иных человеческих поступков и мыслей, при этом никаким из них в отдельности. Их внутреннее «сцепление живёт и существует» в этих паузах [1, с. 58].

Через этот трансцендентализм осуществляется также прочная связь индивидуального человеческого и исторического опыта философствования. Человек «философствует» в той мере, в какой для него становится актуальной проблема выяснения условий, позволяющих состояться мысли в качестве референции «живого сознания». Поэтому на вопрос: мыслима ли какая-то мысль Платона или Канта «как возможность моего собственного мышления? Могу ли я её помыслить как реально выполненную, не как вербально существующую, а как реально выполненное состояние моего мышления?» можно ответить вполне утвердительно, так как путь, пролегающий к философии, есть непосредственно путь, который «пролегает через собственные наши испытания, благодаря которым мы обретаем незаменимый уникальный опыт» самих себя как себя [1, с. 17–21].

Понятно, почему Мамардашвили об экзистенции самих философов говорит как о реализуемом способе бытия человека вообще. Однако такой ход мысли вовсе не означает ситуации отчуждения (в Марксовом смысле) всех остальных людей от некоего всеобщего основания своего исторического существования. Дело в том, что в самих пластах культуры заложены или «закодированы» схемы «трансцендентального синтеза» человечности. Мамардашвили, чтобы введённый им концепт ре-

альной философии не повис в воздухе, размещает его в более объёмное смысловое поле понятия формы культуры. Сразу же отметим, что в ипостаси культурной формы обозначенные выше философские «схемы» непосредственно становятся жизненной реалией. Форма – это актуальное бытие самой «реальности» или трансценденций в культуре. Данная определённая является также концептуальным фоном выведения у Мамардашвили типологической характеристики исторического процесса. А именно: даётся образ европейской культуры в ее обусловленности действием имманентных процессов предметно выраженного отождествления духовных форм. И, наконец, в этом же контексте Мамардашвили выдвигает своё, чрезвычайно актуальное для новейшего времени понимание ситуации разлома в самосознании культуры.

Каким образом ученый вводит понятие философии как культурной формы? Не только философское самосознание, но и мифы, религия, искусство, наука являются, по его мнению, символами, сопряженными с ситуацией освидетельствования трансцендирования человека. Но отличие философии в том, что эта запись генерирующей человечности ритмики, постоянно возобновляющейся фундаментальной подвижки осуществляется, образно говоря, на абсолютно «чистой ленте», так что сама эта запись «сверхчувственного интервала» есть его актуализация или само действие философии в ее реальности.

Однако прозрачность философского языка отнюдь не означает необходимости буквального «чтения» текстов: культурное бытие философского произведения соразмерно совершенно иной, нежели историко-философская, системе наличной самосогласованности категориально организованного опыта самосознания. Ибо последняя есть след, элемент созидания человеком самого себя. Данная действительность чистоты и есть форма. Самосознание не может быть иным! Его содержательная определённая всецело полагается отношением формы. В каком смысле? – Избыточность, незадействованность по потребности. Рефлексивные структуры потому оказываются способными улавливать малейшие токи новых онтических порывов и взращивать их, что в них «важно не содержание, а форма. И самое главное, что эта форма бытийна, имеет отношение к бытию. ...Это именно – форма, т. е. нечто пустое, бессодержательное, и только в этом смысле – ритуализированное. Она должна быть, чтобы мы вошли в измерение, которое философы называли бытием – не-

что, существующее само по себе, как бы помимо человека, и большее, чем сам человек» [4, с. 17]. В этом – глубинная причина того, почему смысловая архитектура человеческой деятельности есть «потенция» творчества, т. е. единство его возможности и «силы» для ее осуществления. Благодаря своей восприимчивости к мутирующим бытийственным средам трансцендентальный или философский уровень сознания («взрослый», как его называет Мамардашвили) и выступает актуальностью человеческого существования [4, с. 176]. «Форма – это конструктивный орган» специфически человеческой жизни [4, с. 249].

Эту определенность мысли в ее «чистоте» Мамардашвили называет «феноменальной материей мысли, как она (снова и снова) рождается в собственном воплощающем человека существовании мысли» [1, с. 102]. Таким образом, реальность философии (трансцендентальность сознания) связана с его феноменологическим измерением. Другими словами, философское самосознание есть в той мере событие или самоутверждение человека, в какой оно не тождественно своему содержанию. «Помимо того, что мысль утверждает какое-то содержание, сам факт утверждения и видения этого содержания – событие. Событие мысли, предполагающее, что я как мыслящий должен исполниться, состояться» [1, с. 103].

Итак, феноменология есть исходный логический уровень понимания реальности самосознания как формы. В этой связи Мамардашвили специально подчеркивает независимость такой феноменологии (ее соотносительности с человеческой самоосуществляемостью) от конкретного содержания феноменологии Гуссерля. Феноменологическая редукция в контексте идей Мамардашвили означает погружение в исходную ситуацию самопорождения человечности в эфире чистоты опыта сознания – «фактическое основание» актов мышления. «Эта» мысль всегда существенно больше самой себя. Более того, ее «этость» конституирована отношением «как» онтологической состоятельности самоудерживания в стихии рефлексивности.

Эксплицирование феноменологических идей Мамардашвили вообще может осуществляться, с одной стороны, по линии выявления того нового, что было им привнесено в разработку проблемы сознания в ряду «Декарт – Кант – Гуссерль» (здесь превалирует гносеологический аспект), с другой – на уровне анализа только в феноменологии, по мнению Мамардашвили, открываемого, взращиваемого человечности, измерения сознания. В контексте исследования значим именно второй

аспект, ибо в его пределах раскрывается «вечно настоящее» обращение философии к культуре через бытийственность формы, а также определенность самосознания как «истины» сознания. Собственно в этой приставке «само» и локализуется фактически феноменологический «заряд», разрывающийся историчностью как «вхождением» в универсальный мир природы чуждого ему в своей жизненности очага упорядоченности (по сути смысловой) или генерации онтики, изнутри скрепляемой собственным архитектурическим «образом», «замыслом».

В то же время определение историчности как вхождения в данном случае не совсем верно, так как для себя она существует только в некотором внутреннем свете как чистая самопроявленность. Поэтому отношение истории и самосознания взаимно не трансференциально: вводя проблематику «цивилизации» Мамардашвили, надо признать, в целом остается и внутри другой, феноменологической, позиции, а именно – тождество истории в самосознании, которое есть культура, как оно было еще изначально актуализировано в «Феноменологии духа» Гегелем.

С интересной аргументацией в пользу тезиса о том, что вариант феноменологии Мамардашвили напрямую и в первую очередь затрагивает историческую размерность сознания, выступает Н. В. Мотрошилова. По ее мнению, «поворот от феноменологии сознания как всеобщего момента философствования к цивилизационному и тоже всеобщему моменту философии лучше всего усматривается в известной броской его формуле “трех К”»: речь идет о Картезии, Канте, Кафке» [5, с. 28]. Первые два принципа – «Декарт», условно, и «Кант», т. е. формула «я мыслю, следовательно, я существую» и трансцендентальный срез субъективности являются конституирующими моментами в «разражении» человечности. Например, «у Декарта, – пишет Мотрошилова, – Мераб справедливо находит, “вычитывает” что ли, переход “я мыслю” в “я могу”, трактуемый не в смысле абстрактного волевого акта, а в значении общецивилизационного, в пространстве общества, истории, нравственности, культуры выполняемого и напряженно удерживаемого осмысленного, ответственного действия. В этой связи Мамардашвили говорит о “мускулах мысли”, о напряженности мыслительного поиска и умения “держат мысль”, т. е. мыслить и, соответственно, действовать связно и последовательно» [5, с. 29]. Через мир же Кафки (третье «К») в сферу соотнесения культуры с самой собой, выражающееся в наличном бытии ду-

ховности, врывается «негатив» или деструктивное начало по отношению к бытийственной «самосогласованности» человечности. Ситуация «Кафки» в культуре непосредственно означает разлом в истории, свидетельствующий о диагностируемом отчуждении философии от культуры.

Итак, решение проблемы философского самосознания как формы культуры осуществляется Мамардашвили, во-первых, через включение в историческое пространство такого внутреннего измерения, которое превращает его в бесконечное саморазличие, принципиальное несовпадение как чистый свет, сущий «для другого». Во-вторых, через понимание сознания как отношения, как некоторой интенсивности в точке пересечения исходящей интенциональности и ее погруженности в себя, выступающей трансцендентальностью сознания в том специфическом значении, какое придавал данному понятию Мамардашвили. Отношение формы или реальное присутствие философии в культуре выступает как единство этих двух моментов. Чем же оказывается история в таком случае? Взятая в определении рассматриваемого тождества историчность предстает в своем осуществлении как культура. Последняя же всецело феноменальна и есть реализация возможности человека, сама человечность в своей логико-смысловой развертке. При этом онтологически (если брать традиционный смысл этого понятия) она свернута в нулевое пространство, в точку, вокруг которой происходит постоянное оналичествование дочеловеческой хаотичности, безмерности по отношению к узловой линии новой, в своей автореференциальности рассредоточенной вполне крупномасштабно, существенности другого тождества. Эта разность постоянно акцентируется Мамардашвили в качестве некой «игры теней», позволяющей увидеть самообоснованность того, что разнится. Культуру как такое «царство» реализации Мамардашвили предлагает называть «зеркальным миром», – чрезвычайно меткое и удачное выражение.

История – это великая «зеркальная галерея», которая, будучи свершением человечности, сама из себя наполняется содержанием. Зеркальность сверхточно определяет суть «чистоты» опыта самосознания в его философском варианте (реально-философском) как «основы» самоутверждения человека. Культура, пронизанная изнутри определенной формой (реальной философией), есть бесконечная тотальная область человеческой мощи, ибо она сама есть абсолютное воспроизведение идеальности рождения человечности. Поэтому Мамардашвили и говорит, что принцип культуры

есть принцип «Я могу», внутри нее уже заложен код самоосуществления человека и он связан с философской рефлексией. «Геном» свершения человечности выступает личностная перспектива, условием чего опять же является зеркальность в истории, так как именно она в силу своей абсолютной в себе прозрачности позволяет достигнуть максимума положенности в топосе смысловой определенности. Это и является причиной зависимости феноменов личности и философии в культуре. Почему личностная перспектива? Потому что «феномен личности ... означает воспроизводство в точках индивидуального человеческого существования именно вот этого построения самого себя вокруг несомненно невербального существования своего мыслящего состояния в мире, о котором я говорил, – пишет Мамардашвили, – в связи с постулатом “я мыслю, я существую”, осуществляющем фактически онтологическое, бытийное укоренение сознания» [1, с. 101]. Подлинно человеческое бытие открыто, и эта ситуация разменяна в той самой феноменологической зеркальности.

Мыслитель говорит о европейской культуре как о том пространстве в истории, которое в соотношении с другими типами культуры является эйдетически положенной предметностью, самосогласованной на уровне метафизической идентичности. Метафизической не в том простом смысле, что жизненное усилие культуры получает импульс свой от некоторого духовного ядра, а в той строгой определенности формообразования сознания, которое отвечает изначальному условию включенности в мир истории, а не природы, – «чтойность» культуры есть момент отношения «как» в самосозидании человека. Здесь возникает интересная ситуация: с одной стороны, европейская форма исторического бытия рядоположна и потому условна, но, с другой стороны, ее рациональность и ориентированность на личностную перспективу сообщает ей универсальность. Хотя Мамардашвили в то же время никогда не отрицал факта трансцендентально-феноменологической («зеркальная галерея») размерности иных цивилизационных форм. В этом смысле, писал он, философия полностью сохраняет свою жизненность и за пределами Запада, скажем, на Востоке. Другое дело, что эта проявленность не будет выходить за рамки «реального» бытия философии, и в молчаливом «между...» как такое «ничто» будет распаковывать «нечто» – удерживать в тождественности на бытийном пределе ситуацию самой, так сказать, культурности как вечно пресуществляемого рождения человечности. Поэтому Мамардашвили и говорит о

том, что культура «бессмертна» [1, с. 147]. «Зеркальность» или «молчание» образуют своего рода пустоту, отражаясь в которой мозаика единичных актов «человек» обретает целостное зрение и видится в самой себе как уже исполненная тотальность мира «Человек» – Истории.

Мамардашвили, как и Гуссерль, считает «духовной родиной европейского человечества» античную культуру, ибо именно в ней происходит прорыв «молчаливого заговора» истории в культурный код, в налично сущий текст, в котором метафизика сознания переводится в онтологию реальной действительности общественной практики права, морали, нравственности, политики и даже экономики (феномен частной собственности). Кроме того, Мамардашвили соглашается с тем, что если оставаться в рамках не трансцендентального подхода к истории, то феномен греческой культуры действительно можно представить как некоторую «аномалию» на фоне «обычной истории, которая есть история инерции. ...Греки, скорее, – мутанты» [1, с. 293].

Пытаясь показать «реальное» действие возникавших в античности, средние века и Новое время философских систем мысли, Мамардашвили выделяет три фундаментальных абстракции европейской философии: абстракция рациональной структуры вещи (введена Платоном), абстракция «операционального» сознания (введена Декартом), абстракция практики (Маркс) [6, с. 10–15]. Сам Мамардашвили признает, что выделенные им абстракции играют ту же примерно роль, что и идеи разума в познавательном процессе по Канту (трансцендентальная диалектика). Только в качестве рассудочно полученного знания выступает весь рефлексивный пласт культуры. Выделенные абстракции истории философии также сближают феноменологический подход Мамардашвили с системой Гегеля.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию... М., 1990. 368 с.
2. Ерошенко Т. И. Особенности познания общества и человека в западной социальной мысли XX века // Инженерный вестник Дона. 2012. № 4 (1). URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p1y2012/1175> (дата обращения: 08.06.2015).
3. Мамардашвили М. К. Мысль в культуре // Философские науки. 1989. № 11. С. 75–81.
4. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1997. 311 с.

5. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и феноменология как центральные темы философии М.К. Мамардашвили // Конгенитальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М., 1999. С. 17–32.

6. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3–18.

References

1. Mamardashvili M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I Understand Philosophy]. Moscow, 1990, 368 p.

2. Eroshenko T. I. Osobennosti poznaniya obshchestva i cheloveka v zapadnoi sotsial'noi mysli XX veka [Features of Cognition of Society and Man in Western Social Thought of the XX century]. *Inzhenernyi vestnik Dona*, 2012, no 4

(1). Available at: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p1y2012/1175> (accessed 08.06.2015).

3. Mamardashvili M. K. Mysl' v kul'ture [The Idea in Culture]. *Filosofskie nauki*, 1989, no 11, pp. 75-81.

4. Mamardashvili M. K. *Lektsii po antichnoi filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. Moscow, 1997, 311 p.

5. Motroshilova N. V. [Civilization and Phenomenology as the central theme of the Philosophy of M.K. Mamardashvili]. *Kongenial'nost' mysli. O filozofe Merabe Mamardashvili* [Congeniality of Thought. About Philosopher Merab Mamardashvili.]. Moscow, 1999, pp. 17-32.

6. Mamardashvili M. K. Soznanie kak filosofskaya problema [Consciousness as a Philosophical Problem]. *Voprosy filosofii*, 1990, no 10, pp. 3-18.

Поступила в редакцию

25 июня 2015 г.

УДК 141.319.8:321.01

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-27-32

ПСИХОАНАЛИЗ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ОСНОВ ВЛАСТИ: 3. ФРЕЙД, А. КОЖЕВ

© 2015 г. С.С. Черных

Черных Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, г. Новочеркасск, 346428. E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Chernykh Sergey Sergeevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Sociology and Psychology Department, South-Russian State Technical University (NPI) named after M.I. Platov, Prosveshcheniya st., 132, Novocherkassk, 346428, Russia. E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Анализируется психоаналитический способ интерпретации власти и её метафизических оснований; рассматривается «Власть Отца» в качестве архетипа традиционной власти, чей авторитет подвергается психоаналитической критике; «Власть Отца» обеспечивает господство традиции, как власть прошлого над настоящим; выявляется родство позиций З.Фрейда и А.Кожеева в интерпретации «Власти Отца», во многом проистекающая из атеистических установок обоих мыслителей.

Ключевые слова: «Власть Отца», традиция, авторитет прошлого, архетип власти, революционный порыв, патриархат, матриархат, Эдипов комплекс.

The author analyzes the psychoanalytic way of interpreting the government and its metaphysical grounds; "The power of the Father" is considered as the archetype of traditional authority, the authority of which is the subject for the psychoanalytic criticism; "The power of the Father" ensures the dominance of tradition as a power of the past over the present; reveals the similarity of positions of Freud and Kojève in interpreting power of the Father, largely derives from the atheistic attitudes of both thinkers.

Keywords: The power of the Father, the tradition, the authority of the past, the archetype of power, revolutionary enthusiasm, patriarchy, matriarchy, the Oedipus complex.

Метафизическое понимание власти представляет собой древнейший способ постижения её духовных и материальных оснований, связанных с наиболее архаичными (первичными) формами сознания человека и общественными практиками организации им собственного бытия [1]. Данный способ мышления всегда ищет первичный источник

власти, через который выплескивается наружу экзистенциальная тоска человека по собственным началам. Ясно, что метафизическое мышление, пытаясь определить источник власти, имеет дело с временной регрессией, которая увлекает мысль в логово «дурной бесконечности». Здесь разум переживает отчаяние, поскольку, останавливаясь на

более раннем истоке, он понимает, что ему предшествовал исток ещё более первичный. Чтобы справиться с проблемой «дурной бесконечности», разум выводит первичный источник власти из-под диктата временного становления, полагая его в качестве высшего (надвременного) принципа. Примерно так в мышлении рождаются понятия вечности и Бога, которые способствуют расцвету теологии. Поэтому критика метафизики всегда начинается с заявлений, что первая есть теология. Как, впрочем, стремления многих философов, особенно начиная с эпохи Нового времени и Просвещения, на разные лады деконструировать метафизику, неминуемо ставя перед собой одну и ту же основную цель, а именно: представить понятия вечности и Бога как формы иллюзии, пускай как устойчивые или даже неустраняемые из сознания, но все же как ложные.

В результате введения метафизического принципа вечности и само прошлое осмысливается как нечто предельное и зависимое не от другого прошлого, теряющегося и рассеивающегося в бесконечности, но от надвременной бесконечности, где все времена суть одно истинное бытие [2]. Прошлое таким образом спасается, наделяется собственной ценностью и подлинностью, которая обеспечивает преемственность и конструирует традицию, требующую уважения к себе, понимания и аутентичного прочтения. Очевидно, что человек всегда зависим от своего прошлого, поэтому оно в форме традиции имеет над ним власть по старшинству. Прошлое выдает человеку не только кредит на будущее, но и предъявляет счет к исполнению взятых на себя обязательств. Естественным образом оно требует подчинения, поскольку ведь оно первично по отношению как к настоящему, так и к будущему. Детерминация собственным историческим прошлым является для человека вполне очевидным фактом. В этой связи интересно рассмотреть архетипические формы проявления власти, выражающие её глубинное антропологическое содержание.

Пожалуй, важно признать, что сознание стремится мыслить власть в антропологических терминах, и в частности оно персонифицирует детализируемую нами здесь «власть прошлого» в архетипической фигуре Отца. В работе «Понятие власти» русско-французский философ А. Кожев вполне определенно указал на то, что средневековые схоласты/теологи мыслили власть именно как установленную от века (в прошлом) «Власть Отца» [3]. Здесь легко можно обнаружить психоаналитические аспекты интерпретации власти, род-

нящие мысль А. Кожева с анализом З. Фрейда. Такое положение дел с историко-философской точки зрения также можно вполне объяснить влиянием Л. Фейербаха как на антропологическую интерпретацию Гегеля в концепции Кожева, так и на исходную установку психоаналитической теории З. Фрейда. Оба мыслителя были убежденными атеистами и считали, что Бог есть человек без каких-либо мистических и особых религиозных интерпретаций данного факта. Так, например, А. Кожев полагал, что: «Именно в том случае, если Бог есть лишь “миф”, анализ божественной Власти является на деле анализом Власти человеческой: не отдавая себе в том отчета, человек переносит на Бога обнаруживаемое – более или менее сознательно – в себе самом; так что его можно исследовать, изучая “его” Бога» [3, с. 11]. С этим положением вполне согласуется установка психоанализа, рассматривающего Бога, обнаруживаемого внутри человеческой психики, как представление об идеальном человеке, которое религиозное сознание начинает воспринимать в качестве самостоятельного и первичного сущего. Сюда же можно отнести и размышления оптимистично настроенных последователей З. Фрейда, например Э. Фромма, о том, что по мере развития человечества и качественного роста в нем культурной цивилизованности в человеческом роде происходит гуманизация представлений о самом Боге [4].

В целом применительно к схоластам тезис русско-французского философа о том, что для мыслителей Средневековья высшая власть персонифицируется прежде всего в архетипе Отца, выглядит вполне оправданным. Но всё же странно, что Кожев в своей работе совсем не уточняет, кто именно из схоластов так считает. Более того, он выводит этот тезис не из текстов, к примеру Фомы Аквинского или Дунса Скота, а прямо из главной христианской молитвы «Отче Наш ...» [3]. Поэтому необходимо отметить, что он все же сильно библиизирует схоластику Средневековья, исключая из своего рассмотрения её собственно платоновско-аристотелевский background. Так, например, Кожев указывает, что Аристотель в своей политической теории выделяет в первую очередь архетип власти Вождя, ориентированного в будущее. Это также верно, но сам Аристотель, однако, этим не ограничивается. Более того, в «Политике» Стагирита содержатся вполне недвусмысленные формулировки, прямо указывающие на принцип «Власти Отца». «Власть же отца над детьми может быть уподоблена власти царя: родитель властвует над детьми в силу своей любви к ним и вследствие

того, что он старше их, а такой вид власти и есть именно царская власть. Поэтому прекрасно выразился Гомер, назвав Зевса «отцом людей и богов», как царя всех их» [5, с. 44]. Следовательно, Аристотель дает обоснование монархической власти, понимаемой в духе, вполне близком к его схоластическому (по Кожеву) определению, где монарх есть Отец (Царь Батюшка), и не случайно его образ содержит в себе черты, роднящие его с божественным, Отцом Небесным. Поэтому вполне определенно «Власть Отца» сакрализуется, санкционируясь институтом религии в культе почитания предков. Такая власть не просто следует моральной норме почитания старших и уважения к ценностям, доставшимся от них в наследство, но и связывает с этой нормой право Отца на господство.

В современной философии тема «Власти Отца» также становится важнейшей программой психоаналитической деконструкции метафизики. В этой связи интересно заметить, что родоначальник психоанализа З.Фрейд рассматривал метафизику как продукт вполне земных стремлений человеческой психики. В своем пафосе интерпретации религии в качестве иллюзии З.Фрейд стремился спустить «Бога Отца» с метафизических небес на «грешную» землю, поместив его опять же в прошлом как филогенетического, так и онтогенетического развития человека [6]. В данном контексте речь идет о наиболее спекулятивных понятиях психоанализа З.Фрейда, что на деле роднит его учение с «метафизикой» особого типа. Это понятия, не поддающиеся клинической верификации, например, «онтологическое влечение к смерти» и «убийство первобытного отца» как необходимое условие становления человеческого вида в качестве культурного и религиозного животного. В данной связи уже интересно, что один из известных последователей Фрейда – философ Г. Маркузе был убежден, что подобные «метафизические» понятия фрейдизма представляют для психоанализа наибольшую ценность и образуют сущностный каркас фрейдистской «метапсихологии». По сути дела постулируемая Г.Маркузе ценность такой метапсихологии заключается не в её терапевтической применимости, а в онтологическом содержании, из которого можно извлечь целостную систему философской антропологии [7]. Таким образом, ведущая интерпретация учения Фрейда по Маркузе – анализ именно метапсихологических понятий, явно выходящих за пределы эмпирического опыта, в которых обнаруживается их метафизический характер.

Итак, «влечение к смерти», согласно З. Фрейду, символизируемое в мифологической фигуре бога Танатоса, и почти так же как «бытие к смерти» М.Хайдеггера, есть первичное (онтологическое) стремление обрести покой, освободившись от бренности плоти и протекающих из неё страданий мира живых. Эрос как стремление к жизни противостоит Танатосу как влечению к смерти, однако он не может его победить, поскольку онтологически ему подчинен. Исходя из того, что З.Фрейд дает «материалистический» (атеистический) ответ на основной вопрос философии, в его концепции первичной является неживая материя, в лоно которой стремится всё живое. Поэтому уже в Эросе и в его сущности, определяемой как принцип удовольствия, таится семя смерти как его собственное глубинное желание полного покоя [8]. В этом пункте обнаруживается близость фрейдизма к религии и философии буддизма с его учением о «нирване». Причем здесь в отличие, например, от христианской теологии нет и речи об абсолютизации сущего в себе Эроса (любви), который господствует изначально как над всей неорганической материей, так в перспективе и над любой возможной смертью в качестве первичной идеи духа.

Интересно, что из рассмотренных выше онтологических (атеистических) постулатов фрейдизма протекает критика «Власти Отца», основанная на своеобразной гипотезе филогенезиса. Согласно эволюционной концепции З. Фрейда, на заре цивилизации, когда люди находились почти в животном состоянии, а их общество представляло собой первобытную стаю, в ней утвердилась деспотия одного первобытного отца, который, пожалуй, обладал всеми качествами дикого и жестокого самца в сочетании с властью тирана. Используя своё онтологическое старшинство, этот тиран установил монополию на получение удовольствия от лучших самок племени, старших же сыновей обрек на муки труда, а не согласных – даже на изгнание. Здесь по сути З.Фрейд излагает настолько удивительную притчу, что большинство интерпретаторов и даже наиболее последовательных сторонников его концепции делают акцент на почти исключительно символическом значении данной истории [8]. Затем в этом первобытном обществе происходит первая революция, по своему характеру одновременно культурно-политическая и сексуальная. В результате восстания старшие, изгнанные из племени, сыновья убивают собственного отца, более того, они съедают его плоть, что вполне соответствует религиозно-символическому акту первобытного причастия. Затем в сообще-

ствах первобытных людей устанавливается матриархат, характеризующийся временным смягчением форм сексуального контроля и определенной либерализацией сферы семейных отношений. Однако этот период филогенеза носит временный характер, являясь лишь подготовкой к восстановлению «Власти Отца» на новом уровне исторического развития.

Таким образом, «Власть Отца» особенно явно возрождается в монотеистической религии, вместе с которой вновь утверждается патриархат. Согласно мысли З.Фрейда, старшие дети – наследники первобытного отца уже после совершенного над ним преступления стремились восстановить его власть в сублимированных образах всеобщего Бога и верных его воле патриархов, причем себе отводили место последних. Это говорит о том, что их отношение к убитому и съеденному прародителю было амбивалентным, поскольку они не только ненавидели, но и любили его, а главное – чувствовали вину за совершенное преступление. Более того, отец сделался символом первичного порядка, законности и морали. Возможно, восстание сыновей явилось тем революционным скачком к состоянию культуры, ведь в основе её возникновения лежал моральный конфликт, за которым последовали угрызения совести целых поколений. В них берет начало так называемый «Эдипов комплекс», который, согласно З. Фрейду, является необходимым этапом онтогенеза. Таким образом, в индивидуальном развитии человека (онтогенезе) постоянно проявляется родовая (филогенетическая) травма [8]. Однако человек может не смириться с «властью Отца» и не принимать его господство, включая символический и религиозный уровень уже развитой и вполне гуманистической культуры. То есть перед человеком или группой людей всегда маячит негативная возможность восстания против «Власти Отца», которая может сопровождаться ниспровержением традиции. Преодолевая «Эдипов комплекс», человек способен отождествиться с абсолютным Отцом, который, согласно религии, «обитает на небесах» и в метафизической вечности. Более того, он сам становится вполне земным и властным отцом, хранителем и защитником традиции, консерватором, стоящим на страже норм морали и нравственности. В этом случае он приобретает статус отца-патриарха, который способствует воспроизведению и укреплению власти традиционного авторитета, основанного на примате прошлого. Однако здесь также возможна регрессия к неповиновению, подпитываемая глубинным стремлением очередного

восстания против традиционного авторитета «Власти Отца».

Поскольку «Власть Отца» на современном этапе развития человечества предстает явно в опосредованном состоянии как система культурных символов, укорененных преимущественно в религии, то и восстание против такого принципа власти сопровождается атакой на религию, метафизику и связанные с ними различные формы политического монархизма. Подобная регрессивная ситуация, характеризующаяся отвержением/опровержением религии, метафизики и монархизма, примерно от начала Нового времени становится в целом типичной для европейской культуры. Эти тенденции наиболее отчетливо проявились в новоевропейском принципе разделения властей. В данной связи А.Кожев указывал на «то, что произошла ампутация, и то, что ампутированным членом была именно Власть Отца, и то, что эта ампутация произошла скрытно, то есть бессознательно» [3, с. 102]. В результате само государство-отечество (faterland) вместе с разрушением монархического принципа утрачивает некогда доминирующие черты патриархальной власти. Вернее даже сказать, используя веберевскую терминологию «идеальных» типов, что патриархальная власть в значительной степени лишается традиционной легитимации собственного, некогда неоспоримого господства. Программа эпохи Просвещения во многом выдвигает против «Власти Отца» сходные с фрейдизмом критерии её негативной оценки. Такая власть понимается Просвещением как диктат изживших себя предрассудков, происходящих из «темного» Средневековья, где авторитарное прошлое господствует над настоящим, всячески его подавляя. Здесь обнаруживается аналогия с психоанализом З.Фрейда, где речь ведь также идет о том, что сформировавшийся в прошлом «Эдипов комплекс» активно продуцирует чувство вины, тем самым мешая индивиду наслаждаться его собственным настоящим.

Поэтому индивиду, который хочет стать свободным от прошлого, необходимо отнестись к нему самым критическим образом, по крайней мере осознать его травматичность. Фрейд был убежден, что культура, прежде всего в форме религии, скрывает от людей правду, поскольку на определенном, причем достаточно длительном этапе собственной эволюции она порождает такие образы, в которых «Власть Отца» выступает исключительно в позитивном свете всеобщего добра и счастья. Причем эта маскировка или замалчивание «темных» сторон прошлого совершается как

на частном уровне онтогенеза, так и на всеобщем уровне филогенеза. В первом случае индивид (мальчик), преодолевая «Эдипов комплекс», скорее всего подавляет и забывает (потому, что страстно желает их забыть) свои ранние сексуальные фантазии инцестуального свойства по отношению к собственной матери, в сочетании с порывами ревности и ненависти к Отцу. Во втором филогенетическом контексте, т. е. на уровне становления родовой сущности человека и развития цивилизации, люди «забывают» об убийстве первобытного Отца, которое, однако, вызвало к жизни особый культ его религиозного почитания. Таким образом, прошлое в контексте психоаналитического метода подвергается такой обработке, которая и сейчас способна оскорбить чувства (верующего) индивида, мыслящего в терминах благоговейного почитания традиции. Однако негативное отношение к прошлому или даже в значительной степени его критическое прочтение дает людям силы для революционного порыва. Это хорошо понимал крупнейший интерпретатор психоанализа, социальный философ Г.Маркузе, стремившийся в своей работе «Эрос и цивилизация» [7] продемонстрировать равнозначность революционной концепции З.Фрейда по отношению к сходной установке, выраженной в мысли К.Маркса [9]. В этой связи современные исследователи психоанализа также неоднократно обосновывали «конвергентность» концепций обоих мыслителей [10].

Интересно, что мысль Кожева по данному вопросу движется в том же смысловом русле. Так, он отмечал, что «подавление Власти Отца тем самым обладает откровенно “революционным” характером: “конституционная” теория рождается из духа бунта и революции; и она порождает революцию (“буржуазную”) по мере своей реализации» [3, с. 102–103]. Сам Кожев как полноценный диалектик стремился видеть не только позитивные, но и негативные стороны данного процесса. К первому можно вполне отнести освобождение от деспотизма «заскорузлых» форм сословного господства, не соответствующего уровню современного развития общества (согласно марксистскому тезису не удовлетворявших уровню общественного развития производительных сил), а главное демифологизацию «отчужденных» властей, которые монополизировали функции символического «отцовства». Как, например, в том случае, когда Монарх в символической форме «усыновлял» подвластное ему население, при этом на практике всячески злоупотребляя этим «полученным свыше» правом. Однако подавление «Власти Отца» включает в себе и

резко негативный момент, и не случайно А.Кожев называет этот процесс также «ампутацией» «Власти Отца» [3]. В результате искажается темпоральная структура власти, а сам архетип «Власти Отца», связанный с прошлым, делегитимизируется и исключается из существенных определений Государства. «Если “Власть Отца” удерживается, будучи просто вынесенной за пределы Политической Власти, то она фиксируется в Семье. Эта “авторитарная” Семья будет по определению противостоять Государству (лишенному Власти Отца)» [3, с. 107]. Это в свою очередь ведет к конфликту между Государством и Семьей, чей финал, согласно А. Кожеву, заканчивается уничтожением более слабого соперника, т. е. Семьи. Таким образом, государственная власть, утрачивая на деле собственные патриархальные (метафизические) основания, ещё в большей степени «отчуждается» от населения, которое теперь стремится строить свои отношения с властью на рациональной, взаимовыгодной основе, одновременно исключаящей идеал братской любви и разрушая узы подлинной семейственности.

Очевидно, что сущностные преобразования Новоевропейского буржуазного общества привели к «либерализации» не только в области политики, но и в сфере семьи и сексуальных отношений. Это отчетливо проявилось уже в просветительской критике норм «старой морали» и в требовании ослабить институциональные тиски сексуального контроля. Например, в полном согласии с логикой психоанализа Фрейда во времена Французской буржуазной революции её лидерами были приняты частичные попытки восстановления матриархата по крайней мере в его символической форме. В этой связи не случайно именно женственный образ «Марианны» становится новым символом революционной Франции, в котором воплотились эротические представления о фривольной юной девушке во фригийском колпаке [11]. Несомненно, что «подавление Власти Отца» или его фундаментальное ослабление в целом характеризовалось феминизацией общества, во многом также обусловленное борьбой женщин за равные политические права. Однако при этом вряд ли можно говорить о том, что великая Майтрея («вечная женственность») заняла место «ампутированного» Отца, что также свидетельствует в пользу утраты метафизических основ понимания и целостного восприятия власти. Если всё же принять гипотезу Фрейда, по крайней мере в том, что прошлое человеческого рода, как, например, бунт против Отца, сопровождается свержением его

власти и установлением матриархата, воспроизводится в настоящем, то отсюда можно вынести представление, что человеческое сообщество движется согласно циклической схеме П. – М. – П., где П. – патриархат, М. – матриархат. Значит, кризис власти Отца должен последовательно привести к воцарению матриархата, чьи полноценные признаки в полной мере в действительности всё же трудно обнаружить. Ведь воцарение «Матери» («Божественной Софии» в терминологии В.С. Соловьева и компании русских религиозных философов) вряд ли подразумевает вторжение в общественно-политическую жизнь революционной массы трансгендерных бисексуалов. После чего должно произойти очередное восстановление «Власти Отца», возможно включающее возрождение архаичных форм власти с опорой на опыт признанных сакральных традиций прошлого.

Таким образом, психоанализ метафизических основ власти позволяет эффективно рассматривать её общественные проявления в философско-антропологической перспективе. Данное прочтение власти дает возможность исследовать её архетипические формы, которые сознание представляет в качестве фундаментальных антропологических фигур (согласно схематике А.Кожева: Отца – Вождя – Судьи – Господина) [3]; проникнуть в антропологические предпосылки метафизического способа понимания власти в качестве глубинного стремления индивида мыслить её по мерке человеческой всеобщности; приблизиться к пониманию механизма символизации архетипов власти в дискурсе теологии и религиозного опыта.

Нами была предпринята попытка проанализировать на предмет единства взгляды З.Фрейда и А.Кожева, касающиеся «Власти Отца» и его связи с господством исторической традиции, в которой доминирует временная структура прошлого. Проведенный анализ демонстрирует действительное концептуальное сходство между фрейдизмом и неогегельянством А.Кожева, проявляющееся в их определении специфики «Власти Отца», в признании и выявлении революционных причин кризиса данной формы власти в политических условиях эпохи Модерна. Нами были обозначены общие предпосылки их понимания «Власти Отца», проистекающие из крайне антропоцентрического и атеистического прочтения духовного опыта, принадлежащего паттерну иудеохристианской религиозной традиции. В данном случае под крайним антропоцентризмом мы понимаем убежденность, характеризующую обоих

мыслителей в том, что не Бог создал человека, а напротив, человек создал Бога.

Литература

1. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001. 384 с.
2. *Черных С.С.* Деконструкция метафизики в контексте учения о вечном бытии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 5. С. 15–18.
3. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2007. 192 с.
4. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. 430 с.
5. *Аристотель.* Политика. М., 2010. 339 с.
6. Сумерки богов. М., 1990. 398 с.
7. *Marcuse H.* Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud. N.Y., 1955. 154 p.
8. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск, 2010. 480 с.
9. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. 775 с.
10. *Кожев А.* Атеизм и другие работы. М., 2006. 512 с.
11. *Слотердайт П.* Критика цинического разума. М., 2009. 800 с.

References

1. *Ledyayev V.G.* *Vlast': kontseptual'nyi analiz* [Power: Conceptual Analysis]. Moscow, 2001, 384 p.
2. *Chernykh S.S.* *Dekonstruktziya metafiziki v kontekste ucheniya o vechnom bytii* [Deconstruction of Metaphysics in the Context of the Doctrine of Eternal Existence]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2012, no 5, pp. 15-18.
3. *Kozhev A.* *Ponyatie vlasti* [The Concept of Power]. Moscow, 2007, 192 p.
4. *Fromm E.* *Dusha cheloveka* [The Soul of Man]. Moscow, 1992, 430 p.
5. *Aristotel'.* *Politika* [Politics]. Moscow, 2010, 339 p.
6. *Sumerki bogov.* Götterdämmerung. Moscow, 1990, 398 p.
7. *Marcuse H.* *Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud.* New York, 1955, 154 p.
8. *Freid Z.* *Ocherki po psikhologii seksual'nosti* [Essays on the Psychology of Sexuality]. Minsk, 2010, 480 P.
9. *Marks K.* *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and Other Early Philosophical Works]. Moscow, 2010, 775 p.
10. *Kozhev A.* *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and Other Works]. Moscow, 2006, 512 p.
11. *Sloterdaik P.* *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Mind]. Moscow, 2009, 800 p.

УДК 1.316 +101.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-33-37

ПРАКТИКИ ВЛАСТИ В ВИЗУАЛЬНОМ ПОЛЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

© 2015 г. Э.Э. Эмирбекова

Эмирбекова Елена Эмирбековна –
кандидат юридических наук, доцент, директор,
Филиал Южного федерального университета
в г. Махачкала,
ул. Юсупова, 51, г. Махачкала, 367950.
E-mail: Elena_1980@mail.ru

Emirbekova Elena Emirbekovna –
Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Director,
Makhachkala branch of the
Southern Federal University,
Yusupova St. 51, Makhachkala, 367950, Russia.
E-mail: Elena_1980@mail.ru

Выявляются практики власти в визуальном поле пространства личности, к которым относятся правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, задаваемые с позиции семиологической концепции видения кодами визуального восприятия; модели и идеальные образы, формирующие, исходя из теории визуальных абстракций Арнхейма, визуальную сферу мышления. Определено главное назначение практик власти, заключающееся в формировании в визуальном поле пространства личности социокультурных феноменов, регулирующих жизнедеятельность личности. Первый из них, соединяющий естественный и иллюзорный аспекты бытия, феномен «бытия-под-взглядом», второй – «взгляд поощрения/неодобрения» как предоставление возможностей и лишение их; третий – «пирамида взглядов». Указаны свойства зрения, используемые в практиках власти, направленных на формирование визуального поля пространства личности. Визуальное восприятие окружающего мира представляет собой многослойную систему, изначально предопределяющую восприятие. Кроме того, визуальное восприятие мира предстает как амбивалентный процесс, и заданный, и неконтролируемый одновременно.

Ключевые слова: личность, пространство личности, визуальное поле, власть, практики власти.

The author reveals the practices of power in the visual field of the individual space, which include the rules ensuring the opportunity of visual dialogue, from the position of semiological concept of vision by the codes of visual perception; models and ideal images, which form the visual sphere of thinking from the point of view of Arnheim's theory of visual abstractions. The main purpose of the power practices aimed at the formation of the visual field of the individual space of social and cultural phenomena that regulate vital functions of the individual is determined. The first - connects the natural and the illusory aspects of life, the phenomenon of "being under-the look", the second - "the look of encouragement / disapproval" as providing opportunities and depriving them; the third - "pyramid of views." The properties of view used in the practices of power, aimed at the formation of the visual field space of the person are indicated. The visual perception of the surrounding world is the multilayer system, initially predetermining perception. In addition, the visual perception of the world appears as the ambivalent process, predetermined and uncontrolled simultaneously.

Keywords: personality, personality space, visual field, authority, authority practitioners.

Актуальность обозначенной темы определяется необходимостью выявления и обоснования существования и функционирования практик власти в визуальном поле пространства личности. При этом собственно само наличие практик власти обусловлено способностью личности визуально воспринимать мир. Данное утверждение аксиоматично. Поэтому естественно для выявления практик власти в визуальном поле пространства личности исследовать сущностные свойства, особенности, роль в формировании мировоззрения собственно специфику визуального восприятия личности.

Таким образом, базовыми понятиями, определяющими логику раскрытия темы – практики власти в визуальном поле пространства личности – выступают такие понятия, как «визуальное», «визуальное поле», «визуальное поле пространства личности».

Понятие «визуальное» наиболее полно в рамках социально-философского знания рассмотрено в аналитике визуального М. Хайдеггера, который полагал, что зримое как феномен в принципе сформировало основание европейской науки, которая в свою очередь предопределила новоевропейское мировоззрение. Хайдеггер объяснял данный тезис следующим образом: сущность науки проявляется в научном исследовании; исследование начинается с проекта, наброска предметной сферы. При этом опредмечивание сущего происходит через представление, совокупность же представлений формирует картину мира, без которой нет и не может быть мировоззрения как целостной системы. То есть мир перед современной личностью предстает как картина, а позиция личности по отношению к данной картине определяется как мировоззрение «...принципиальным отношением к

сущему» [1, с. 51]. Данная позиция личности определяет ее как властвующую в силу того, что именно она, задавая меру и устанавливая нормы, «фабрикует» картину миру через опредмечивание проекта сущего, являющего собой систему зрительных образов. При этом личность при визуальном взаимодействии с миром пользуется зрительными схемами, включающими в себя модели воспринимаемых объектов, благодаря которым и происходит узнавание.

Однако Хайдеггер также рассматривал возвращение к истине бытия в озарении, сходному и по смыслу и по звучанию понятию «зрение» как второй аспект зрения, позволяющий воспринять бытийную полноту сущего-бытия. Кроме того, анализируя тезис «наука есть теория действительности», Хайдеггер находит корни понятия «теория» в сращении двух древнегреческих слов: вид, облик и разглядывать, охватывать взором. И выводит его изначальное значение как «видеть явленный лик и взором в нем пребывать благодаря данному видению». Исходя из совокупности приведенных выше размышлений, сформированную новоевропейской наукой схему восприятия Хайдеггер определяет как установление через видение (смотрение) сущего. Установленное сущее в последующем противопоставляется Себе через предписание ему норм – умозрительных конструкций, сформированных на основе словесных проектов реальности. В данном противопоставлении «представленного» Себе через систему норм можно увидеть точку пересечения вербальной и визуальной сфер, то поле, на котором активно осуществляется применение практик власти. Также противопоставление объекта и присвоение личностью доминирующей позиции в процессе формирования воззрений на мир, с позиции Хайдеггера, выступают как результат развития европейской науки и культуры. Следовательно, визуальное восприятие мира предстает как амбивалентный процесс: заданный и неконтролируемый одновременно. Заданность визуального восприятия мира осуществляется через выработанные в культуре визуальные схемы и вербальные представления, разъясняющие личности смысл увиденного и тем самым одновременно формируя определенный ракурс восприятия увиденного и выступая инструментом опредмечивания мира. Неконтролируемость визуального восприятия мира заключается в том, что оно происходит независимо и от вербально и лингвистически организованного мышления и осознания личности.

Понятие «визуальное поле», границей которого является глаз, использовал Л. Витгенштейн [2] в

качестве модели для изучения мира от первого лица, при этом личность рассматривается им не как часть мира, но как некая точка на его границе. Однако в узком смысле данное понятие как пространство начальных представлений близко с понятием феноменального поля или образами предметов в гештальтпсихологии. Оно также переключается с понятиями «видимое поле» и «видимый мир», которые ввел Дж. Гибсон [3], размышляя о наблюдении. Понятие «визуальное поле» было использовано при исследовании проблемы эффективности образования: «Термин “визуальное поле” возник при рассмотрении автором вопроса о стратегиях мозга, когда методология мониторинга мыслительных стратегий партнера по коммуникации обращается “внутрь” наблюдателя, т.е. вместо исследования стратегий другого человека, практикующийся управляет работой мозга с собственной базой знаний» [4, с. 23]. Однако в контексте исследования практик власти в визуальном поле пространства личности наиболее продуктивной представляется концепция «визуального мышления» Р. Арнхейма, в которой он проводит анализ соотношения свойств визуального восприятия, понимая под визуальным мышлением «оперирование зрительными образами» [5, с. 15]. Главная же идея концепции заключается в том, что в основании феномена видения лежит абстрактное выделение структурных черт воспринимаемых объектов, классифицирование которых происходит не в результате кумулятивного накопления повторяющихся похожих впечатлений, а выводится из единичного явления воспринятого при условиях трактуемых воображением как благоприятные или неблагоприятные. В дальнейшем эта абстрагированная зрительная форма используется для интерпретации иных проявлений действительности. При этом она может слиться с иными интерпретациями, измениться или замениться иным гештальтом. То есть личность, обобщая визуально воспринятую информацию, заранее имеет сформированное представление о том, каким может быть этот класс явлений: из множества примеры выбираются не произвольно, а исходя из предположения, где именно их свойства могут проявиться наиболее ярко. Таким образом, обобщение есть некий результат процесса восприятия, а мышление уже проводит уточнение через дифференциацию первичных перцептуальных понятий.

Итак, группировка визуальных феноменов по критериям является неотъемлемым свойством разума личности, а социализация в данном контексте предстает как процесс усвоения данных критериев

и научения их применения. Визуальное абстрагирование, представляющее собой второй, не менее важный процесс, чем визуальное обобщение, также лежащая в основе классифицирования, Арнхейм определял как извлечение сущностных черт. Визуальная абстракция возможна благодаря тому, что любой визуально воспринимаемый феномен имеет ключевые и второстепенные или случайные признаки. Ключевые признаки допускают развитие и абстрагирование. При этом абстракции, по Арнхейму, можно разделить на понятия емкости (сумма свойств, по которым можно опознать данный вид сущности, интервалы «либо/либо») и типы (структурные основы для емкостей). То есть визуальное восприятие есть сложная система, основанием которой являются связи между воспринимаемыми признаками и представлением о сущности объекта. Те признаки, которые наиболее соответствуют представлениям, объединены в культурном пространстве в систему зрительных абстракций и предопределяют восприятие объекта, включающее в себя процессы властвования, заключенные в природе человеческого зрительного восприятия (классифицирование, ранжирование, определение, оценивание) как одно из условий узнавания (наделения смыслом) объектов, осуществляемое через матрицы восприятия. Матрицы восприятия формируются в результате возникновения связи между внешним гештальтом и внутренним смыслом благодаря яркому впечатлению.

Возникающая в данном контексте коммуникация в системе «личность – мир» предстает как изначально заданная коммуникативная структура, в основе которой, исходя из семиотической концепции, описывающей видимое пространство как систему визуальных кодов, структурирующую информацию, лежит код [6]. Система визуальных кодов, по У. Эко, состоит из смысловых единиц, включающих в себя фигуры (не имеющие самостоятельного значения); собственно знаки, имеющие устойчивые единичные значения; семы, значение которых соотносится со словосочетанием. В принципе это деление соотносимо с денотативными и коннотативными значениями в языковом поле личности.

В рамках данной концепции выделяются также иконические визуальные знаки (различные изображения – семы, сложные единицы значения, которые можно разложить на определённые знаки, но с трудом на фигуры); иконографический код (образует сложные синтагматические сцепления и конфигурации изображений, традиционные для культуры определенного исторического периода и

в силу этого легко узнаваемые, например, «Старый новый год»), а также так называемые вспомогательные коды: коды узнавания (например, черные полосы – зебра), коды передачи, определяющие условия восприятия, необходимые для формирования образов в дальнейшем (качество фотоснимка на экране компьютера). Кроме того, существуют сенсорные коды и коды вкуса, определяющие эстетические основания исторического периода (например, модный типаж мужчины в одну эпоху в другую будет восприниматься как смешной), стилистические коды, фактически играющие роль неких культурных клише (например, определенный комплекс ассоциаций, запускаемый при помощи определенного образа). То есть визуальное познание окружающего мира представляет собой многослойную систему, изначально предопределяющую восприятие. При этом визуальный код, одновременно и более структурированный и диффузный чем лингвистический, более вариативен, вследствие чего вбирает большие слои реальности, формируя визуальное поле пространства личности.

В нем и происходит развертывание визуального диалога в системе «власть – личность», направляемого посредством практик власти. Основой применения практик власти в визуальном поле пространства личности выступают правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, задаваемые с позиции семиологической концепции видения кодами визуального восприятия, поскольку системы кодов визуального восприятия представляют собой не только властвующие конструкции, предопределяющие специфику диалога «власть – личность», но и лежат в основе практик власти. При этом семиологическая теория видения выступает практическим объяснением процессов выделения и эволюционирования главных признаков объекта, фиксируемых в процессе видения и предопределяющих вычленение определенных форм и характеристик объектов в концепции визуального мышления Р. Арнхейма. Кроме того, семиотика выявляет и обосновывает социокультурную зависимость ассоциативного зрительного ряда.

Таким образом, тезис о непосредственной зримой явленности объектов окружающего мира предстает как одна из распространенных иллюзий, в то время как подобно языковым ассоциациям, заданным лингвистическими нормами, зрительные ассоциации и само зрительное восприятие объектов задано социокультурными зрительными стереотипами. Однако последние оказывают гораздо более мощное воздействие на личность в силу того, что отсутствие прямого словесного указания

создает ощущение того, что видимое ею дано непосредственно, без постороннего вмешательства. Тем не менее над визуально воспринимаемым рядом окружающей действительности имеется множество закодированных схем, моделей, образов видения, одновременно упорядочивающих мир и задающих правила этого упорядочивания. А в силу того, что визуальные культурологические модели не осознаются в той степени как лингвистические, личность не имеет возможности от них дистанцироваться и создать собственную матрицу узнавания и как следствие воспринимает зрительные социокультурные стереотипы в качестве результата деятельности собственного мышления.

Исходя из представленного выше анализа визуального аспекта в социально-философском научном знании, в частности теории визуальных абстракций Арнхейма, и апеллируя как к некому возможному итогу к высказыванию Ж. Лакана о том, что «...вся наука основывается на сведении субъекта к глазу...» [7, с. 49], возможно сделать вывод, что визуальная сфера мышления, представляя собой визуальную систему моделей и идеальных образов, формируется именно при помощи данных моделей и идеальных образов, выступающих как визуальные практики власти в пространстве личности.

При этом применение практик власти в визуальном поле пространства личности создает три социокультурных феномена, регулирующих жизнедеятельность личности. Первый из них, соединяющий естественный и иллюзорный аспекты бытия, достаточно подробно рассмотренный Ю. Хабермасом, Э. Левинасом, Ж.-Л. Нанси, Ж.-П. Сартром феномен «бытия-под-взглядом». Посредством «взгляда из ниоткуда» личность погружается в ситуацию неопределенной контролируемости, где неизвестность, возведенная в степень («не известно контролируют ли меня» и «если да, то кто именно»), формирует визуальное поле личности согласно установленным в социуме нормам.

Второй социокультурный феномен, формируемый практиками власти и функционирующий в визуальном поле пространства личности, – «взгляд поощрения/неодобрения» как предоставление возможностей и лишение их. Он основывается на том, что личность осознает взгляд Другого одновременно и как постижение образа себя, и как ограничение своих возможностей, заключенных в границы этого образа. То есть взгляд Другого, наделяя «Я» пространственностью, одновременно задает и границы ее, превращая «объекты-для-меня» в объекты «Его-взгляда», а осознание себя в цен-

тре отношений «себя-как-объекта» конструирует мир личности в предзаданное целое, так как «поскольку на меня смотрят, я не развёртываю расстояние, а ограничиваюсь его преодолением» [8, с. 297], стремясь понять значение этого взгляда в его отношении/понимании «Я-меня».

Функционирующая подобным образом культура коммуникации, основанная, как мы уже говорили, на своде правил, исходя из которых личность может предвидеть производимое ею впечатление, фактически лишает личность истинной свободы через конструирование ее как объекта восприятия. То есть из аналитики визуальной коммуникации Сартра и концепции повседневного мышления Шюца взгляд поощрения/наказания навязывает личности желательный конструкт поведения, поскольку находясь в состоянии «бытие-под-взглядом», личность должна демонстрировать определенное поведение, чтобы быть оцененным властью положительно.

В основе третьего социокультурного феномена, формируемого практиками власти в визуальном поле пространства личности – «пирамида взглядов», – лежит, исходя из представленной выше концепции визуального Ж.-П. Сартра, изначальное неравенство видимого и видящего. В определенной мере это оправдано тем, что общество должно быть организовано и более того, чем организованнее общество, тем выше уровень благосостояния его граждан. Соответственно власти и применяют активно техники, где средства контроля или иллюзии контроля делают видимыми тех, на кого они направлены, через иерархию контроля, которая схематически может быть представлена в виде пирамиды власти. Основанием данной пирамиды выступает непрерывный игровой процесс рассчитанных взглядов, наделяющий/отнимающий предписанные возможности, что позволяет власти осуществлять детализованный контроль.

Таким образом, нами выявлены практики власти в визуальном поле пространства личности, к которым относятся: правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, задаваемые с позиции семиологической концепции видения кодами визуального восприятия; модели и идеальные образы, формирующие, исходя из теории визуальных абстракций Арнхейма, визуальную сферу мышления. Определено главное назначение визуальных практик власти, заключающееся в формировании в визуальном поле пространства личности социокультурных феноменов, регулирующих жизнедеятельность личности. Первый из них, соединяющий естественный и иллюзорный

аспекты бытия, феномен «бытия-под-взглядом», второй – «взгляд поощрения/неодобрения» как предоставление возможностей и лишение их; третий – «пирамида взглядов». Указаны свойства зрения, используемые в практиках власти, направленных на формирование визуального поля пространства личности. В современном обществе применение практик власти в визуальном поле пространства личности происходит преимущественно там, где присутствует некое множество людей, т. е. на социальном и межличностном уровнях пространства личности. Практики власти в визуальном поле пространства личности позволяют власти, не вмешиваясь, прямо организовывать последовательность действий, вытекающих одно из другого, реализуя тем самым заданную модель мышления и поведения.

Литература

1. Хайдеггер М. Время картины мира // Бытие и время. М., 1997. 452 с.
2. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М., 2010. 256 с.
3. Гибсон Дж. Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. 464 с.
4. Гидлевский А.В. Основы теории визуального поля // Естественнонаучное образование в реализации идей гуманистической педагогики. Омск, 2000. С. 15–30.
5. Арнхейм Р. Визуальное мышление. Главы из книги / пер. И. Фриденберга // Зрительные образы: феноменология и эксперимент / под ред. В. П. Зинченко. Душанбе, 1973.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. СПб., 2006. 544 с.

7. Лакан Ж. Функция и поле речи языка в психоанализе. М., 1995. 101 с.

8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М., 2000. 638 с.

References

1. Khaidegger M. *Vremya kartiny mira. Bytie i vremya* [Time Picture of the World. Being and Time]. Moscow, 1997, 452 p.
2. Vitgenshtein L. *Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti* [Culture and Values. On Certainty]. Moscow, 2010, 256 p.
3. Gibson Dzh.Dzh. *Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Moscow, 1988, 464 p.
4. Gidleviskii A.V. *Osnovy teorii vizual'nogo polya* [Bases of the Theory of the Visual Field]. *Estestvennonauchnoe obrazovanie v realizatsii idei gumanisticheskoi pedagogiki*. Omsk, 2000, pp. 15-30.
5. Arnkheim R. *Vizual'noe myshlenie* [Visual Thinking]. Glavy iz knigi. Per. I. Fridenberga. *Zritel'nye obrazy: fenomenologiya i eksperiment* [Visual Images: Phenomenology and Experiment]. Pod red. V. P. Zinchenko. Chapters from the book. Translated by I. Friedenberga, ed. Zinchenko. Dushanbe, 1973.
6. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent Structure. Introduction to Semiology]. Translation from Italian by V. Reznik, I. A. Pogonyailo. Saint Petersburg, 2006, 544 p.
7. Lakan Zh. *Funktsiya i pole rechi v yazyka v psikhooanalize* [Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis]. Moscow, 1995, 101 p.
8. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness: The Experience of the Phenomenological Ontology]. Translation from French and references by I. Kolyadko. Moscow, 2000, 638 p.

Поступила в редакцию

15 июня 2015 г.

К 100-ЛЕТИЮ РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

УДК 1 (091) 14

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-38-43

РОСТОВСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА: НАУЧНЫЕ ИДЕИ И ОСНОВАНИЯ

© 2015 г. Г.В. Драч

Драч Геннадий Владимирович –
доктор философских наук, профессор,
кафедра теории культуры, этики и эстетики,
Южный федеральный университет,
пр. М. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: gendrach@mail.ru

Drach Gennady Vladimirovich –
Doctor of Philosophy Sciences, Professor,
Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics,
Southern Federal University,
M. Nagibina Ave, 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia.
E-mail: gendrach@mail.ru

Дается описание ростовской школы философии как научного сообщества и направления исследований, характеризуются основные её представители. Обосновываются приоритеты внутреннего самоопределения философии, из чего вытекают итоговые смыслы, с которыми она обращается к обществу. На этой основе происходило формирование философского сообщества в Ростовском государственном университете (ныне – Южный федеральный университет).

Ключевые слова: философия, наука, научная школа, самосознание, философское сообщество, образование, культура.

The description of the Rostov school of philosophy as a scientific community and research areas is given, its main representatives are characterized. The priorities of internal self-determination philosophy, which justify the final meanings referred to society, are substantiated. On this basis, the formation of the philosophical community at Rostov state University (now - Southern Federal University) took place.

Keywords: philosophy, science, scientific school, self-consciousness, the philosophical community, education, culture.

Размышления о развитии российской философии XX в. выводят далеко за пределы философского образования и академических традиций и проливают свет на современные проблемы развития высшей школы в целом. Носителями философии оказываются в своём большинстве философы-преподаватели, к которым, как и к профессиональным научным работникам в области философии, общество может и должно прислушиваться. Часто сообщество преподавателей-философов, объединённых одной идеей, единомышленников, называют философской школой. Такое выражение употребляется и по отношению к философам, работавшим в Ростовском государственном университете (с 2006 г. – Южный федеральный университет). Хотя надо учитывать и широкий круг энтузиастов, получивших философское образование, но не работающих в данной области. Мы исходим из понимания развития этой дисциплины как своего

рода гетерогенного синтеза, происходящего на стыке философии как профессиональной традиции и как самосознания познающего субъекта, резюмирующего осознание своего окружения, своей эпохи, её проблем, задач и смыслов. Собственно говоря, подлинный философ живёт этими смыслами и экстраполирует их на область мироздания, объединяющего природу, Бога (богов), и человека. Философия же отличается тем, что в ней содержится обоснование путей и способов познания и возможностей преодоления проблем, встающих перед обществом (исторические вызовы), без чего невозможна такого рода экстраполяция.

В своё время М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьёв, В. С. Швырёв поднимали вопрос о «мыслительной культуре, сложившейся в Европе», связывая ее с «категориально оформленным самоощущением мыслящего индивида, живущего в определенную историческую эпоху» [1, с. 34]. Но

и в Ростове-на-Дону А. В. Потёмкин обосновывал понимание предмета философии как отношения познания к бытию, субъекта к объекту [2]. Интересно обоснование деятельной природы познания, превращения человека в субъекта познания, предполагающего интеллектуальное сообщество и его смысловые предпочтения. Философское сообщество становится таковым только в условиях интеллектуального самоопределения и произведённого выбора в смысловых предпочтениях. Ведь речь идёт о внутреннем самоопределении философии, обосновании её роли и итоговых смыслов, с которыми она обращается к обществу. На этой основе и происходит формирование философского сообщества кафедрального, университетского, городского и иного масштаба.

Ю.А. Жданов, М.М. Карпов, А.В. Потёмкин – организаторы философского факультета и всего философского сообщества в Ростове-на-Дону, получившего признание в 60-е гг. прошлого века как Ростовская философская школа. К этой школе относили и М. К. Петрова, и В. Е. Давидовича, и Е. Я. Режабека. Характеризуя истоки Ростовской философской школы, нам уже приходилось ставить вопрос: что же объединяло этих разных людей [3, с. 21]? Прежде всего отсутствие ортодоксальности и творческое отношение к философии. Ростовские философы прослыли «возмутителями спокойствия». Можно говорить и об особом отношении к творчеству Гегеля, желании применить диалектику Гегеля в обосновании «творческого марксизма». Складывалась определённая идейная общность, единство различённого, интегративное научное направление. Ростовские философы пытались понять свою эпоху, и хотя делали это по-разному, но как люди одного поколения и одной страны. Исходная модель самосознания ростовских философов-шестидесятников – верность идеалам Просвещения, пиетет к образованию и науке, глубокое уважение к учёному-творцу и первооткрывателю. Модель самосознания преломлялась в анализе социально значимых процессов, происходящих в стране.

Отметим вслед за В. В. Мироновым трагичность ситуации, разрешить которую не под силу «школярской философии» (А. В. Потёмкин использовал термин «диатрибическая философия»), за пределы которой редко выходила и вузовская философия. Вопрос в другом. «Являясь конечным существом, человек стремится познавать бесконечное и несоизмеримое его масштабам, неизбежно при этом подгоняя всё окружающее под свои собственные измерения» [4, с. 12]. В этом смысле

Ростовская философская школа понимается нами как огромное проблемное поле философии, как пространство для дискуссий и споров. Их дискуссии выводили на проблему социальной роли науки, превращения науки в непосредственную производительную силу. С энтузиазмом воспринимались в Ростове доклады В. С. Библера о Галилее и Г. Н. Волкова о будущем науки. В это время уже были известны работы Дж. Гэлбрейта, в которых он, анализируя основные тенденции экономического развития, сближал реалии социализма и капитализма, поскольку во второй половине XX в. классического капитализма уже не было, а свободная и неограниченная конкуренция производителей и рыночное саморегулирование оставались в далёком прошлом. По его мнению, облик экономического общества определяли уже не идеологические символы, а «требования, диктуемые техникой и организацией производства» [5, с. 34]. Можно сказать, что за проектом ускоренного развития науки, обсуждаемого ростовчанами, скрывалась серьёзная модернизационная модель, модель конвергенции социализма и капитализма, которая могла дать вполне осязаемые результаты и спасти СССР от распада.

В Ростовском государственном университете в тот период по инициативе Ю.А. Жданова укреплялась научная составляющая образовательного процесса. Создавались НИИ, расширялись факультеты. В 1970 г. был образован самостоятельный философский факультет. Поскольку эффективность науки философы Ростова пытались обосновать, опираясь на модель Просвещения, с этим было связано их особое отношение к философии Гегеля, в особенности к его «Науке логики» и «Феноменологии духа» [6, 7]. Разум сохраняет в философии Просвещения и у Гегеля главенствующее значение, первое и основное определение абсолютной идеи есть разум. Но разум субстанциализирует бытие. Хотя Логика Гегеля – это прежде всего портрет Духа, это ещё и субстанция, которая составляет сущность и первооснову бытия. Дух Гегеля воспроизводится как деятельностное, самодостаточное, саморазвивающееся начало. История саморазвития духа, переход из состояния «в себе» в состояние «для себя» составляет содержание истории науки и культуры. Гегелевская идея самосознания духа – путь к осознанию Европейской науки и образования. Главное здесь – наука Логики, на которую опирались ростовские философы. Соответственно, воспроизведение философской процедуры самосознания и рефлексии как метода реконструкции культурной традиции понимались

Ю. А. Ждановым и В. Е. Давидовичем как путь к свободе [8].

Разрушение гегелевского панлогизма означало крушение некоего культурного проекта, все ещё связанного с эпохой Просвещения. Возникла проблема исчерпанности просвещенческого проекта. Но не для России, которая не реализовала полностью идей Просвещения. В работах Ю. А. Жданова содержится положение о незавершённости проекта Просвещения для России. Разум сохраняет в философии Просвещения и у Гегеля главенствующее значение. Но основные идеи шестивия Духа кроются в Образовании. Немецкое *Bildung* – образование, воспитание, формирование восходит к древнегреческой концепции «пайдейи». «Пайдейя» и рефлексия, ребёнок и слуга формируют в античном мире пространство культуры. А. Гоулднер, характеризуя агональное пространство античного полиса, включает в него не только борьбу за призы (достижения, слава), но и образование и интеллектуальное творчество [9]. Это та почва, на которой «сумрачный немецкий гений» взрастил неуёмное фаустовское стремление к познанию и обладанию, формированию личности, которая способна к саморазвитию, рефлексии и самостоятельности. Ведь свободный мальчик, воспитываемый рабом, не мог воспринимать его в качестве образца для подражания, для этого требовалась иная система ценностей и свободное самоопределение. Система образования делает неотъемлемым её элементом философию, обеспечивая тем самым развитие идеи образования, формирование её на основе фундаментальных научных предпосылок и последующее воспроизведение этой фундаментальности.

Интеллектуальный образ человека, идея как его содержание, процесс «пайдейи», преодоление наличного, устремлённость к идеалу (иначе не свобода, а рабство, когда господствуют «хищные вещи века») – заслуга Ю. А. Жданова и его ростовских единомышленников. В этом контексте развивалась ими и идея культуры. Современное культурологическое знание складывалось как осознание кризиса культуры, невозможности гармонии человека и природы. Тем не менее продолжался поиск рациональных оснований этой гармонии. Ю. А. Жданов неоднократно обращался к работам В. И. Вернадского [10]. В работе Ю. А. Жданова и В. Е. Давидовича «Сущность культуры» уже содержится мысль о неустойчивости и хрупкости взаимоотношений социального и природного миров. Но человечество открыло новый континент самосохранения – культуру. В самом себе человек обнаружил этот континент и на пути его обретения вернулся на путь свободы и самосохранения.

Главный урок в ростовских исследованиях культурологических проблем – необходимость обосновать связь индивида с коллективными ценностями. Собственно говоря, здесь открывается проблемное поле французской социальной антропологии, начиная с Леви-Брюля опирающейся на идеи социальной солидарности Э. Дюркгейма. Ю.А. Жданов и В. Е. Давидович неоднократно напоминали, что рассмотрение культуры должно начинаться с «полагания её проблем в целостной совокупности на уровне родового субъекта» [8]. Культура как способ воспроизводства человека – открытая система, производство его будущего. Единство духовного и социального реализуется в культуре и представляет собой сложное взаимоотношение, осуществляющееся в жизнедеятельности человека. «Деятельностное единство» человека выступает на первый план в единстве различных состояний человека и его материальных и духовных предпосылок. Человек как индивид во всех культурах выступает в роли социального творца, продолжающего созидательную культурную деятельность человечества, общества. Она многообразна, хотя культурно-исторический релятивизм (Р. Бенедикт, А. Крёбер) ростовскими культурологами осуждался. Тойнби, Данилевский, Шпенглер развивали идеи эквивалентности, равноценности культур, но Ю. А. Жданов и В. Е. Давидович справедливо ставили вопрос: можно ли уравнивать все известные культуры, не остаётся ли в этом случае непреодоленным европоцентризм? Если признавать единство всемирной истории, то получается, что целый ряд культур выпадают из единого процесса мировой культуры. Но на современном этапе мировой истории они как раз имеют огромное влияние.

Особенно значимыми для ростовского сообщества были идеи М. К. Петрова в области философского науковедения, так называемой «науки о науке» (*science of science*) [11]. Наука рассматривалась им не как встроенный механизм общечеловеческого мышления, а как особый институт европейской культуры. К этим же проблемам М. К. Петров возвращался и в своей кандидатской диссертации, посвященной философским проблемам науковедения. Суть их в том, чтобы показать культурные механизмы науки и научного творчества, возникшие в Европе на основе синтеза античности и христианства, происходящего в особых исторических условиях, характерных для Западной Европы. Соответственно возникновение науки опиралось на теологические леса, а античный мир рассматривался как конструктивно-логическая

предпосылка научного рационализма. В работах М. К. Петрова не только исследовалась история науки, но и закладывались практические сценарии повышения её эффективности.

Особенностью Ростовской философской школы было и понимание роли и значения античной философии и культуры. История античной философии и современное научное мышление в работах М. К. Петрова были тесно связаны и переплетены и приводили к выводу, что наука как способ познания и тип мышления возникли одновременно. Близка к ним и идея двуязычия культур (выделение античной культуры из традиционного типа культур) и трансплантации науки (конституировавшей себя в качестве самостоятельной области знания в XVII в.) в инокультурную среду. Базовая модель, которую закладывал М. К. Петров в рассмотрение греческой философии, состояла в характеристике так называемой «генетической модели», концепта природы как живого и овеществленного субстрата, необходимого атрибута Олимпийской системы, для которой характерно распределение навыков и природных значимостей в группу божественных имен. За каждым именем-символом кроется предметная и продуктивная реальность, в которой не только имена-символы объединены в единую генетическую (кровнородственную) связь, но и за каждым именем кроется предметная реальность, объединенная с ним по принципу «неназванное не существует и начинает существовать будучи названным». Более подробно этот вопрос может рассматриваться в контексте проблемы «культурного переворота» в Древней Греции [12].

В этом контексте Древний Восток рассматривался как устойчивый культурный мир, лишённый необходимости постоянного самообновления и тем самым разрушения гомеостаза по типу отрицательной обратной связи. Восток представлял завершённой структурой, имеющей особый тип социальной и знаковой реальности, предполагающей высокие культурные достижения и отсутствие характерных для Запада проблем до периода его индустриального развития. Современный научный мир повернул это соотношение в обратную сторону. Возникал вопрос об античном мире как об особом, выходящем из рула развития естественных цивилизаций, пути развития.

Особое значение для понимания позиции Петрова имеет его статья «Пираты Эгейского моря и личность» [13]. Он обосновывает мысль о культурном срыве, который совершился в Эгее и Средиземноморье в целом. Исходная культурная

модель, которую реконструировал Петров, опиралась на орфическую космогонию: мировое яйцо, раздвоение единого, последующее космообразование и происхождение множества из двух противоположных начал. Несомненно, такая точка отсчёта существенно изменяет представления о начале философского мышления. Она показывает материк мифологического мышления, которое, собственно, неистребимо и составляет фундамент культуры любого типа, о чем говорит и невозможность интерпретации современной культуры как чисто рационального образования. Античная философия – это мучительный путь перехода к рациональному мировосприятию, к рациональной модели мира, ориентированной на индивидуальную логику и логический органон в целом. Вместе с греческой логикой мы входим в мир мышления, который во многом является научным мышлением, в то время как мировое сообщество остается в напряженном состоянии двуязычия, одновременного нахождения и в сфере мифа, и в сфере логики. Человечеству надо объяснить культурно-производный характер логического мышления для того, чтобы оно убедилось, подобно мольеровскому господину Журдену, что оно говорит прозой. Эта проза – логическая система мышления и образования – продукт античной философии и культуры.

О понимании Петровым проблем античной философии можно было бы говорить и далее, но сейчас вернёмся к науковедческому послылу, который был в его творчестве не менее значим. В частности, следует назвать переведённую им статью П. Блэккета «Ученый и слаборазвитые страны» [11, с. 46–64]. В ней речь идет о том, что «развивающиеся страны (страны третьего мира, а значит, и традиционные культуры)» не могут это наименование иметь, они ни в коем случае не развивающиеся, это те страны, которые не только безнадежно отстали, но и обречены на дальнейшее отставание. Они не имеют науки, образования и соответственно технической оснащённости и возможности использовать наукоемкие технологии. Разрыв между индустриально развитыми странами и странами третьего мира не уменьшается, а увеличивается. Представляется, что тематика «ученый и слаборазвитые страны», «наука Востока и наука Запада» может иметь и самодовлеющий характер. Здесь затрагиваются настолько глубинные пласты, что отталкиваясь от них, Петров ставил вопросы о месте науки в системе культуры и модернизации культуры и общества, об онаучивании общества и роли философского сообщества и т. д. Очевидно также и то, что как только мы апеллиру-

ем к современной ситуации, обнаруживаем определенный исторический срез, характеризующий сохранившееся до сих пор двуязычие культур.

«Профессионально-именной тип кодирования» (миф, традиционное общество) Петров считал характерным для стран «научной пустыни». Этот тип кодирования (а значит, и всей системы знания) характерен для социальности, в основе которой лежит земледелие. Греки вынуждены были в условиях островного земледелия и морской цивилизации фрагментировать социально необходимую область поведения в гражданские навыки. В этом контексте Древняя Греция создаёт язык науки и школу гражданского воспитания. Хотя общая картина генезиса европейской науки более сложная и надо учесть следующее замечание М.К. Петрова: «Решающее значение для появления научного способа кодирования имели теолого-философское осознание поведенческой природы антично-христианской картины мира (Бэкон, Декарт, Гоббс), выделение с помощью принципа инерции (Буридан – логический, Галилей – поведенческий варианты) в самостоятельную, лишённую разумной составляющей область слепых автоматизмов (взаимодействие, объект), теологическое, в основном обоснование эксперимента как “вопроса” к сотворенной природе-поведению, создание института научной публикации как основного механизма отчуждения продуктов познавательной деятельности индивидов в социальное достояние» [14, с. 55].

Агональная установка на свободу, самоопределение, индивидуальный успех, из которой вырастает индивидуализм на Западе, приводит к «культурному перевороту», образованию жизнеспособных социальных структур, основанных на законе и равенстве перед законом. Современная ситуация в стране и мире актуализирует многое из истории ростовской школы философии. Коренным образом изменилось положение дел в образовании и науке. Образование стало сферой конкурентной борьбы. Акцент сместился на достижение преимуществ в инновационном развитии, выживаемость, решение прикладных задач и проектов. Сложившаяся сегодня система высшего образования в России во многом – продукт его тотального реформирования, хотя некоторые вузы сумели сохранить в эти непростые времена свою специфику и своеобразие. И всё же сохранение высокого профессионального уровня остаётся задачей самого философского сообщества. Немногие вузы и среди них флагман российского образования – МГУ и его философский факультет сохранили высокий научный уро-

вень. Другие университеты страны оказались в сложном положении. Возникает вопрос об инновационном потенциале традиций, в том числе и традиций ростовской философской школы. Государственный проект создания федеральных университетов, позволяющих объединить науку, образование и производство, вполне своевременен. В университетах нового типа философское образование сохраняется в качестве теоретической основы и методологии научного исследования и оказывается вполне востребованным.

Литература

1. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С. 28–94.
2. Потёмкин А.В. О специфике философского знания. Ростов н/Д., 1973. 188 с.
3. Драч Г.В. У истоков Ростовской философской школы: Ю. А. Жданов, В. Е. Давидович, М. К. Петров // Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Ростов н/Д., 2013. 260 с.
4. Миронов В.В. Глобализация и угрозы унификации // Философские искания. Московско-Петербургский сборник. М., 2011. С. 7–26.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. 480 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1-3. М., 1970–1972.
7. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. СПб., 1994. 443 с.
8. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979. 264 с.
9. Gouldner A.W. Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. New York, 1995. 407 p.
10. Жданов Ю.А. Концепция культуры в трудах В.И. Вернадского // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 19–24.
11. Наука о науке: сб. ст. / пер. с англ. М.К. Петрова. М., 1968. 422 с.
12. Драч Г.В. Культурный переворот в Древней Греции: сопряжение философии и науки // Историко-философские исследования М. К. Петрова в горизонте проблем современности. Ростов н/Д., 2012. С. 39–65.
13. Петров М.К. Пираты Эгейского моря и личность // Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995. С. 177–238.
14. Петров М.К. Научно-техническая революция и философия // Историко-философские исследования. М., 1996. С. 19–74.

References

1. Mamardashvili M. K., Solov'ev E. Yu., Shvyrev V. S. Klassika i sovremennost': dve epokhi v razvitii burzhuznoi

filosofii [Classics and Modernity: Two Epochs in the Development of Bourgeois Philosophy]. *Filosofiya v sovremennom mire. Filosofiya i nauka*. Moscow, 1972, pp. 28-94.

2. Potemkin A. V. *O spetsifike filosofskogo znaniya* [On the specifics of Philosophical Knowledge]. Rostov-on-Don, 1973, 188 p.

3. Drach G. V. U istokov Rostovskoi filosofskoi shkoly: Yu. A. Zhdanov, V. E. Davidovich, M. K. Petrov [At the Root of the Rostov School of Philosophy: Yu. A. Zhdanov, V.E. Davidovich, M.K. Petrov]. *Rostovskaya filosofskaya shkola: vchera, segodnya, zavtra*. Rostov-on-Don, 2013, 260 p.

4. Mironov V. V. Globalizatsiya i ugrozy unifikatsii [Globalization and the Danger of Unification]. *Filosofskie iskaniya. Moskovsko-Peterburgskii sbornik*. Moscow, 2011, pp. 7-26.

5. Gelbreit Dzh. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [New Industrial Society]. Moscow, 1969, 480 p.

6. Gegel' G. V. F. *Nauka logiki* [The Science of Logic]. Vol. 1-3. Moscow, 1970-1972.

7. Gegel' G. V. F. *Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya dukha* [The System of Sciences. Part one. Phenomenology of Spirit]. Saint Petersburg, 1994, 443 p.

8. Zhdanov Yu. A., Davidovich V. E. *Sushchnost' kul'tury* [The Essence of Culture]. Rostov-on-Don, 1979, 264 p.

9. Gouldner A.W. *EnterPlato: Classical Greece and the Origins of Social Theory*. New York, 1995, 407 p.

10. Zhdanov Yu. A. Kontseptsiya kul'tury v trudakh V. I. Vernadskogo [The Concept of Culture in the Works of V.I. Vernadsky]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1995, no 1, pp. 19-24.

11. *Nauka o nauke* [Science about Science]. digest trans. from English by M.K. Petrov. Moscow, 1968, 422 p.

12. Drach G. V. [Cultural Revolution in Ancient Greece: Conjugation of Philosophy and Science]. *Istoriko-filosofskie issledovaniya M. K. Petrova v gorizonte problem sovremenosti* [Historical and Philosophical Study of M.K. Petrov in the Horizon of Modern Time Challenges]. Rostov-on-Don, 2012, pp. 39-65.

13. Petrov M. K. [Pirates of the Aegean Sea and Personality]. *Iskusstvo i nauka. Piraty Egeiskogo morya i lichnost'* [The Art and Science. Pirates of the Aegean Sea and Personality]. Moscow, 1995, pp. 177-238.

14. Petrov M. K. Nauchno-tehnicheskaya revolyutsiya i filosofiya [Scientific and Technical Revolution and Philosophy]. *Istoriko-filosofskie issledovaniya*. Moscow, 1996, pp. 19-74.

Поступила в редакцию

8 июня 2015 г.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 94.560(075.8)

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-44-48

ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕОИСЛАМИЗМА В ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© 2015 г. А.В. Бедрик, В.И. Бузов

Бедрик Андрей Владимирович –
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: abedrik@bk.ru

Bedrik Andrey Vladimirovich –
Candidate of Social Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: abedrik@bk.ru

Бузов Владимир Иванович –
кандидат исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: buzov-vi@mail.ru

Buzov Vladimir Ivanovich –
Candidate of Historical Sciences, Professor,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: buzov-vi@mail.ru

Рассматривается трансформация политического исламизма в Турции в начале XXI в. Новое исламистское движение во главе с Р.Т. Эрдоганом отказалось от идей радикального социального и политического переустройства турецкого общества и пошло на компромисс со светской моделью Турецкой Республики, установленной Кемалем Ататюрком. Неоисламизм не отрицает необходимости системной модернизации турецкого общества и экономики, а также пропагандирует идеи демократизации турецкого государства на основе как европейских демократических принципов, так демократических ценностей, содержащихся в самом исламе. Все это позволило умеренному политическому исламизму легализоваться и стать главной политической силой в современной Турции.

Ключевые слова: политическая система, политические трансформации, политический исламизм, светское государство, исламские партии, свобода вероисповедания, новый политический курс Турции.

The article considers the transformation of political Islam in Turkey at the beginning of the XXI century. The new Islamic movement headed by R.T. Erdogan refused the ideas of radical social and political transformation of Turkish society and achieved compromise with the secular model of the Turkish Republic, established by Kemal Ataturk. Neoislamism does not deny the need in system modernization of Turkish society and economy, as well as promoting the idea of democratization of the Turkish state, based on democratic principles as a European, as democratic values contained in the Islam. All these factors have allowed the moderate political Islamism to legit and become a major political force in modern Turkey.

Keywords: political system, political transformations, political Islamism, secular state, Islamic parties, new political course of Turkey.

Политическую историю Турции в новейший период можно сравнить с движением маятника между двумя взаимоисключающими полюсами. Одним полюсом является модель светского государства, возникшая со времен кемалистской революции, ориентированная на европейские ценности и вестернизацию турецкого общества. Другим полюсом – модель исламского государства, опирающегося на религиозную традицию и заложенные в ней идеи социальной справедливости. Особенность такого политического маятника в том, что носителями секуляризированной идеологии выступают военные круги, которые для ее защиты

зачастую избирают авторитарные инструменты государственного управления, а носителями исламской идеологии – диссидентские круги турецкой интеллигенции, отстаивающие демократические ценности свободы вероисповедания, альтернативных выборов и внутренней демократизации общества. Это противоречие обуславливает специфику процессов политической трансформации Турецкой Республики. С одной стороны, сторонники первой модели, хотя и стремятся к европейской интеграции, но сами же нарушают европейские принципы политической жизни. С другой – сторонники второй модели, хотя и стремятся к

усилению политической и социальной роли ислама, но выступают за углубление демократизации турецкого общества и нейтрализацию авторитарных механизмов политического воздействия.

Однако в начале XXI в. маятник оказался сбалансирован благодаря появлению новой политической силы в лице неоисламского движения, оформившегося в Партию справедливости и развития. Подобное изменение оказалось неожиданностью как для самой политической элиты Турции, так и для международных аналитиков. В начале 2000-х гг. абсолютное преимущество находилось в руках сторонников светского развития Турции. Исламские партии, организации и различного рода братства (тарикаты) запрещались. По итогам прошедших под наблюдением армии парламентских выборов 2000 г. ведущее место заняла светская Демократическая левая партия во главе с Б. Эджевитом. Портфели в правительстве достались представителям партий, имеющих исключительно светскую направленность. Однако настораживало то, что значительно увеличила поддержку избирателей и заняла второе место в парламенте Партия националистического движения, известная в турецком обществе под названием «Серые волки». Это говорило о том, что национализм, имевший исламскую основу, пустил в Турции глубокие корни [1, с. 40].

Несмотря на это, нажим на исламские партии продолжился, и политическая борьба приобрела достаточно жесткий характер. Светские власти использовали все возможные административные ресурсы для ограничения деятельности религиозных партий. Конституционный суд Турции в 2001 г. запретил деятельность исламской Партии добродетели, бросившей вызов светскому порядку. Она оказалась последней партией, представлявшей в стране легальный политический ислам. На несколько месяцев был приговорен к тюремному заключению один из лидеров этой партии Р.Т. Эрдоган.

В этих условиях лидеры исламского движения не смогли прийти к компромиссу по вопросу о дальнейшей стратегии политической борьбы, и Партия добродетели раскололась. Ее бывшие члены сгруппировались в основном в два направления. Первое образовали «традиционалисты», сторонники утверждения традиционного классического ислама в государственной политике. Ими была создана партия «Счастье». Второе направление сформировалось вокруг идеи обновления исламизма, и в него вошли представители новых течений в исламском политическом движении (нео-

исламизма). Именно они 14 августа 2001 г. образовали Партию справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом [2].

Созданная партия, определившая новое направление политического ислама, учла предыдущий опыт политической борьбы и особенности той политической ситуации, которая сложилась в Турции. Она уже не выдвигала лозунгов радикальной исламизации турецкого общества и государства, а вынуждена была занять более умеренные позиции. В партии появились новые идеи, в соответствии с которыми признавалось, что без светского подхода в стране не могут быть решены большинство социальных и экономических проблем. Безусловно, такая резкая трансформация политического исламизма имела под собой объективную основу, и партия только отразила ее в своей деятельности.

В прежние годы исламисты не учитывали опыта европеизации прошлых десятилетий и прошедшей в этой связи светской трансформации в турецком обществе. Уже к началу нового века стало очевидно практически для всех, что принцип светского государства (лаицизм), провозглашенный К. Ататюрком, стал рассматриваться как главное условие европеизации общества и основа турецкой трансформации. Несмотря даже на различия в политических взглядах и стратегической ориентации светских партий, сторонники лаицизма жестко следили за неукоснительным соблюдением «светскости» в государственной политике. За годы существования Турецкой республики было запрещено более сорока политических партий и осуждены тысячи политических деятелей из рядов исламской оппозиции. Поэтому программа новых исламистов, стремившихся легализовать свою политическую деятельность и достичь определенных успехов во власти, уже не могла содержать открытых требований ликвидации светской власти в стране.

Неоисламские убеждения сводились к тому, что любая религия – это, прежде всего, свод морально-этических норм, который не содержит жестких указаний о предпочтительности той или иной формы государства. Новые исламские лидеры Турции пришли к выводу, что основой политического режима, соответствующего исламу, не обязательно должен выступать шариат. Исторический опыт доказал также необходимость достижения цели путем легальных политических действий. И именно поэтому Партия справедливости и развития утверждалась как партия, выступившая под «мирными» знаменами. Основные политические лозунги лаицистов перекочевали к новым исламским лидерам и с

некоторыми уточнениями стали основой деятельности новой исламской партии.

Лидер нового исламского движения Р.Т. Эрдоган отошел от позиции своих прежних кумиров, сменил тактику в политической борьбе, избегая радикальных исламистских лозунгов и исламистской риторики. Программа партии объявила о цели создания в Турции демократического, светского, социально-правового государства. Лидеры Партии справедливости и развития заявили о том, что их партия будет действовать в полном соответствии с Конституцией и законодательством Турции. Главными программными тезисами партии стали объединение общества и его демократизация. В тексте партийной программы неоднократно говорилось о стремлении пересмотреть Конституцию исключительно во имя демократизации государства и формирования гражданского общества. Намерения лидеров партии внести поправки в Конституцию и многие другие законодательные акты, о чем неоднократно упоминалось в тексте программы, были представлены как ориентация на демократизацию общества и его политической структуры [3].

Своей деятельностью Р.Т. Эрдоган демонстрировал, что ислам и развитие демократии не противоречат друг другу. Все чаще в Турции действующие политики обращались к понятию «демократический ислам». Они подчеркивали, что некое подобие демократии присутствовало еще у арабских племен, где вождь считался первым среди равных. В эпоху раннего ислама знатность «праведных халифов» не играла особой роли при их избрании. Более того, «неоисламисты» достаточно быстро освоили понятия, свойственные демократии, такие как «гражданское общество», «плюралистическая демократия», «консенсус», «выборность». Партия справедливости и развития подняла упавшее знамя демократизма, которое так и не удалось водрузить за длительное время в светском государстве секуляристам. Это знамя было подхвачено исламистами, и теперь оно окрашено в исламские цвета традиционной Турции [1, с. 42].

Сохранение приоритетов светскости в государственной политике совсем не означало, что участники нового исламского направления полностью отказались от своих взглядов в пользу лаяцистов. Хотя партия Р.Т. Эрдогана выступила с программой светской политической ориентации, она воспринималась исламистами как «фундамент религиозной свободы и свободы совести». В изданной программе было отмечено, что государство должно остаться нейтральным в отношении религиозных верований и религиозной идеологии. Основ-

ные лозунги умеренного лидера партии Р.Т. Эрдогана выгодно отличались от требований остальных исламистов, тем более от их радикального крыла. Сущность и уникальность трансформации исламского движения заключались в стремлении использовать самые популярные лозунги турецкого общества – борьбу за демократию и светские основы государственности. Однако при этом новая исламская позиция представляла турецкие исламские традиции как основу любой политической деятельности, в том числе светской. Партия справедливости и развития выступила за полную неприкосновенность вероисповедания, соблюдение основных исламских традиций, что свидетельствовало об исламском традиционализме как политической основе партии.

В то же время новая исламская партия учитывала необходимость решения современных проблем модернизации и трансформации Турции, которая, вступая в XXI в., должна была откликнуться на вызовы времени. Молодые лидеры партии понимали необходимость выдвижения новых требований и лозунгов, без которых уже не жила современная Турция. Радикальная смена политических позиций Партии справедливости и развития на основе принципов «нового ислама» сразу же сказались на отношении к ней значительной части турецкого общества. Основная масса турецкого народа считала вполне возможным участие во власти умеренных религиозных политиков.

Поэтому выборы, проходившие 3 ноября 2002 г., завершившиеся большим успехом исламской Партии справедливости и развития, не стали политическим сюрпризом для многих аналитиков в Турции и за рубежом. Партия Р.Т. Эрдогана получила более половины мест в парламенте (363 из 550), что дало ей право сформировать однопартийное правительство и позволило не вступать в какие-либо коалиции. Ее ближайший соперник левая Республиканская народная партия набрала лишь 19,4 % голосов. Исламская партия получила голоса электората, принадлежавшего другим, прежде всего светским, политическим партиям. Ни одна другая партия в Турции не преодолела 10%-й барьер голосов избирателей, необходимых для вхождения в парламент. Партия Б. Эджевита, только недавно входившая в правящие структуры, получила всего 1 % голосов. Успех новой исламской партии оказался для многих других политических организаций катастрофичным. Разочарование, постигшее светских лидеров и последовавшая за ним апатия, привели к разложению и исчезновению многих партий, действо-

вавших от имени какого-то влиятельного и известного политика [4].

Успех, одержанный на выборах исламской партией, конечно, не был абсолютным. Партия справедливости и развития не хватило всего нескольких голосов для того, чтобы получить в парламенте большинство в две трети, требуемое для изменения Конституции и избрания нового пути реформирования страны. Но произошло радикальное изменение в соотношении сил, которое отразилось в том, что светским политическим партиям и их лидерам не удалось вернуть прежнее влияние и занять соответствующее место в политике. С 2002 г. секуляристы дважды возбуждали процесс о закрытии исламской партии, но законы, принятые парламентом, отклонялись Конституционным судом. В ответ на давление со стороны секуляристов Партия справедливости и развития предпринимала кампании, направленные против политизации армии, различных светских институтов, обвиняя оппонентов в подготовке военного переворота. За десятилетие нахождения у власти правительству неоисламистов удалось завоевать влияние в полиции, сменить большинство руководителей в государственных органах. Партия исламистов активно проводила в жизнь многие законы демократического характера, стремясь вырвать инициативу у секуляристских партий.

Ориентируясь на вступление в Европейское сообщество, Турция распространила действие многих международных договоров, которые были приняты еще светскими властями. Речь идет о присоединении Турции к Европейской Конвенции о правах человека. За воплощение в жизнь демократических законов взялись лидеры Партии справедливости и развития. На основе принципов западноевропейской системы законодательства в Конституцию были внесены поправки, которые касались прежде всего основных прав и свобод граждан, совершенствования демократической системы в Турции. Появились статьи, обеспечивавшие свободу прессы и сохранность ее имущества. За гражданами было признано право создания ассоциаций, проведение собраний и митингов, право на справедливый суд. На основе принципов Европейской Конвенции о правах человека в стране отменена смертная казнь за исключением преступлений, связанных с терроризмом или совершенных в условиях войны. Отмена смертной казни повлекла отмену статьи Конституции «Суды государственной безопасности», приговаривавшей к высшей мере наказания. В этой связи в декабре 2002 г. были внесены поправки в 76-ю статью ту-

рецкой Конституции, касающихся «террористических действий» [5].

На изменения политической ситуации существенно не повлияли даже скандалы и некоторые казусы общественной жизни Турции того периода. После прихода Партии справедливости и развития к власти ее лидер Р.Т. Эрдоган не смог занять пост премьер-министра, поскольку ранее был судим за разжигание межрелигиозной розни. Согласно положениям Конституции Турции, осужденным за анархистскую и идеологическую пропаганду было запрещено занимать государственные посты. Вместо лидера пост главы кабинета министров занял его заместитель по партии А. Гуль. Однако в результате некоторых политических ходов, предпринятых членами руководства Партии справедливости и развития, парламент изменил Конституцию, и это позволило Р.Т. Эрдогану принять участие в довыборах и стать парламентарием. Окончательный переход власти к исламистам был осуществлен в январе 2003 г., когда место премьер-министра Турции занял лидер Партии справедливости и развития Р.Т. Эрдоган и бессменно находился на этом посту до августа 2014 г. Позиции Партии справедливости и развития тем более усилились, когда в 2007 г. А. Гуль занял пост президента Турецкой Республики. В настоящее время обе высшие должности в политической системе Турции занимают представители партии исламистов: пост президента с августа 2014 г. занимает Р.Т. Эрдоган, а пост премьер-министра он уступил своему соратнику по партии А. Давутоглу.

Однако было бы не совсем верным понимать деление турецкого общества на две части – исламскую (религиозную) и светскую (секуляризованную). В политико-идеологическом аспекте турецкое общество разделялось и группировалось на основе самых разных взглядов. С одной стороны, все больше сторонников приобретала политика «интеграции в мировое сообщество» и «вестернизации», а с другой – было немало сторонников «особого пути» развития турецкого общества, выступавших за создание сильного турецкого государства на традиционной основе. Все эти разные политические направления пытались объединить лидеры новой исламской политики. Партия справедливости и развития заявила своим приоритетом отражение интересов всего общества, предложив новый вариант трансформации страны, и это ей, как представляется, удалось. Противопоставляя свою партию прежним исламским структурам, Р.Т. Эрдоган создал новую политическую организацию, отразившую реальные условия светской республики в исламской

стране. Партия справедливости и развития оказалась способной в новом веке сформировать свое однопартийное правительство, заняв господствующее положение в обществе, которое до нее за последние пятьдесят лет никто не занимал. Кроме того, партия справедливости и развития проявила гибкость в экономической политике, продемонстрировала способность видоизменять и пересматривать ее принципы в соответствии с требованиями экономической стабилизации.

Трудно было предположить, что в условиях Турции XXI в. для решения демократических задач опора на исламский традиционализм станет возможной. Но исторический опыт нескольких десятилетий подвел турецкое общество к необходимости создания уникальной формы союза светских и исламских политических сил в целях установления единства общества и народа. Поэтому одна из основных задач современной Турции состояла в необходимости нахождения политического компромисса и выработки общего курса для различных слоев турецкого общества. Именно на этих условиях Партия справедливости и развития пыталась интегрировать интересы различных слоев и политических флангов турецкого общества. Р.Т. Эрдоган, занимая пост премьер-министра, взял на себя осуществление этой миссии. Политическая борьба, порожденная противоречиями исламского и реформаторского (ататюркистского) направлений, в новом веке входила совершенно в иную историческую фазу. Лидеры неоисламистов взяли на себя роль выражения интересов всех противоборствующих сторон в турецком обществе и задались целью выработки новой концепции сосуществования, казалось бы, непримиримых сил.

Обеспечивая единство народа, в Турции со времен Ататюрка действовала формула – «единая религия, единый народ, единая нация», в которой главный упор делался на националистическую идеологию. Новый век потребовал новых подходов в формировании единства нации. Трактровка кемалистского национализма в интерпретации лидеров Партии справедливости и развития претерпела существенные изменения. Турецкие исламисты в основу того же национализма заложили религиозную основу обеспечения национального единства общества.

Таким образом, светская республика и исламская идеология оказались взаимно уравновешены, а их симбиоз значительно стабилизировал турецкую политическую систему, избавив ее от периодических маятникообразных движений от одного полюса политических интересов к другому. Даже

возникавшие в последующем скандалы вокруг отставок и арестов высокопоставленных турецких военных и других силовиков, обвиняемых в подготовке государственного переворота, не смогли существенно раскачать маятник и привести республику к новому авторитаризму или эскалации насилия в обществе. Тенденция усиления влияния исламистов в политике стала в начале XXI в. определяющей, является ею до настоящего времени и объясняет специфику политической и социально-экономической трансформации страны.

Литература

1. Бузов В.И., Бедрик А.В. История политической трансформации стран современного Востока. Ч. 2. Турция, Иран, Афганистан. Ростов н/Д., 2013. 176 с.
2. Еремеев Д.Е. Турция на рубеже XX и XXI веков (1991–2007). М., 2007. 270 с.
3. The Program of the Justice and Development Party // Official site of the Justice and Development Party. URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme#bolum_ (дата обращения: 01.07.2015).
4. Киреев Н.Г. Два года у власти в Турции «партии умеренного ислама» // Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005. С. 109–123.
5. Конституция Турции (Турецкой Республики) от 7 ноября 1982 года // Международный торгово-экономический журнал. URL: <http://www.zarubejye.com/law/law11.htm>. (дата обращения: 01.07.2015).

References

1. Buzov V.I., Bedrik A.V. *Istoriya politicheskoi transformatsii stran sovremennogo Vostoka. Ch. 2. Turtsiya, Iran, Afganistan* [The History of Political Transformation of the Modern East. Part 2. Turkey, Iran and Afghanistan]. Rostov-on-Don, 2013, 176 p.
2. Eremeev D.E. *Turtsiya na rubezhe XX i XXI vekov (1991–2007)* [Turkey at the Turn of XX and XXI Centuries (1991–2007)]. Moscow, 2007, 270 p.
3. *The Program of the Justice and Development Party. Official site of the Justice and Development Party*. Available at: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme#bolum_ (accessed 01.07.2015).
4. Kireev N.G. *Dva goda u vlasti v Turtsii «partii umerennogo islama»* [Two Years in Power in Turkey "the Party of Moderate Islam"]. *Islam i obshchestvennoe razvitie v nachale XXI veka* [Islam and Social Development at the Beginning of the XXI century]. Moscow, 2005, pp. 109–123.
5. *Konstitutsiya Turtsii (Turetskoi Respubliki) ot 7 noyabrya 1982 goda* [The Constitution of Turkey (Turkish Republic) on November 7, 1982]. *Mezhdunarodnyi torgovoekonomicheskii zhurnal*. Available at: <http://www.zarubejye.com/law/law11.htm> (accessed 01.07.2015).

УДК 316

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-49-53

ЭТНОСОЦИАЛЬНОСТЬ КАЗАЧЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2015 г. Т.Б. Еналдиев

Еналдиев Тамерлан Борисович –
аспирант,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: kavkazdon@mail.ru

Enaldiev Tamerlan Borisovich –
Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: kavkazdon@mail.ru

Дается категоризация понятия «этносоциальное» по отношению к казачеству. Так как определение казачества как этносоциального феномена утвердилось в отечественной социальной мысли, то, не отказываясь от данной терминологии для социальной категоризации казачества, требуется дифференцировать социальные и этнические параметры, на основе объяснения казачества как социальной общности, ориентированной на объективацию описываемых как этнические качеств.

Ключевые слова: этносоциальность, казачество, социальная общность, этническая группа, социальный капитал, культурный капитал.

The categorization of the concept of "ethnosocial" regarding to the Cossacks is given in the article. Since the definition of the Cossacks as ethno-social phenomenon has been ratified in domestic social thoughts, without giving up this terminology for the social categorization of the Cossacks it is necessary to differentiate the social and ethnic parameters, based on the explanation of the Cossacks as a social community, focused on objectification described as ethnic qualities.

Keywords: ethnosocial, Cossacks, social community, ethnic group, social capital, cultural capital.

Можно согласиться с В.П. Трутом, что всесторонняя, обстоятельная и всеобъемлющая характеристика казачества как своеобразного феномена отечественной истории и современности требует определения места казачества в социальном пространстве российского общества [1]. Это имеет немаловажное значение, поскольку сложно заявлять об исторической роли казачества, в равной степени как и о том, какое место оно занимает в современной социально-экономической и политической жизни.

Несомненно, споры о социальном генезисе казачества не ограничиваются нынешним периодом, хотя есть попытки представить казачество конструируемой общностью, наделенной «силой воображения» только для выражения социальных и политических амбиций групп, использующих казачий тезаурус совершенно для иных целей. Очевидно, что российское казачество переживает достаточно неоднозначный период развития и связано это во многом с тем, что амбивалентность определений, относящихся к казачеству, создает ситуацию неопределенности с социальным и политико-правовым статусом.

Цель статьи – рассмотреть этносоциальность казачества в социологическом измерении.

Абстрагируясь от дискуссии в самой казачьей среде, которая варьируется от требования провозглашения казачьей самобытности и суверенности, до признания казачества основным субъектом российской государственности, в «сухом остатке» актуально исследование этносоциальности казачества, что не может ограничиться простым перечислением качеств, которые могут быть отнесены к этническому или социальному. Вероятно, речь идет не о сумме признаков, по которым казачество отличается от этносов или социальных групп, а о том, что в развитии казачества этносоциальное можно описать как феномен «особенности», то, что не подвержено языку традиционных культурных универсалий и определяется выявлением у казачества неких «пограничных качеств», которые не содержат возможности категорично причислить казачество к этносу, сословию или к социальной группе.

Для социологического анализа существенным является включение казачества в социально-этническую структуру общества, но и в этом случае возникают теоретические сложности, обусловленные тем, что казачество не может быть квалифицировано наряду с этносами, если понимать под таковыми специфические особенности отдельного

народа, включая различия в системе ценностей, социальных норм, стилей поведения [2, с. 11]. Гораздо более значимо для социолога исходить из того, что сама этничность является результатом социального взаимодействия, а это означает, что этносоциальность казачества порождена конфигурацией социальных обстоятельств, тем, в какой степени и в какие социальные отношения были включены и интегрированы в настоящий момент казачьи общности.

Этносоциальность казачества в теоретическом аспекте может быть описана как комплекс категоризации, классификации, оправданный тем, что вне этих процедур можно сколько угодно отыскивать особенные культурные различия казачества, но не прийти к необходимому для исследования аналитическому конструкту. Речь идет о том, что этносоциальность может использоваться объективно или как результат субъективного восприятия. Если говорить о попытках объективации, то здесь уместно использование социального номинации, описанного П. Бурдьё. Смысл состоит в том, что «конструируются» группы (по Бурдьё «генезис классов») на основании того, что агенты и группы агентов определяются по их относительным позициям в рассматриваемом социальном универсуме [3, с. 56]. Для классификации казачества очевидно, что «манипулирование этническими именами», свойственное для «создания» нации, не является первоочередной процедурой, что казачество в данной схеме классификации по социальной номинации не является группой, в которой символический (культурный) капитал не создает эффекта имени, т. е. не служит основным средством легитимации. Причина в том, что существует объективное пространство, в котором социальные различия проявляются более очевидно, чем культурные, следовательно, социальное в казачестве, если интерпретировать этническое как идентичность, поведенческие стереотипы, обычаи, связано с распределением социального и политического капитала. То есть можно предположить, что казачество, если и является «реальной» группой, то в контексте социальных различий.

Перенос проблемы этносоциальности казачества в субъективное измерение порождает свои сложности, связанные с тем, что можно стать на путь номиналистического релятивизма, испытать влияние того, что называется разрушающим воздействием культурных различий. В этом контексте исследователь обречен на поиск особенностей, а очевидная методологическая ловушка состоит в том, что к казачеству можно причислить любого

индивида, заявляющего, что он казак. Не случайно появление групп московского, архангельского, смоленского казачества вызывает вопросы, связанные с тем, имеет ли место казачья наследственность, привязанная к неказачьей территориальности, или конструируется группа, объединенная тем, что ее представители осознают себя казаками по схеме «игры идентичностей».

Таким образом, анализ этносоциального не может быть сведен к определению этноса. Также и по отношению к казачеству с полным основанием можно говорить не о естественно сложившемся коллективе людей, как бы заманчиво это не звучало, а о том, что особенности культуры, поведения и психики имеют основания в социальном контексте. Если признать это обстоятельство, то ясным становится дифференциация казачества не столько по территориальному признаку, сколько по тому, из каких социальных слоев оно формировалось. Тогда проясняется, что не существовало коллизии, определяемой казачество как сословие, что прекратило его развитие как этноса [4, с. 3].

Но если казачество является реальной социальной группой, не следует отрицания его этничности. Признавая культурный (символический) капитал для казачьего самосознания, в то же время можно говорить о дериватности этничности по отношению к социальности. В этом смысле казачество не является социально-классовой группой, в равной степени его нельзя классифицировать в системе этносов. Для исследователя наиболее продуктивно осмысление этничности через нахождение социальных различий. Чтобы лучше понять этносоциальность казачества, нужно рассмотреть различия между терминами «этносоциальная группа» и «сословие». Оба описывают ситуацию, где осознание различий по отношению к другим народам исходит из того, что, находясь под политикой «расказачивания», произошла ликвидация казачества как народа, так же как и сословия [1].

Современное российское казачество является реальной социальной группой, которая не заявляет о принадлежности к особому народу, но идентифицирует себя как часть русского народа, обладающего особой культурой и традицией [4, с. 14].

Этносоциальная идентификация казачества ясно указывает на то, что определение в качестве субэтноса русского народа содержит возможность анализа казачества по критерию социальной идентичности и этот критерий не является отнесением к сословию: парадоксальным образом на первое место выступают духовные традиции и образ жизни, которые можно квалифицировать как этниче-

ские маркеры. Но парадокс «исчезает», если понимать, что наблюдается конвертация социального капитала в культурно-символический, т. е. социальные различия осознаются как культурные.

Нетрудно заметить, что эти показатели перестают быть «зыбкими», т. е. наделяются объективными свойствами. Исходя из принадлежности к казачеству как субэтносу русского народа, делается акцент на традиции и обычаи, тем самым культурные различия становятся важнейшим социальным ориентиром и применительно к ним вырабатывается схема коллективного самосознания и легитимации социальных амбиций.

Исчезает размытость границ, имеет место возможность сближения и консолидации с другими группами, осознающими себя казачеством. Немалую роль в структуре российского социума играют сообщества людей, которые руководствуются в своих социально-политических предпочтениях культурными установками. При этом этносоциальность казачества не содержит возможности выполнять политическую роль как этноса и очевидно, что описание вектора направленности интересов казачества необходимо связывать не с словом как совокупностью формальных признаков, объединенных официальной номинацией, а с субэтносом, содержащим возможность использовать дискурс российской цивилизованности, того, что казачество существует в «одном и том же теперь». Важно также учитывать влияние на самоидентификацию казачества (как и других этносоциальных групп) социального и политического конструирования в виртуальном пространстве [5].

Это означает, что казачество, не выступая социально сплоченной массой, относится к группе с ресурсом исторической памяти, использует этническую аргументацию для артикуляции социальных интересов. Поэтому в исследовании его этносоциальности важно выявить такие критерии, как сопоставимость социальных претензий и культурных (описываемых как этнические) различий, готовность к совместным социальным практикам путем ассоциирования с определенными государственными и социальными институтами, самоосознание, как способность конвертировать этнические ресурсы в социальные.

Тем самым этносоциальность казачества может быть описана как «субъективация объективного», т. е. перевод социальных позиций на язык этнической аргументации. При этом не надо забывать, что универсальным критерием этносоциальности следует считать не принадлежность к определенному этносу, или в качестве корректирующего

утверждения говорить о том, что субэтноты характеризуются в отличие от этносов меньшей интенсивностью этнических свойств, по отношению к основному этносу, составными частями которого они являются [1]. Если принять данную теоретическую схему в качестве операциональной, для социолога достаточно проблематичным становится анализ культурных различий на основе их конструирования или приписывания.

Поясняя эту мысль, следует подчеркнуть, что более корректно использование социокультурного типа, по крайней мере ориентированного на то, чтобы выявить степень распространения «русскоцентризма» или «казакоцентризма» в настроениях казачьих сообществ. В пользу того, что этносоциальность казачества является переводом «внутреннего самоощущения» в социальные претензии, говорит тот факт, что подавляющее большинство казаков не полагает себя знатоками казачьей культуры [4, с. 22].

Выясняется, что границы казачьей самоидентичности во многом зависят от того, в какой степени этничность выступает символом, атрибутом. Можно согласиться с тем, что этничность является одной из форм социальной стратификации, так как в действительности социальная и этническая стратификации сосуществуют в сложных сочетаниях, в зависимости от исторических, экономических и политических параметров конкретных обществ [2, с. 27]. Можно предположить, что в российском обществе создалась ситуация, в которой этническая аргументация является более предпочтительной для повышения социального статуса, так как это связано с практиками официальной номинации, в которой принадлежность к определенной этнической группе может дать эффект социальной селекции.

Этносоциальность казачества не может быть подвергнута одномерному анализу, так как, основываясь на логике концентрации социальных интересов, следует учитывать, что воссоздаваемые казачьи сообщества не являются социально-однотипными и под влиянием социальной неоднородности могут объективировать различные субъективные схемы. В зависимости от социально-статусного положения проявляется активность на уровне этничности (культуры), когда от степени социальной мобилизации зависит то, с каким упорством или вялостью отстаиваются запросы, связанные с казачьей самобытностью.

Нужно подчеркнуть, что, не отрицая этносоциальность как содержащую возможность объяснения исследовательскую схему, следует признать,

что споры об этничности показывают, во-первых, существование противоположных позиций, связанных с «этничностью вне повседневности» и с этничностью как стратифицирующим маркером, влияющим на поведение и мысли людей. Вера в этничность как условие производства и восприятия социального дискурса может сыграть для социолога «злую шутку» в том, что превращается в ключевую для описания казачества. В социологическом плане необходимо делать ставку на то, каким образом социология может выработать собственный концепт этничности казачества.

Этносоциальность казачества в качестве аналитического конструкта нацеливает на понимание существенно описываемых качеств казачества как общности, а именно как группы людей, имеющей общее прошлое, но нельзя делать прямую связку с этническими особенностями (эссенциализацией). Очевидно, что казачество, сформировавшись как социокультурная общность, требует от исследователя утверждения субэтничности через конструирование социальных категорий, и когда говорится о критериях этничности, то аргументация находится в непосредственной зависимости от того, принимает ли исследователь позицию социолога или квалифицирует себя как историк (этнограф).

Термин «этнос-сословие» заслуживает внимания, но даже при ссылке на то, что казачество одновременно входит и в социально-этническую и социально-классовую группу и это создает эффект субэтнуса [1], для работающего в социологическом дискурсе исследователя достаточно трудным становится градация критериев, которые в конечном счете могут создавать ситуацию теоретического диссонанса. Это проявляется в том, что исследователю невольно навязываются критерии этничности и происходит это потому, что социальное становится «латентным», ускользающим от понимания в силу того, что казачество описывается преимущественно по признакам «особенности». Между тем, как пишет П. Бурдые, возникает ситуация «сознательного воздействия на мир» [3, с. 105], т. е. исследователь принимает в качестве объективной данности коллективную схему восприятия.

Положение исследователя усугубляет то, что «табуирование» на анализ социально-стратификационных, социально-мобилизационных, социально-поведенческих показателей реально вынуждает воспроизводить схемы этнического возрождения. Процессы стратификации не объяснить ни индивидуальными предубеждениями против казачества, ни идеологическими соображениями, утверждающими его государствообразующую роль.

В этом случае независимо от целей и мотивов организаторов и рядовых участников казачьего движения следует создать объяснительную рамку, основанную на идее возрождения казачества как социокультурной общности, что не противоречит субэтничности казачества как составной части русского народа. По этой логике объяснимым становится соотношение этничности с социальностью, генетических и функциональных аспектов казачьей жизни. Соглашаясь с тем, что казачество является социокультурной общностью, которая осознает себя как таковая по сравнению с аналогичными общностями, необходимо упомянуть и о том, что без учета этого обстоятельства большинство социологических дефиниций сужают свой исследовательский смысл и вынуждают игнорировать в исследованиях границы, которые делают казачество обладающей идентичностью, но не обладающей корпоративностью (сплоченностью) группой [2, с. 27]. Это важно учитывать в процессе конструирования российской гражданской идентичности [6].

Иными словами, этносоциальность казачества – категория, которая описывает социальную изменчивость и этническую устойчивость, определяет степень значимости для исследователя социальных связей и отношений в контексте социализации казачества в конструируемой им «этнической среде».

Литература

1. *Трут В.П.* Казачество как этносоциальное и социально-классовое явление. URL: <http://dikoepole.com/2014/11/11/v-p-tryt/> (дата обращения: 22.04.2015).
2. *Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Прусаускас.* М., 2000. 208 с.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
4. *Барков Ф.А., Водолацкий В.П., Сериков А.В., Черноус В.В.* Казачество как этносоциальный феномен современной России. Ростов н/Д., 2011.
5. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* К поискам новой парадигмы политической науки: когнитивный ресурс // Государственное и муниципальное управление: уч. зап. СКАГС. 2015. № 2. С. 184–194.
6. *Дегтярев А.К., Черноус В.В.* Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 3. С. 16–20.

References

1. *Trut V.P.* *Kazachestvo kak etnosotsial'noe i sotsial'no-klassovoe yavlenie* [Ethnosocial Cossacks as a Social

Class and the Phenomenon]. Available at: <http://dikoepole.com/2014/11/11/v-p-tryt/> (accessed 22.04.2015).

2. *Etos i politika* [Ethnicity and Politics]. Chrestomathy. Author-composer A.A. Prazauskas. Moscow, 2000, 208 p.

3. Burd'e P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow, 1993.

4. Barkov F.A., Vodolatskii V.P., Serikov A.V., Chernous V.V. *Kazachestvo kak etnosotsial'nyi fenomen sovremennoi Rossii* [Ethnosocial Cossacks as a Phenomenon of Modern Russia]. Rostov-on-Don, 2011.

5. Tkhagapsoev Kh.G., Chernous V.V. K poiskam no-voi paradigmy politicheskoi nauki: kognitivnyi resurs [On Search for a New Paradigm of Political Science: Cognitive Resource]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: uch.zap. SKAGS*, 2015, no 2, pp. 184-194.

6. Degtyarev A.K., Chernous V.V. Grazhdanskaya identichnost' v prostranstve natsionalisticheskogo diskursa [Civic Identity in the Space Nationalist Discourse]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*, 2011, no 3, pp. 16-20.

Поступила в редакцию

13 июля 2015 г.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 93

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-54-57

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ НА ДОНУ В РАЗРЕЗЕ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ (1970-е – середина 1980-х гг.)

© 2015 г. Д.Ю. Гаврицков

Гаврицков Денис Юрьевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: gavritskov.d@mail.ru

Gavritskov Denis Yur'evich –
Postgraduate Student,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: gavritskov.d@mail.ru

Проводится анализ политики советского государства в отношении религии в Ростовской области в 1970-е – середине 1980-х гг. Основное внимание уделено атеистическим мероприятиям и их результатам в разрезе городских пространств Ростовской области в данный период. Указывается, что атеистическая политика Советского государства носила организованный характер, была институализирована, проводилась силами властных и общественных структур, поддерживалась мощными административными и кадровыми ресурсами.

Ключевые слова: государственная политика, партийная политика, религия, атеизм, секты, Ростовская область, городские пространства, государственно-конфессиональные отношения, гражданские и религиозные обряды.

The analysis of the policy conducted by the Soviet state regarding the religion in the Rostov region in the 1970s - mid-1980s is carried out on the basis of historical data. The focus is on the atheistic activities and their results in the context of urban spaces of Rostov region during this period. It is pointed out that the atheistic policy of the Soviet state was of an organized nature, was institutionalized, carried out by the authorities and public bodies, supported by a strong administrative and human resources.

Keywords: national policy, party policy, religion, atheism, sect, Rostov region, urban spaces, state-confessional relations, civil and religious ceremonies.

Атеистическое направление – органичный элемент деятельности руководства Ростовской области в период развитого социализма. С одной стороны, власти, воплощая тенденции необольшевизма, продолжали действовать методами «антирелигиозной борьбы» 1960-х гг. С другой – выявились новые черты и особенности. Системность противостояния обрела институциональные признаки [1, с. 40–43]. Тенденции урбанизации придавали политической деятельности в данной сфере специфический оттенок.

Цель статьи – показать особенности атеистической политики донского руководства в разрезе городских пространств.

Приоритет бюро Ростовского обкома КПСС 1970 – начала 1980-х гг. – индивидуализация просветительской и образовательной деятельности в городах Дона посредством «дней атеиста», циклов лекций, создания сети «школ знаний», тематических кинопоказов, конкурсов на лучший методический материал, освещения гражданских обрядов

в СМИ и др. Для пресечения несанкционированных собраний верующих и мониторинга ситуации создавались агитбригады, составлялись карты религиозных объединений [2, л. 319].

Службы городских и районных исполкомов вели профилактическую работу в женских консультациях, родильных домах, детских поликлиниках; предупреждалась возможность крещения детей [3, л. 110]. В сфере гражданской обрядности партийно-советская власть делала упор на укрепление материально-технической базы салонов обрядовых услуг, службы быта, оборудование помещений загсов, ритуальных комнат дворцов культуры, клубов [2, л. 46]. Использовался потенциал дворцов и домов культуры, клубов, библиотек, агитпунктов, парков. Проводились кинофестивали, кинолектории, «круглые» столы, в репертуар городских театров включались произведения атеистической направленности. Достижению эффективности должны были содействовать музейные экспозиции, коллекции краеведческих материалов,

оформление тематических выставок, активизация атеистической работы городских планетариев [2, л. 323]. Так, на агитплощадках Железнодорожного района Ростова-на-Дону летом 1972 г. было прочитано 500 лекций [4, л. 83–85], действовал кинолекторий в парке Собино, создано 15 кружков «Юный атеист».

Атеистическим центром Первомайского района Ростова-на-Дону считался Дворец культуры завода «Ростсельмаш». В 1971–1972 гг. действовавший при дворце совет клуба атеистов выявил на предприятии 30 верующих-сектантов, за которыми не-

медленно были закреплены агитаторы-атеисты; в цехах создавались уголки атеизма, прочитано 120 лекций.

Как следует из документов, в 1977–1978 гг. в Ростове-на-Дону лекторы общества «Знание» прочитали 160 тыс. лекций. В 1977 году было проведено 23 рейда по пресечению нелегальных собраний. Установлен контингент верующих детей (156 чел. в 1978 г.) (табл. 1).

Для сравнения рассмотрим ситуацию в г. Шахты. Количество и охват атеистических мероприятий можно проанализировать на основе табл. 2.

Таблица 1

Данные по проведению церковных обрядов в 1975–1978 гг., % [5, л. 9]

Обряд	1975	1977	1978
Число очных отпеваний по умершим	3,8	–	2,7
Венчание	0,6	–	0,4
Крещение детей	–	22,1	20,2
Торжественная регистрация новорожденных	–	20,2	29,2
Бракосочетание	–	61,4	73,7

Таблица 2

Справка об атеистической работе в г. Шахты (в школах) [6, л. 25]

Форма работы	Количество мероприятий	Охват, чел.
Атеистические вечера, обсуждение печатных изданий и фильмов	167	15017
Кружки «Юный атеист»	33	778
Клубы «Юный атеист»	21	947
Встречи с бывшими священнослужителями, порвавшими с религией	2	400
Индивидуальная работа с детьми, находящимися под влиянием верующих	150	30
Оборудование уголков атеиста	26	–
Регулярный выпуск стенных газет, плакатов, радиопередач и др.	44	5270
Лекции на атеистические темы силами старшеклассников в классах, ЖЭКах, на предприятиях	154	3589
Лекции для населения в школах минимума знаний о природе и обществе	88	5338
Лекции для населения из цикла «Научные основы атеизма»	84	5944

Однако, несмотря на большое количество проводимых лекций, кинопоказов, работы кружков, клубов, встреч, публикаций и других средств пропаганды, количество верующих различных конфессий продолжало оставаться высоким (табл. 3).

Церковный доход трёх православных церквей в данный период растёт: в 1975 г. – 189 тыс. р., в 1976 г. – 198 тыс. р. Гражданские обряды так и не сумели вытеснить обряды религиозные. В 1976 г. в Шахтах было крещено 680 детей, что составило 19 % родившихся, за первое полугодие 1977 г. крещено более 20 % родившихся [6, л. 5].

Значимым направлением партийно-государственной деятельности являлась работа с религиозными обществами. Власти предпринимали меры по обязательной регистрации объединений, давали разъяснения относительно деятельности незарегистрированных сект. Для работы с представителями религиозных обществ был задействован административный и партийный аппарат, комиссии исполкомов по соблюдению законодательства о религиозных культах, изучалась деятельность проповедников, выявлялись материалы экстремистской направленности, фиксировалась

финансовая деятельность, осуществлялся паспортный контроль – недопущение прописки «бродячих попов». На учёт брались так называемые

«Святые места», изучалось их происхождение и возможность прекращения их дальнейшего использования.

Таблица 3

Наличие конфессий в г. Шахты (1977 г.) [6, л. 5]

Конфессия	Численность и молитвенные дома
Православные	3 действующие церкви (Покровская, Николаевская, Вознесенская)
Евангельские христиане-баптисты (зарегистрированные)	1 молитвенный дом (200 чел.)
Адвентисты седьмого дня (зарегистрированные)	Тот же молитвенный дом, что и у ЕХБ (54 чел.)
Сторонники «совета церквей» евангельские христиане-баптисты (незарегистрированные)	1 молитвенный дом (200 человек)
Христиане веры евангельской («пятидесятники», незарегистрированные)	60 чел.
Истинно-православные христиане	4 чел.

Работники школ должны были привлекать к общественным работам детей из семей верующих. Проводились рейды оперативников по маршрутам Ростов – Шахты, Ростов – Азов, Ростов – Таганрог для пресечения деятельности баптистов [7, л. 55–58]. В 1980–1981 гг. конфисковано 2,5 тысячи экземпляров религиозной литературы, изданной за рубежом на различных языках народов СССР, 19 переплётно-брошюровочных станков [2, л. 44].

Власти отмечали необходимость усиления охраны культурных ценностей, находящихся в действующих церквях и молитвенных зданиях, а также самих зданий, представляющих историческую или архитектурную ценность. Недействующие культовые здания, представляющие историческую или архитектурную ценность, переоборудовались для музеев, картинных галерей, выставочных и концертных залов [2, л. 326].

Для реализации мероприятий требовались квалифицированные кадры, специально подготовленные для атеистической работы. На отделении научного атеизма университетов марксизма-ленинизма в Ростове, Таганроге, Новочеркасске и Шахтах ежегодно проходили подготовку свыше 300 лекторов. На факультетах общественных профессий вузов открывались отделения научного атеизма [8, л. 43]. Проводились ежегодные научно-практические конференции, областные семинары председателей советов кабинетов атеизма, профсоюзных и клубных активов, областные семинары председателей атеистических комиссий районных и городских комитетов ВЛКСМ, комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при горрайисполкомах области и т.д.

Атеистическая работа велась в медицинских учреждениях. Так, в Первомайском районе Ростова-на-Дону в 1973 г. при поликлинике №1 была создана группа врачей-агитаторов из 10 человек, которые выявили 15 верующих семей и вели индивидуальную работу с представителями протестантских конфессий [4, л. 103]. К борьбе со знахарством и суевериями привлекались врачи, медицинские работники, преподаватели и студенты мединститута и медучилищ.

20 лекторов-атеистов в 1970–1973 гг. было подготовлено в Ростовском государственном университете. Преподаватели и студенты химического, биологического и геолого-географического факультетов читали лекции на темы «Химия и религия», «Химия в борьбе с суевериями», «Происхождение жизни на Земле», «Естественные науки и атеизм» и т.д. [4, л. 108].

К 1982 г. в области создано 25 факультетов народных университетов, 500 клубов юных атеистов [2, л. 43]. Тем не менее власти вынуждены были признавать недостатки.

Так, в Красном Сулине, Каменске, Миллерово бездействовали городские комиссии по соблюдению законодательства о религиозных культах. Власти с тревогой отмечали появление в 1978 г. в Миллерово групп пятидесятников, в Красном Сулине – иеговистов, в Шахтах – участие несовершеннолетних в молитвенных собраниях. В Ростове, Таганроге и Шахтах отмечалась плохая работа по созданию управлений обрядовых (ритуальных) услуг [9, л. 5–6]. Слабо велась работа Морозовским райкомом, следствием чего стала регистрация православной общины и открытие молитвенного дома в 1978 г. [7, л. 9].

Встречались факты ущемления конституционных прав верующих, что подталкивало многих из них к крайним религиозным течениям и фанатизму [2, л. 45]. В августе 1985 г. была предпринята попытка организовать на территории Багаевского района нелегальный молодёжный лагерь по обучению религии и подготовке организаторов для работы среди детей сектантов в Северо-Кавказском регионе.

Атеистическая политика советского государства в 1970–1985 гг. в городах Ростовской области носила организованный характер, была институционализирована, проводилась силами властных и общественных структур, поддерживалась мощными административными и кадровыми ресурсами. Основные направления – индивидуальная работа, религиозные объединения, группы и секты (меры по регистрации, контроль за деятельностью, выявление крайних течений и т.д.), подготовка кадров для атеистической работы, внедрение гражданской ритуалистики в противовес религиозным обрядам.

Архивные материалы подтверждают вывод о переходе от открытого противоборства к скрытому противостоянию [1, с. 43].

Литература

1. Табуницкова Л.В. Религиозная жизнь и атеистическая деятельность Советского государства в период «застоя» (по материалам Ростовской области) // Изв.

вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 5. С. 40–43.

2. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 82. Д. 72.

3. Там же. Ф. 9. Оп. 89. Д. 41.

4. Там же. Ф. 13. Оп. 12. Д. 34.

5. Там же. Оп. 15. Д. 277.

6. Там же. Ф. 121. Оп. 31. Д. 90.

7. Там же. Ф. 9. Оп. 64. Д. 21.

8. Там же. Оп. 52. Д. 72.

9. Там же. Оп. 69. Д. 42.

References

1. Tabunshchikova L.V. Religioznaya zhizn' i ateisticheskaya deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva v period «zastoya» (po materialam Rostovskoi oblasti) [Religious life and atheistic activity of the Soviet state in the period of "stagnation" (based on the Rostov region)]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*, 2011, no 5, pp. 40-43.

2. Tsentri dokumentatsii Noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO) [Center of Modern History Documentation of the Rostov region]. F. 9. Op. 82. D. 72.

3. There. F. 9. Op. 89. D. 41.

4. There. F. 13. Op. 12. D. 34.

5. There. Op. 15. D. 277.

6. There. F. 121. Op. 31. D. 90.

7. There. F.9. Op. 64. D. 21.

8. There. Op. 52. D. 72.

9. There. Op. 69. D. 42.

Поступила в редакцию

24 июня 2015 г.

УДК 930.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-57-62

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ДОНУ 1792–1794 ГОДОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2015 г. Д.В. Горковская

Горковская Дарья Вячеславна – аспирант,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: Gorkovskaya90@mail.ru

Gorkovskaya Daria Vyacheslavovna –
Postgraduate Student,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: Gorkovskaya90@mail.ru

По истории массового движения донского казачества 1792–1794 гг. в историографии сформировалось несколько точек зрения. Оно рассматривалось как последнее выступление казаков в защиту своих традиционных прав, как ответ на несправедливости со стороны власти и как результат социальных изменений на Дону в конце XVIII в. Намечены пути дальнейшего его изучения, из них наиболее перспективны культурно-исторический подход, анализ с точки зрения этапа на пути к полному подчинению казаков Российской империи и др.

Ключевые слова: массовые движения, историография, подходы к изучению проблемы, нарушение традиции, недовольство казаков, подчинение казачества имперской властью.

There are several points of view concerning grassroots movement of 1792-1794 in the Don region in National historiography. It was considered as the last march-off of the Cossacks to protect their traditional rights and as the response to injustice from the authorities as well as the result of social changes on the Don at the end of 18th century. Directions for the further research are defined, the most promising of them is cultural-historical approach, the analysis from the point of view of the stage towards the complete subjugation of the Cossacks to Russian Empire, and others.

Keywords: *grassroots movements, historiography, approaches to problem study, violation of the tradition, discontentment of the Cossacks, subordination of the Cossacks by the Imperial regime.*

Масштабы массового движения на Дону 1792–1794 гг., а также то обстоятельство, что в истории донского казачества дореволюционного периода оно было последним, привлекали к нему внимание историков.

А.П. Пронштейн указывал, что еще в 1870 г. в книге, вышедшей к празднованию 300-летия войска Донского, об этом восстании писал А. Савельев. Он связывал его с военными действиями России на Северном Кавказе и с переселением донских казаков на Кубань, где располагался один из театров военных действий. Восставших казаков А. Савельев характеризовал как «бунтовщиков» [1, с. 323], что содержало в рамках сложившегося российского историографического дискурса крайне негативную оценку. В такой характеристике была заложена традиция официальной оценки событий на Дону 1792–1794 гг.

Свое развитие эта оценка получила в статье члена Статистического комитета Области войска Донского И.В. Тимошенкова, исследователя внимательного, но не стремившегося к пересмотру сложившихся взглядов на это восстание. Историк рассматривал события 1792–1794 гг. как научную проблему, связывая это движение с особым проявлением культуры, системы ценностей и общественной ментальности казаков, которой правительство пренебрегало в своих интересах. И.В. Тимошенков отмечал, что изучение истории заселения позволяет понять две важные стороны истории казачества. Во-первых, «дух и внутренний быт казачьей общины», а во-вторых, – «связь и те отношения, какие издревле установились между государственною властью и донскими казаками» [2, с. 62–63]. Причину движения донских казаков автор видел в «нарушении основного порядка несения казаками служб и повинностей по очереди и жребии» [2, с. 63].

И.В. Тимошенков отмечал что казачье население «пришло в величайшую скорбь, отчаяние и неопикуемый ужас, когда получилось Высочайшее повеление об оставлении на Кавказе 6-ти полков и поселения их там навсегда» [2, с. 66]. Для подтверждения глубины недовольства казаков нарушением традиции историк также опирался на данные донского фольклора: «Местные донские певцы, ры-

лешники, при таких печальных и трагических для Дона слухах, сложили и пели множество песен, которые и теперь сохранились в памяти народа» [2, с. 67]. И.В. Тимошенков не выделял особенности этапов движения донских казаков, поверхностно касался восстания в пяти донских станицах. Оценивая восстания негативно, признавая правомерность решительных мер правительства по его подавлению, он, однако, внес некоторую корректировку в сложившиеся негативные оценки восставших. Так, он подчеркивал, что, стремясь к восстановлению казачьих традиций и справедливости в назначении на кавказскую службу, казаки несколько не выступили против власти. По его словам, казачий «протест был осмыслен до самых мелких деталей и выражался в таких самоотверженно-покорных и трогательно-патриотических формах, что правительство, разобрав, в чем дело, нашло нужным уважить его» [2, с. 63]. И вообще он считал, что это был вовсе не «дерзкий мятеж и бунт, а лишь как бы смелый и мужественный голос стойкого и заслуженного населения края, протестующего против нарушения коренных основ своего быта» [2, с. 63]. Не удивительно, что такой подход к событиям привел к тому, что И.В. Тимошенков явно преуменьшал масштабы правительственных репрессий против восставших.

С иных позиций подошел к истории движения 1792–1794 гг. на Дону казачий историк Е.П. Савельев. Подчеркивая, что донское казачество представляло собой «арийский» народ с особой воинской культурой, полностью подчиненный российскому самодержавию при Петре I, он видел в политике русского правительства на Дону последующего времени только стремление к подавлению казачества и к ограничению его прав и свобод.

Е.П. Савельев справедливо указывал что Екатерина II, «восхваляя войско Донское за его великие заслуги и “отличную храбрость, оказанные в войне, достойная нашего монаршаго отменного благоволения и милости, ко всенародному сведению на память будущих времен”, в то же время, по представлению своих сановников, никак не хотела считаться с самыми насущными потребностями казачества, его правами, как военного, пусть даже “верно-

подданного сословия» [3, с. 143]. По убеждению историка, казаки защищали традиции своей военной службы. Он подчеркивал, что со стороны правительства «бесцеремонное обращение с казачеством вывело его из терпения» [3, с. 145]. Вместе с тем объяснение им предпосылок этого движения было ограниченным и односторонним, вне учета разных сторон казачьей службы и повседневной жизни екатерининского времени.

Весьма близки к оценкам Е.П. Савельева были оценки С.Г. Сватикова, выдающегося историка-юриста либерального направления. Не признавая донских казаков особым народом, он, однако, считал, что у них сложилось собственное государство, Войско Донское, в форме демократической республики, которое начало присоединяться к России после подавления Разинского восстания, и было полностью присоединено после подавления восстания под предводительством К.Булавина при Петре I. Участников движения он рассматривал как решительных борцов за донские вольности против наступления на них самодержавия [4, с. 234–239]. Правительство же при переселении казаков на Кавказ, по его словам, стремилось «разорить все обзаведения этих казаков, оторвать их навеки от родины». Кроме того, указывал автор, что старый донской обычай переселения «“по жребию и по очереди” был грубо нарушен этим предположением» [4, с. 235].

Точка зрения, согласно которой социальная политика правительства на Дону была направлена на стремление властей к превращению казачества в «слепое орудие русского царизма», в «пушечное мясо» принадлежит Б.В. Лунину [5, с. 136]. Периодом существенных изменений в жизни донского казачества историк считал годы царствования Петра I, когда происходило быстрое ограничение его былых прав и вольностей [5, с. 129]. «Укрепляя русское национальное государство, расширяя его владения, пробивая себе дорогу на юг, к Азовскому и Черному морям, Петр не мог мириться с существованием казачества как более или менее самостоятельной и относительно независимой от центральных властей организации» [5, с. 129]. По мнению историка, «политика царизма в отношении казачества встречала острое недовольство и активное противодействие широких казачьих масс, что ярко подтверждается так называемыми бунтами: “ефремовским” (1772 г.) и “есауловским” (1792 г.)» [5, с. 136].

Особое место в историографии массового движения на Дону 1792–1794 гг. занимает фундаментальная монография А.П. Пронштейна «Земля Дон-

ская в XVIII веке», содержащая комплексное исследование истории массовых народных движений, которые развертывались в то время на Дону. Одним из таких движений было выступление донских казаков конца этого столетия, известное как «бунт пятидесяти станиц», поскольку большая группа донских станиц была заметна в этом движении в отличие от остальных казачьих поселений Земли Войска Донского.

До появления монографии А.П. Пронштейна историки уделяли этому восстанию на Дону значительное внимание и достигли определенных результатов в его изучении. Но причины восстания ими не были вскрыты во всей их сложности и полноте. Не были выявлены подробности хода событий, которые в значительной степени объясняют особенности положения на Дону, состояние отдельных слоев казачества и его настроений, не вполне выяснены масштабы репрессий против казаков-повстанцев со стороны властей.

Говоря о причинах восстания, А.П. Пронштейн давал несколько иное представление об их значимости, чем это было в трудах предшественников. Так, он признавал, что нарушение традиций и обычаев как значимая причина восстания имело место. Но им на первый план были выдвинуты особенности политического развития Российской империи, от которых зависело изменение положения окраин, в том числе казачьего Дона. Он справедливо указывал, что «утверждавшийся в России абсолютизм не мог мириться с существованием автономных окраин» [1, с. 65]. После разгрома восстания Пугачева правительство не ограничивалось жесткими расправами над его участниками. Были приняты меры к усилению абсолютной монархии. Указом от 15 января 1775 г. яицкое казачество было переименовано в уральское, манифестом от 3 августа 1775 г. объявлено, что «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, со истреблением на будущее время и самого названия запорожских казаков» [1, с. 240]. Указом от 5 мая 1776 г. Волжское войско было ликвидировано, а казаки переведены на Кавказ и поселены по пограничной линии, проходившей по Тереку.

От особенностей политического развития империи в качестве причин казачьего восстания, связанного с укреплением абсолютизма, А.П. Пронштейн переходил к анализу вмешательства русских властей в сложившиеся к тому времени среди донских казаков обычаи и традиции. Тенденция в этом отношении, по его мнению, была вполне определенной. Он отмечал, что правительство считало целесообразным уничтожение Войска Донского [1, с. 240], но оно «резко сократило его права и приви-

легии и в значительной мере ликвидировало сохранившиеся еще особенности в области управления. Войско Донское было по существу превращено в административную единицу Российской империи, наподобие губернии» [1, с. 242]. Как он указывал, на это была направлена реформа внутреннего управления на Дону в период непосредственно после подавлении Пугачевского восстания, когда по инициативе князя Г.А. Потемкина было создано Войсковое гражданское правительство. Последствия для донского казачества этой реформы отмечались в предшествовавшей историографии.

Так, И.В. Тимошенко считал, что в результате ее «в последнюю половину царствования Екатерины Великой, с установлением назначения начальников в казачьих полках и в войсковых административных учреждениях не от круга вольными голосами, а от правительства, казачья общинная самостоятельность и ее порядки все больше и больше стали ступеньваться» [2, с. 63]. Очень резко об этой реформе высказывался Е.П. Савельев: «Посылая на Дон многочисленные похвальные грамоты, с велеречивыми и напыщенными выражениями, превозносящими войско Донское за его подвиги до небес, русские венценосцы в то же время старались низвести казачество на степень “своих верноподданных, послушных рабов”» [3, с.156]. С.Г. Сватиков подчеркивал, что «на основании доклада Потемкина Екатерина II указом 15 февраля 1775 г. положила конец автономии войска донского», и оно «вошло в общую систему имперского управления с применением к нему общих гражданских законов» [4, с. 230]. Б.В. Лунин также указывал, что «сходила на нет и система самоуправления на Дону. И без того давно уже призрачная власть Войскового круга окончательно утратила свою силу после образования в 1775 г., по инициативе князя Потемкина, войсковой канцелярии Войска Донского, к которой перешли все судебные-административные функции» [5, с. 131].

В отличие от предшественников, правильно отметивших некоторые последствия реформы внутреннего управления на Дону, проводившейся Г.А. Потемкиным, А.П. Пронштейн высказал более конкретные замечания об этих последствиях. Он обращал особое внимание на последовавшее за этой реформой дальнейшее расслоение казачества, углубление существовавших в нем ранее внутренних различий. Указывал, что ограничением традиционных казачьих прав было недовольно войско Донское в целом. Но вместе с тем из сложившегося положения старшинско-атаманская верхушка извлекла для себя и некоторые преимущества: «атаман и старшины превратились в верных слуг самодержавия» [1,

с. 242], а «старшины захватили все права и привилегии казачества, взвалив всю тяжесть повинностей на его рядовую массу» [1, с. 324].

На этой почве усиливалось недовольство широких слоев казачества. Историк делал вывод, что «войсковое гражданское правительство ... созданное по воле самодержавия и на основе принципов, чуждых демократическим традициям казачества, не пользовалось популярностью в его глазах. Поэтому Войсковое правительство не могло предотвратить начавшихся в 1792 г. крупных волнений донских казаков» [1, с. 244]. В этом отношении его точка зрения в целом соответствовала взглядам на причины восстания предшественников. Но А.П. Пронштейн указал еще на одну очень важную причину, вызвавшую восстание казаков. Ею «явилась угроза обращения казаков “в регулярство”, выразившаяся в попытке насильно переселить на Кубанскую линию казаков 6 полков с их семьями» [1, с. 350]. Указание представляется справедливым. Вместе с тем он связывает это движение на Дону с недавно подавленным восстанием под предводительством Е.И. Пугачева, поскольку стремление яицких казаков не допустить перехода их на положение регулярной армии было очень существенным мотивом, толкавшим их на выступление. Таким образом, А.П. Пронштейну удалось проследить, что нежелание казаков оказаться на положении солдат регулярной армии проявлялось не только в ходе Пугачевского восстания, но и в массовом движении на Дону в конце столетия.

А.П. Пронштейном была сформирована и обоснована периодизация этого массового казачьего движения. Так, он в отличие от И.В. Тимошенко, Е.П. Савельева, С.Г. Сватикова и Б.В. Лунина разделил движение донских казаков на два этапа и отметил особенности каждого из них. Первый этап, начавшийся с апреля 1792 г., по его оценке, состоял в том, что в то время «казаки боролись против нарушения старых донских обычаев, за права и привилегии всего Войска» [1, с. 327]. Это было время, когда казаки отстаивали свои традиционные права и прежде всего право самих казаков проводить назначения на кавказскую службу по жребию. Этот этап продолжался до сентября 1793 г., когда в большей степени, чем ранее, выявились противоречия среди самих казаков. Не случайно с этого времени начался второй этап в развитии движения, когда выступление в защиту традиционных прав казачества было «дополнено борьбой массы рядового казачества против старшин и богатых казаков, старавшихся выполнить правительственный указ за счет беднейших казаков» [1, с. 330].

Такая периодизация представляется обоснованной. В самом деле движение, содержащее первоначально одни признаки, по мере своего развертывания приобретает черты социального движения. Нечто подобное в отечественной историографии отмечалось в характере русской Смуты начала XVII в., когда ее социальный этап сменил более ранний, возникший на почве самозванщины Лжедмитрия I. Таким образом, периодизация А.П. Пронштейна соответствует историографической традиции и в то же время принимает во внимание отразившиеся в источниках качественные изменения в самом движении.

Особое внимание уделял А.П. Пронштейн восстанию в пяти донских станицах, которое выступало как своего рода кульминация всего движения. По наблюдению историка, в этот период движение вписывалось в контекст европейской политики и вызывало определенную заинтересованность в европейских странах. В частности, о том свидетельствовало появление в станицах нескольких иностранцев. Отношение его к отрывочным известиям источников было очень взвешенным. С одной стороны, он указывал, что «появление в этот момент на Дону французов и поляков нельзя считать случайным», и даже «можно полагать, что они оказали какое-то влияние на события, происходившие в донских станицах». Вместе с тем он подчеркивал, что сотник Чаусов, сообщавший об иностранцах и «не зная в страхе на кого свалить вину за усилившиеся волнения на Дону, преувеличивал влияние французских и польских эмиссаров» [1, с. 339]. В качестве наивысшего успеха повстанцев было, по его мнению, взятие ими власти в пяти станицах в декабре 1793 г. – Пятиизбянской, Верхне- и Нижне-чирской, Кобылянской и Есауловской.

Большое место занимает в исследовании А.П. Пронштейна вопрос о расправе с восставшими. И.В. Тимощенко, Е.П. Савельев, С.Г. Сватиков и Б.В. Лунин преуменьшали масштабы этой расправы. По данным И.В. Тимощенкова [2, с. 75] и С.Г. Сватикова [4, с. 237], всего было наказано тринадцать казаков. Е.П. Савельев [3, с. 151], Б.В. Лунин [5, с. 137] указывали большее число пострадавших. В исследовании этого вопроса А.П. Пронштейн пошел дальше своих предшественников, по его данным, правительство беспощадно расправилось с участвовавшими в движении казаками. Так, предводитель движения, есаул Иван Рубцов, получил 251 удар кнутом и погиб. Сотни казаков в разных станицах были наказаны плетью. «Комиссия Щербатова вынесла решение наказывать 5034 казака, которые, хотя и не участвовали в восстании, были виновны «в неприятии войсковых грамот» [1, с. 348].

Обращает на себя внимание тщательность изучения А.П. Пронштейном фактического материала, что дает возможность перейти на новый уровень исследования этого движения. Вместе с тем развитие современных отечественных исследований Разинского [6] и Пугачевского восстаний [7] показывает, что для изучения донского движения конца XVIII в. открываются новые пути. При этом в центре внимания историка становится связь этих движений с повседневностью казачьей жизни, с их культурой и традициями воинского быта, со сложившейся среди казаков системой ценностей и их воинской ментальностью. При этом совершенно очевидно, что дальнейшее исследование этого движения возможно только при опоре на достижения предшественников, и прежде всего на положения и выводы, содержащиеся в труде А.П. Пронштейна.

Таким образом, массовому народному движению на Дону 1792–1794 гг. уделялось определенное внимание в историографии. Хорошо известна его фактическая сторона. Четко выражены подходы к его характеристике и к оценке его исторического значения. Это не значит, что нет оснований для дальнейшего его изучения. Из них наиболее перспективным представляется культурно-исторический подход, с позиций которого продолжалось за последнее время изучение крупнейших народных движений в России – Разинского и Пугачевского. В самом деле, как и эти крупнейшие восстания, движение на Дону конца XVIII в. также представляло собой культурно-исторический феномен, в котором особенно четко отмечено стремление казаков к защите традиций. Вместе с тем историческая традиция выражается не только в проявлениях материальной и духовной культуры, но и в общественно-политическом положении. Еще одним направлением исследования этих событий, которые могут иметь перспективу, представляется анализ его с точки зрения этапа на пути к полному подчинению донского казачества империей. Едва ли случайно следующее крупное выступление с участием донских казаков в событиях, связанных с массовыми движениями, произошло примерно всего четверть века спустя. Это было движение донских крестьян 1820 г., в котором казаки выступали уже в качестве его душителей.

Вместе с тем движение на Дону 1792–1794 гг. отражало глубинный характер недовольства казачества своим положением, которое в дальнейшем долгое время не находило проявления в форме массовых выступлений, но выражалось в разных иных формах. И только в революционный период начала XX в. донское казачество вновь выступило в защиту культурно-исторической и политической традиции, но

потерпело поражение. Понимание движения на Дону 1792–1794 гг. как этапа на пути полного подчинения его имперской властью и прекращения в перспективе его исторического существования позволит представить себе место его в многовековой героической и трагической истории казачества.

Литература

1. Цит по: *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.
2. *Тимошенко И.В.* Очерк переселения на Дон казаков с Дона на Терек, Кубань и Сунжу // Сборник Областного войска Донского Статистического Комитета (СОВДСК). Новочеркасск, 1901. Вып. 1. С. 62–77.
3. *Савельев Е.П.* История казачества. Новочеркасск, 1918.
4. *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Издание Донской исторической комиссии. Вена, 1924. 592 с.
5. *Лунин Б.В.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. Ростов н/Д., 1951.
6. *Соловьев В.М.* Анатомия русского бунта. Степан Разин: Мифы и реальность. М., 1994.
7. *Мауль В.Я.* Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Томск, 2005.

References

1. *Pronshtein A.P.* *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don Land in the 18th century]. Rostov-on-Don, 1961.
2. *Timoshchenkov I.V.* [Feature of the Cossaks' Resettlement to the Don Area form the Don to the Terek, the Kuban and the Sunzha]. *Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo Statisticheskogo Komiteta (SOVDSK)* [The Digest of the Don Regional Cossack Army of the Statistical Committee]. Novocherkassk, 1901, no 1, pp. 62-77.
3. *Savel'ev E.P.* *Istoriya kazachestva* [The History of Cossacks]. Novocherkassk, 1918.
4. *Svatikov S.G.* *Rossiya i Don (1549-1917)* [Russia and the Don area (1549-1917)]. *Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenii na Donu*. Izdanie Donskoi istoricheskoi komissii. Vena, 1924, 592 p.
5. *Lunin B.V.* *Ocherki istorii Podon'ya-Priazov'ya* [Features of the Don-Azov Area History]. Vol. 2. Rostov-on-Don, 1951.
6. *Solov'ev V.M.* *Anatomiya russkogo bunta. Stepan Razin: Mify I real'nost'* [Anatomy of the Russian Riot. Stepan Razin: Myths and Reality]. Moscow, 1994.
7. *Maul' V. Ya.* *Sotsiokul'turnye aspekty izucheniya russkogo bunta* [Socio-cultural Aspects of the Russian Riot Study]. Tomsk, 2005.

Поступила в редакцию

12 мая 2015 г.

УДК 94(47).084.3+94(477)

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-62-65

ДОНО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ «КАЗАЧЬЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА» И.П. БУДАНОВА

© 2015 г. М.А. Исакова

Исакова Марина Алексеевна – аспирант, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: history@sfedu.ru

Isakova Marina Alekseevna – Postgraduate Student, Institute of History and Foreign Affairs of the Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia E-mail: history@sfedu.ru

Дается краткий обзор деятельности казачьего историка Ивана Платоновича Буданова как основателя и редактора «Казачьего исторического сборника». Особое внимание уделяется вопросу о доно-украинских взаимоотношениях, который автор рассматривает в нескольких статьях своего сборника. Показываются эмоциональное состояние и отношение казаков-эмигрантов к Украине, а также те непростые и напряженные отношения, которые сложились между украинцами и донцами на протяжении нескольких этапов совместной истории.

Ключевые слова: казаки, казачье зарубежье, Буданов, Казачий исторический сборник, Украина.

The article is the short research review of Ivan Platonovich Budanov's activity, the Cossack historian as the founder and the editor of "Cossack historical collection". The special attention is paid to a question of the Dono-Ukrainian relationship which the author considers in several articles of his research digest. In the article an attempt to show the emotional background and the attitude of Cossack emigrants to the Ukraine was made. The emotional state and the attitude of the Cossacks-

immigrants to the Ukraine, as well as those difficult and strained relationship that had developed between Ukrainians and Don people during several stages of the mutual history are shown.

Ключевые слова: *Cossacks, Cossack abroad, Budanov, Cossack historical collection, Ukraine.*

Гражданская война (1918–1920 гг.) обернулась для многих казаков вынужденной эмиграцией. Теме казачьего зарубежья посвящено множество монографий. Современные историки всесторонне рассматривают жизнь казаков за рубежом: территорию расселения, общественно-политическую деятельность, вклад казаков-эмигрантов в сохранение традиций, развитие науки и искусства и многие другие вопросы.

Среди исследователей, изучающих казачье зарубежье, следует выделить историков О.В. Ратушняка и К.Н. Хохульникова. О.В. Ратушняк проводит анализ историографии казачьего зарубежья и называет основные группы источников по изучению данной темы. Он отмечает, что подавляющее большинство исследований базируется на материалах, опубликованных в эмигрантской печати (основной источник – казачья пресса). Это связано с тем, что архивные материалы только недавно стали доступны широкому кругу исследователей. Автор отмечает, что в настоящее время еще идет процесс выявления документальных источников по истории зарубежного казачества, их научная обработка и осмысление [1]. К. Н. Хохульников в своих работах обстоятельно осветил основные этапы развития казачьей прессы за рубежом. Автор систематизировал основные центры развития печати, вопросы, обсуждаемые в изданиях. Он отмечает, что, к сожалению, имена и литературное наследие подавляющего большинства казаков-эмигрантов и по сей день мало кому известны не только в России, но и в ее традиционных казачьих краях, в частности на их родине – на Тихом Дону [2]. В связи с этим нами предпринята попытка осветить деятельность одного из таких казаков-эмигрантов – И. П. Буданова, как исследователя истории казачества, а конкретно – доно-украинских отношений на страницах «Казачьего исторического сборника».

Иван Платонович Буданов (1880–1961) – казак станицы Федосеевской Хоперского округа Всеволодского Войска Донского. Юрист, политический деятель, историк. В молодости был учителем церковно-приходской школы, затем поступил в Новочеркасскую учительскую семинарию. Иван Платонович занимал должность народного учителя станицы Тишанской девять лет. Впоследствии окончил юридический факультет Московского университета и был зачислен в звание присяжных поверенных [3].

В 1918 г. был избран представителем своей станицы на Донской Войсковой Круг, где состоял

председателем на окружных заседаниях хоперцев и делегировался на общеказачьи конференции. В 1920 г. был вынужден эмигрировать в Софию, а в 1924 г. – в Париж. Однако, даже находясь за границей, Иван Платонович продолжил общественную деятельность, принимая участие в работе Казачьего союза и Казачьего клуба в Париже. Историк выступал с докладами в казачьих организациях в Париже и его предместьях (1930-е, 1940-е). После Второй мировой войны Буданов участвовал в возобновлении работы Казачьего союза. Иван Платонович был членом Союза русских адвокатов за границей, избирался в его правление (1934–1936) [4]. Последние 35 лет своей жизни Буданов посвятил жертвенному служению казачеству. Проводил много времени в библиотеках, разыскивая первоисточники по казачьим древностям. Ему представилась возможность пользоваться богатствами библиотеки парижского Института живых восточных языков. Результатом этого долгого и кропотливого труда стали 14 номеров «Казачьего исторического сборника» и объемный труд «Дон и Москва».

На протяжении нескольких лет существования «Казачьего исторического сборника» (1955–1961) Буданов публиковал статьи по истории взаимоотношений Дона и Украины.

В статье «Первенство возникновения Дона и Запорожья» автор поставил в центр внимания принципиальный вопрос для казачества, а именно первоочередность возникновения казаков – донских или запорожских. Буданов подчеркивает, что этот вопрос не стоял бы так остро, если бы из него не делали политических выводов и не обнаруживались бы притязания одного Войска на население и территорию другого [5, с. 1].

Уже тогда, в 1958 г., автор говорил о том, что Донское казачество и его территории находятся как бы между молотом и наковальней.

Буданов относительно этого первенства в исторической литературе выделял два течения: одно в лице историков В.О. Ключевского и И.-Г. Шнитцлера признавало его за Войском Донским, другое, представленное А.А. Скальковским, С. Федоровым, Н.И. Костомаровым, Г.Ф. Миллером – за Запорожским. Буданов отмечает, что «...Запорожская традиция относилась к основанию Войска Запорожского к 948 г. при императоре Константине византийском...» [5, с. 12] Профессор Н.И. Костомаров считал, что Запорожская Сечь имела большое влияние

на образование подобного же братства на Дону. Однако в противоположность запорожской традиции В.О. Ключевский писал, что «...донских казаков едва ли не следует считать первообразом степного казачества. По крайней мере, во второй половине XVI в. когда казачество запорожское только еще начинало устроиться в военное общество, донское является уже устроенным...» [5, с. 2].

Буданов пытается объяснить наименование «Войско Запорожское Низовое». Войско Донское делилось на Верховое и Низовое, в связи с расположением по верхнему и нижнему течению Дона. Но для чего же в наименовании «Войско Запорожское», т.е. Войско, живущего «за порогами» р. Днепр и находящегося в низовьях реки, прибавлено слово «Низовое»? Буданов выдвигает две версии. Первая заключается в том, что Днепровское казачество, так же как и Донское, делилось на Верховых и Низовых по р. Днепр. Низовые, чтобы отделиться от своих Верховых и ввели пояснительное слово «запорожские». Вторая же версия введение слова «Запорожское» объясняет как желание днепровских казаков отличать себя от других низовых – Донских казаков, к тому времени уже сформировавшихся. На основе этих двух версий Буданов считает, что введение слова «Запорожское» служит подтверждением первенства возникновения Войска Донского.

Проведя в своей статье интереснейший обзор трудов таких историков, как Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский, немецких историков Миллера и Шнитцлера, он излагает собственную точку зрения по этому вопросу. Буданов считает, что эти два «Низовых» войска – Донское и Запорожское – первоначально выделились из какого-то одного общего источника, подобно тому, как из Всевеликого Войска – Донское, Яицкое и Терское [5, с. 2в]. Однако в отличие от этих войск, возникновение которых подтверждается историческими источниками, информацией о времени возникновения Войска Донского и Войска Запорожского историк не располагал.

Он считал, что, изначально имея общие черты, впоследствии донцы и запорожцы подверглись влиянию разных культур, вследствие чего духовно разошлись. Как и многие казаки, вынужденные эмигрировать, Буданов подчеркивает, что отчуждение между Доном и Запорожьем тщательно поддерживалось Москвой – Санкт-Петербургом, занимавшихся «натравливанием одних на других» [5, с. 2в].

Особый интерес представляют статьи И.П. Буданова, которые получили название «Дон и Украина». Знакомясь с ними, можно прочувствовать те настроения, которыми были охвачены казаки за рубежом. Основные вопросы касались пределов,

границ Дона и Украины и присоединения Кубани к Украине.

Буданов рассматривает несколько этапов взаимоотношений между Доном и Украиной. Они имеют долгую историю. Известны совместные набеги Донцов и Запорожцев на турецкие берега, совместное взятие Азова. Автор напоминает также о нескольких эпизодах конфликта между ними. Так, Богдан Хмельницкий по требованию турецкого султана решил «запустошить Дон», за что султан назвал бы его «своим братом», и знаем, как донцы «фразыграли» Б. Хмельницкого [6]. Гетман Иван Мазепа плохо поступил в отношении Кондратия Булавина, стремящегося освободиться от москвитинской опеки, и это было сделано Мазепой для того, чтобы прикрыть свои планы освобождения Украины от той же Москвы [7, с. 4].

Буданов указывает также и на положительные эпизоды во взаимоотношениях между Доном и Украиной, а именно: донским атаманом Красновым и украинским гетманом Скоропадским было подписано соглашение о границах, хотя и не полное, так как границы Дона шли и по р. Осколу.

И в итоге, следующим этапом во взаимоотношениях стала открытая неприязнь между донцами и украинцами, которая острее всего проявлялась за рубежом. В качестве примера автор приводит заявление митрополита Мстислава Скрыпника, что Украина там, «где ступала его нога», которое, по мнению Буданова, подтверждает стремление захватить часть Донской земли [7, с. 4–5].

В следующей статье, которая носит такое же название «Дон и Украина» рассматривается переписка между донцом и украинцем, чьи имена не указываются. Основной вопрос в этой переписке – могут ли украинцы именовать себя казаками? Явно выражено стремление украинцев присвоить себе Донбасс, а также прихватить и Кубань вместе с Таганрогом и Ростовом, а на некоторых этнических картах и ...Новочеркасск [8]. Дончанин, который и прислал эту переписку в редакцию «Казачьего исторического сборника», утверждает, что некоторые смеют писать, что якобы Донбасс уже принадлежит украинцам. Кубанская казачья земля тоже принадлежит им. Дончанин, скорее всего, выражал общую позицию казаков того времени [9] и писал, что Украина была страной Украинской, но не страной казаков. Казаки же являются, по его мнению, совсем отдельным народом от народа украинского, и оба эти народа жили каждый на своей территории, и казаки жили совсем иначе, чем украинцы.

19 января 1961 г. на 82-м году своей плодотворной жизни скончался Иван Платонович Буданов, «большой казак», как говорили о нем современники

[10]. В связи с этим цель, которая была поставлена по собиранию и публикации материалов по взаимоотношению между Доном и Украиной, была достигнута только частично.

В 1970 г. в периодическом издании «Казачье слово» в статье «День казачьей национальной прессы» заслуга Буданова, как и других казачьих национальных историков (Г.В. Губарев, ген. И.Н. Коноводов, ген. И. Быкадоров), была признана в том, что он как историк установил, что казаки не русский и не украинский народ, что казачий народ – это отдельный народ, имеющий свою богатую историю, политическую и особенно военную [11].

Таким образом, рассмотренные статьи «Казачье-го исторического сборника» продемонстрировали те непростые и напряженные отношения, которые сложились между украинцами и донцами на протяжении нескольких этапов совместной истории. Эти статьи показали всю ту эмоциональную напряженность, которая властвовала над умами казаков-эмигрантов, которые не могли равнодушно смотреть на происходящие события. Казаки всячески хотели продемонстрировать свою сплоченность, направленную против украинцев, которые претендовали на их территории, вплоть до того, что запрящали украинцам именовать себя казаками.

Литература

1. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): учеб. пособие. Краснодар, 1997.
2. Хохульников К.Н. Периодическая печать Донского казачьего зарубежья // Местная печать края – выразитель дум донского общества: доклады науч. конф. (Ростов-на-Дону, 12 сентября 2002 г.). Ростов н/Д., 2002.

3. Казачий словарь-справочник. Т. 1: Абрамов-Зябловский / ред. А.И. Скрылов, Г.В. Губарев. Репринт. воспроизведение изд. 1966 г. М., 1992. С. 91.
4. Мнухин Л., Авриль М., Лосская В. Российское зарубежье во Франции 1919–2000. М., 2008. Т. 1. С. 220.
5. Казачий исторический сборник. 1958. № 6.
6. Там же. 1957. № 4. С. 35–37.
7. Там же. 1960. № 11.
8. Там же. № 12. С. 4.
9. Казачье слово. 1974. № 14. С. 32.
10. Казачий исторический сборник. 1961. № 14. С. 38–40.
11. Казачье слово. 1970. № 2. С. 3.

References

1. Ratushnyak O.V. *Donskoe i kubanskoe kazachestvo v emigratsii (1920–1939 gg.)* [Don and Kuban Cossacks in the emigration (1920-1939)]: text book. Krasnodar, 1997.
2. Khokhul'nikov K.N. [Periodical Press of the Don Cossack Living Abroad]. *Mestnaya pechat' kraya – vyrazitel' dum donskogo obshchestva* [Local press – Thoughts Reflection of Don Society]: Scientific reports conf. (Rostov-on-Don, 12 September 2002). Rostov-on-Don, 2002.
3. *Kazachii slovar'-spravochnik*. T. 1: Abramov-Zyablovskii [Cossack Dictionary Catalog]. Vol. 1 Ed. A.I. Skrylov, G.V. Gubarev. Reprint. 1966 g. Moscow, 1992, p. 91.
4. Mnukhin L., Avriil' M., Losskaya V. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii 1919–2000* [Russia Emigration in France]. Moscow, 2008, vol. 1, p. 220.
5. *Kazachii istoricheskii sbornik* [Cossack Historical Digest], 1958, no 6.
6. There. 1957, no 4, pp. 35-37.
7. There. 1960, no 11.
8. There. № 12, p. 4.
9. *Kazach'e slovo* [Cossaks' Word]. 1974, no 14, p. 32.
10. *Kazachii istoricheskii sbornik* [Cossack Historical Digest]. 1961, no 14, pp. 38-40.
11. *Kazach'e slovo* [Cossaks' Word]. 1970, no 2, p. 3.

Поступила в редакцию

24 марта 2015 г.

УДК 908

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-65-68

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС И ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯН В РУССКИЕ ГУБЕРНИИ В ОЧЕРКАХ РУССКОЙ ПРЕССЫ XIX ВЕКА

© 2015 г. Е.С. Малахов

Малахов Евгений Сергеевич – аспирант, кафедра социально-гуманитарных дисциплин и регионоведения, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, ул. Зиповская, 5, г. Краснодар, 350000. E-mail: malahov-e@mail.ru

Malakhov Evgeniy Sergeevich – Postgraduate Student, Department of Social and Humanities Disciplines and Regional Studies, Academy of Marketing and Social-and-Information Technologies, Zipovskaya St., 5, Krasnodar, 350000, Russia. E-mail: malahov-e@mail.ru

Рассматриваются очерки о положении эстонских крестьян на страницах русской печати XIX в., служивших трибуной для деятелей эстонского национального движения, зачастую лишённых возможности выступить в прибалтийской печати, стеснённой местной цензурой остзейских баронов. Характер обсуждения остзейского вопроса на страницах русской печати XIX в. сыграл немаловажную роль в выработке так называемой «восточной», русской, ориентации эстонского национального движения на раннем этапе его развития. Отличительные особенности этого обсуждения объясняют многое в истории национального движения эстонских крестьян.

Ключевые слова: *остзейский вопрос, русская пресса, дворянство, эстонцы, остзейские бароны, крестьяне, реформы.*

This article considers the essays on the situation of the Estonian peasants in the pages of the Russian press of the XIX century. Essays of Russian press was a platform for leaders of the Estonian national movement, often deprived of the opportunity to speak in the Baltic press, cramped local censorship of Baltic barons. The nature of the discussion Ostsee issue on pages of the Russian press of the XIX century played an important role in the development of so-called "East", Russian, Estonian national movement orientation at an early stage of its development. Distinctive features of this discussion explain much of the history of the national movement of Estonian peasants.

Keywords: *Ostsee question, the Russian press, the nobility, the Estonians, the Baltic provinces barons, peasants, reforms.*

Обсуждение остзейского вопроса на страницах русской прессы имело большое значение для прибалтийских народов (эстонцев), привлекало внимание к сложному положению дел в Прибалтике, где соблюдался остзейский режим, сохранявший всю власть в руках немецких помещиков. Крестьяне были лишены земель и хоть какого-либо состояния. Ход событий и обсуждение остзейского вопроса оказывали влияние на правительство Прибалтики, хотя решающими фактами были события, известные и без печати, это – волнения крестьян, выражавших недовольство своим положением [1, с. 5]. Господствующим сословием в Прибалтике было дворянство и бюргерство, принадлежавшее к немецкой национальности, в то время как бесправным сословием были эстонцы. Эта классовая борьба нередко сливалась с национальной. После массовых крестьянских восстаний стало ясно, что освобождение крестьян в 16–19 гг. XIX в. и реформы, проведенные в 40–50-х гг. XIX в., не улучшили положения народа.

Ещё большее внимание русского общества привлёк опыт остзейских губерний в разрешении крестьянского вопроса во второй половине 50-х гг. XIX в., когда на повестку дня встала проблема освобождения русских крестьян от крепостной зависимости в ближайшем будущем, когда во всех кругах общества и в правительственных сферах стал дискутироваться вопрос о путях, о форме освобождения в связи с выработкой проекта реформы [1, с. 23]. Напуганное перспективами проведения в Прибалтике новых реформ, которые могли бы пошатнуть положение привилегированного сословия, дворянство предложило остзейский метод освобождения крестьян. Он заключался в том, что крестьяне не получали земельного надела, а только ограниченно личную свободу. Таким жестом бароны хотели показать, что

все спорные вопросы они могут решать на месте, не прибегая ни к чьей помощи, тем самым поднять свой авторитет в русском обществе.

В русской печати 50–60-х гг. XIX в. появляется большое количество статей, брошюр и книг, доказывавших преимущества безземельного освобождения крестьян на остзейский манер. Например, А. Рихтер восхваляет остзейский метод освобождения – вначале определение повинностей крестьян, затем личная свобода, затем переход от барщины к оброку и, наконец, постепенное превращение крестьян в собственников [2, с. 49]. Его идеи подверглись резкой критике, так как деятели русского общества, изучив положение крестьян в Прибалтике, увидели, что последствиями безземельного освобождения были нищета, бесправие и жестокая эксплуатация [3, с. 80]. Тяжёлое положение эстонских крестьян вынуждало их переселяться в русские губернии, чему всеми мерами стремились воспрепятствовать местные власти и помещики, боявшиеся потерять дешёвую рабочую силу. Всё же в 1860 г. нескольким группам эстонских крестьян удалось переселиться в Самарскую губернию. Это событие, ярко раскрывавшее неблагоприятное положение в эстонской деревне, вызвало ряд откликов в столичной русской печати, основывающейся чаще всего на сведениях из «Самарских губернских ведомостей» [4, с. 32].

В 1861 г. в Берлине вышла в свет книга русского публициста В.Т. Благовещенского «Ehste und sein Herr» (Эстонец и его господин). В ней дан анализ отношений помещиков с крестьянами. Освобождения крестьян как такового не было, а их положение стало еще хуже, потому что вся система, которая была при крепостном праве, сохранилась. Книга приобрела большой резонанс, так как до нее были только мелкие заметки с общей критикой дворян-

ства, здесь же критика основывалась на многочисленных фактах. Для опровержения писались не только статьи, но и брошюры как в Прибалтике, так и за границей [5, с. 98]. В те же годы выходят работы В.В. Иванова, выступавшего с критикой дворянства. О своей статье, вышедшей в «Морском сборнике», он писал: «При составлении же этой статьи я имел в виду не только знакомство читателей “Мор.сб.” с Ревелем и интересами его жителей, но надеялся, что, сделавшись известною ревельским немцам, она ободрит часть их, жаждущую перемен к лучшему, и устыдит, если не сказать больше, приверженцев старого порядка» [6, с. 154]. Иванов рисует образ дворянства того времени высокомерным, чувствующим свое превосходство над другими национальностями, с привычкой онемечивания подвластных им народностей. Об онемечивании эстонцев он писал, что этот вопрос разрешается сам собой: «Как ни была эфемерна сорокалетняя свобода эстонцев, но всё-таки их элемент успел окрепнуть до того, что теперь уже заметно проявляется сознание и чувство национальности, чему немало содействовала в последнее время издающаяся в г. Пернове эстонская газета. Вообще прошла уже пора германизирования эстонцев». Автор не просто констатирует бедственное положение крестьянина, но и намечает возможную программу действий: «По-моему, едва ли несправедливо было бы предоставить и здешним крестьянам те же права, какие даны манифестом 19 февраля 1861 г. русскому сельскому населению; но вряд ли настоящее поколение эстляндских дворян решится на такую жертву» [6, с. 154].

Русская пресса внимательно следила за выходом за границей брошюр, посвящённых положению крестьянства в Прибалтике, так как сами деятели русского общества не могли близко познакомиться с тамошним положением дел, опираясь на эти материалы.

Период обсуждения в прессе остзейского вопроса 60-х гг. XIX в. хоть и не имел большого количества статей и материалов, но выдвигал уже главные вопросы, такие как тяжёлое положение прибалтийского крестьянства и меры по его улучшению. Этот раздел остзейской проблемы будет привлекать пристальное внимание русской публицистики на протяжении 60-х гг. XIX в. [7, с. 56]. Рассматривается устарелое феодальное устройство городского управления в Прибалтике и необходимость его изменения. В самом общем виде поставлен вопрос об особом остзейском режиме как определённой общественной системе, утвердившейся в Прибалтике и противоречащей передовым идеям современности

и интересам большинства в крае и в целом государстве [8, с. 44]. Следующим толчком к обсуждению этого вопроса стало выступление генерал-суперинтенданта Ф. Вальтера при открытии лифляндского ландтага 9 марта 1864 г. В своей речи, подчеркнув чисто немецкий характер остзейского края, он выступил с горячим призывом к германизации коренного населения Прибалтики, объявив это основным историческим долгом остзейцев перед своей родиной – Германией [1, с. 178]. Ответ на речь Ф. Вальтера не заставил себя долго ждать. М.Н. Катков писал: «Итак, постоянное возобновление немецкой народности в сношениях с Германией, сближение всех слоев немецкой народности в самой Лифляндии, дабы в этом крае могли раскрыться во всей полноте своей и во всём своем разнообразии отличительные свойства германского духа, наконец, постоянная ревностная германизация всего того, что вследствие прошлых упущений и недоразумений, фальшивых взглядов и чувствований осталось в Лифляндии не немецким вот, по учению проповедника, главный интерес и долг лифляндского дворянства» [9, с. 77]. По его мнению, выступление Вальтера противоречит интересам России. Каткову возражал пастор Ферман, он считал, что онемечивание это гуманный способ выхода прибалтийских крестьян из своего тяжелого положения. На что следовал ответ, что если прибалтийские народы не способны к самостоятельному развитию и что «если школа и образование должны выводить этих людей из тесной доли скудного племенного существования и приобщать их к какой-либо великой исторической народности, то всего естественнее желать, чтоб они приобщались к народности русской», ибо Прибалтика часть русского государства [9, с. 149].

После всех обсуждений и дискуссий возник интерес, в чем же все-таки суть остзейского вопроса? Ответы давались самые разные. По версии М.Н. Каткова, это – опасность германизации Прибалтики, что несовместимо с интересами государства. По мнению «Русского инвалида», ведущего органа печати, суть остзейского вопроса не в германизме, а в защите немецким меньшинством своих устарелых средневековых привилегий, потерявших теперь всякий смысл и тяжёлым бременем ложащихся на плечи коренного населения, составляющего абсолютное большинство в крае. Всё то, что М.Н. Катков склонен был объяснить остзейским сепаратизмом, «Русский инвалид» объясняет корыстным эгоистическим сословным стремлением остзейского дворянства и бюргерства сохранить свои привилегии, опирающиеся на бесправие, нищету и угнетение большинства [10]. Пере-

ломным моментом в жизни прибалтийских крестьян стали 1867–1868 гг. В этот период случился неурожай и крестьяне голодали. В эстонской газете «Ээсти Постимээс» писали, что изо всех мест, населённых эстонцами, раздаётся крик голодных: «Хлеба! Хлеба!», а так как хлеба нигде взять, раздаётся другой крик: «Выселиться!». «Пусть будет, что будет, дома всё равно придётся умереть с голоду», – говорили многие. «Уж хуже, чем в Эстляндии, не может быть ни на Кавказе, нигде бы то ни было» [11, с. 29]. Мысль о переселении буквально захватила большинство эстонцев. Даже крестьяне арендаторы начали продавать все свое хоть какое-то имущество, лишь бы испытать радость переселения. В прессе отмечалось, что переселение несет в себе не временные неудачи, а более глубокий смысл [12, с. 34]. «С лишком 50 лет, – говорит упомянутая газета, – прошло со дня освобождения крестьян в Эстляндии, а народ остаётся без развития, без собственности, и готов разбредиться по всему свету, хотя всякая овца любит ту овчарню, где она родилась». Итак, это особенно ясно было подчёркнуто «Голосом» в изложении статьи «Ээсти Постимээс», истинная причина переселения в экономических условиях жизни крестьян [13; 14, с. 7–9].

Проанализировав прессу XIX в., приходим к выводу, что все авторы сходятся в одном – бедственном положении прибалтийских крестьян. Нищета, отсутствие собственной земли, жестокое отношение помещиков вынуждает эстонцев принять решение о переселении в русские губернии, в частности и на Кавказ.

Литература

1. Исаков С.Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1961.
2. Рихтер А. История крестьянского сословия в присоединённых к России Прибалтийских губерниях со включением новейших постановлений. Рига, 1860.
3. Северная пчела. 1860. № 242. 31 окт.
4. См: Отечественные записки. 1860. Сент. С. 33–34.
5. Благовещенский В.Т. Ehste und sein Herr. Berlin, 1861.
6. Морской сборник. 1862. Февр. Отд. «Современное обозрение».
7. Наан Г.И. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Талин, 1952.

8. Шулецов Е.С. История развития города Владикавказа: тенденции и особенности (1784–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.

9. Московские ведомости. 1864. № 97. 2 мая.
10. Русский инвалид. 1865. № 19. 24 янв.
11. Ээсти Постимээс. 1869. № 3.
12. Кронштадтский вестник. 1862. № 22. 18 марта.
13. Московские ведомости. 1869. № 38. 15 февр.
14. Малахов Е.С. Образование и дальнейшее развитие эстонских поселений на юге России (1866–1886 гг.). Кисловодск, 2013. С. 7–9.

References

1. Isakov S.G. Ostzeiskii vopros v russkoi pechati 1860-kh godov [Essays of Issues in Russian Publishing of 1860 years]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tartua, 1961.
2. Rikhter A. *Istoriya krest'yanskogo sosloviya v prisoedinnennykh k Rossii Pribaltiiskikh guberniyakh so vklyucheniem noveishikh postanovlenii* [The History of the Peasant Class in Annexed by Russian Baltic Provinces with the Inclusion of New Regulations]. Riga, 1860.
3. *Severnaya pchela* [Northern Bee], 1860, no 242, 31 okt.
4. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1860, Sept., pp. 33-34.
5. Blagoveshchenskii V.T. *Ehsteundsein Herr*. Berlin, 1861.
6. *Morskoi sbornik* [Sea Collection], 1862, Feb., Dep. "Modern-about vision".
7. Naan G.I. *Istoriya Estonskoi SSR (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [History of the Estonian SSR (from ancient times to the present day)]. Talin, 1952.
8. Shchupets E.S. *Istoriya razvitiya goroda Vladikavkaza: tendentsii i osobennosti (1784–1917 gg.)* [History of the city of Vladikavkaz: Tendencies and Features 1784-1917 years]: dis. ... kand. ist. nauk. Pyatigorsk, 2003.
9. *Moskovskie vedomosti* [Moscow News], 1864, no 97, 2th May.
10. *Russkii invalid* [Russian Disabled], 1865, no 19, 24th January.
11. *Eesti Postimees* [Eesti Postimees], 1869, no 3.
12. *Kronshtadtskii vestnik* [Kronstadt Gazette], 1862, no 22, 18th March.
13. *Moskovskie vedomosti* [Moscow News], 1869, no 38, 15th February.
14. Malakhov E.S. *Obrazovanie i dal'neishee razvitie estonskikh poselenii na yuge Rossii (1866–1886 gody)* [Education and Further Development of the Estonian Settlements in the South of Russia 1866-1886 years]. Kislovodsk, 2013, pp. 7-9.

УДК 94(47).084.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-69-74

А.Ф. КЕРЕНСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ 1917 ГОДА: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2015 г. И.М. Рыбаков

Рыбаков Игорь Михайлович –
аспирант, кафедра исторической политологии,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: rybakov_i_m@mail.ru

Rybakov Igor Mikhailovich –
Postgraduate Student, Department of Historical Politology,
Institute of History and Foreign Affairs
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: rybakov_i_m@mail.ru

Рассматривается состояние историографической разработанности роли А.Ф. Керенского в революционном процессе 1917 г. на различных этапах развития исторической науки. Анализируется специфика эмигрантской, советской и современной историографии по данной теме, которая является весьма обширной. При этом сохраняется необходимость усиления внимания к таким проблемам, как рассмотрение психологической природы и мотивации деятельности Керенского в 1917 г., сыгравших ключевую роль и в его судьбе, и всей страны в целом.

Ключевые слова: эмигрантская историография, советская историография, современная историография, переходный подэтап историографии, новейший подэтап историографии, мемуарно-теоретическое наследие.

The author examines the state of historiographical elaboration of the role of Alexander Kerensky in the revolutionary process in 1917 at different stages of historical science development. In the article the specific character of emigrational, Soviet and modern historiography on the subject, which is quite extensive is analyzed. In this case, there is the necessity to pay more attention to issues such as the consideration of a psychological nature and motivation of Kerensky activities in 1917, which played a key role in his life, and in the destiny of the whole country.

Keywords: emigrant historiography, Soviet historiography, modern historiography, the transition substage of historiography, the newest substage of historiography, memoirs-theoretical heritage.

Александр Фёдорович Керенский – один из тех триумфаторов России начала XX в., которые до сих пор остаются недооценёнными и до конца не понятыми, несмотря на то, что в последнее время издаются его книги и множатся публикации о нём. Он жил и действовал в удивительное время кризисов, войн и революций, когда в конечном счёте решился вопрос о будущем российского государства.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений прежде всего в силу того, что начиная с 1990-х гг. резко увеличилось число источников, принципиально новых для отечественных исследователей, в частности личного происхождения, в том числе произведений самого Керенского. Можно говорить о наличии малоизученных фрагментов мемуарно-теоретического его наследия, что повышает научную значимость обозначенной проблемы. Также усилилась необходимость рассмотрения психологической природы и мотивации некоторых поведенческих действий Керенского, особенно в 1917 г. как «поворотного» момента в истории России.

Цель статьи – анализ состояния разработанности темы в отечественной историографии и выявление существующих в ней узловых вопросов.

Необходимо отметить, что в развитии отечественной историографии данной темы прослежи-

ваются три крупных этапа, обладающих существенной спецификой: эмигрантский, советский и современный.

На первом этапе были предприняты серьёзные попытки осмысления происшедшего представителями различных направлений русской политической эмиграции. В основном эти работы носили субъективный характер, как в плане оценки действий Керенского в межреволюционный период с февраля по октябрь 1917 г., так и в целом его общественно-политической деятельности, что является, на наш взгляд, скорее их достоинством, а не недостатком.

Представители консервативного течения русской эмиграции (В. В. Шульгин, А. И. Деникин) оценивали его в целом негативно, усматривая в деятельности Керенского одну из главных причин прихода большевиков к власти. В частности, А. И. Деникин определял всякую власть после Февральской революции, в том числе и власть Керенского, как носившую признаки самозванства, а «власть Временного правительства в самой себе носила признаки бессилия» [1, с. 112]. В связи с этим более правомерной представляется оценка, данная А. Ф. Керенскому В. В. Шульгиным, писавшим о нём как о человеке с искренним отвраще-

нием к крови и в то же время признавшим, что «по трясине, прыгая с кочки на кочку, мог более или менее двигаться только Керенский» [2, с. 449, 468].

Авторами либерального направления (П. Н. Миллюков, В. Д. Набоков) осмысливались не столько причины собственной изоляции и падения демократического строя в октябре 1917 г., сколько производился поиск главного виновника произошедшего, которым практически единодушно был назван А. Ф. Керенский. Так, например, главный идеолог и лидер партии кадетов П. Н. Миллюков писал: «Шаг к коалиции, предпринятый Керенским, привёл к дальнейшему ослаблению и распаду государства... Цикл грядущих превращений русской революции наметился как в зеркале. На этой покато́й плоскости коалиционное правительство Керенского оказалось, действительно, первым шагом» [3, с. 94].

В том же русле высказывался и другой видный кадет, управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков, вообще отрицавший за Керенским какие-либо заслуги и качества, оправдывавшие «такое истерически-восторженное отношение к нему» [4, с. 36]. История, по его мнению, навязала Керенскому ту роль, в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться. Феномен его власти и степень влияния на общество Набоков объяснял психозом толпы, нашедшей себе кумира. Такая позиция, на наш взгляд, была связана не просто с негативным отношением к Керенскому, но и желанием в определённой степени оправдать собственные политические просчёты.

Другую позицию занимали представители социалистического лагеря эмиграции, особенно близко знавшие Керенского как человека и политического деятеля. В частности, Ф. А. Степун называл линию Керенского единственно правильной, подчеркнув, что его вина состояла лишь «в том, что он недостаточно энергично вёл страну по верному пути» [5, с. 33–35].

Позицию Ф. А. Степуна полностью поддерживал один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии В. Б. Станкевич, полагавший, что «слова ненависти по отношению к Керенскому были словами ненависти не только к революции, но и всему народу... для того времени Керенский воплощал собой единственно возможную линию государственной власти» [6, с. 64–65].

Наиболее взвешенную позицию в оценке А. Ф. Керенского и его роли в событиях 1917 г. занимал один из ярких представителей меньшевистской историографической традиции в эмиграции И. Г. Церетели, полагавший, что Керенский

являлся не причиной государственного разложения, которое наблюдалось осенью 1917 г., а лишь «наглядным выражением этого процесса, процесса разрушения демократического единства, которое одно только могло бы спасти Россию» [7, с. 155]. Таким образом, главной причиной Октября 1917 г. в России явился процесс противостояния в условиях развала государственности, усиления экстремистских тенденций, который и привёл к поражению демократических сил.

Определённый интерес представляют суждения, высказанные эмигрантами, лишёнными партийных пристрастий. Речь идёт прежде всего о дневнике З. Н. Гиппиус, который может рассматриваться одновременно и как источник, и как историографический факт. Тональность приведённых в нём оценок существенно менялась по мере изменения ситуации в стране в целом. Особенно примечательна оценка Гиппиус Керенского как «моста между эволюционно-творческим и революционно-разрушительными элементами революции... Он нечто третье, революционно-творческое, единственно желаемое в межреволюционный момент» [8, с. 99]. Но, как показывает исторический опыт, в революционную эпоху чаще всего побеждают лидеры крайних флангов, люди, склонные и способные к диктатуре.

Таким образом, на «эмигрантском» этапе историографии по данному вопросу были заложены определённые основы для её дальнейшего развития на современном этапе.

Вторым этапом хронологически является советская историография, основу которой заложил В. И. Ленин, считавший, что «Керенского пригласили в правительство с целью создать видимость народного представительства, иметь демократического краснобая, который бы говорил народу пустые слова» [9, с. 63]. Исходя из этого, в советской исторической науке утвердился подход, ставший традиционным, согласно которому Керенский рисовался человеком «ниоткуда», позёром и неврастеником, неизвестно каким путём вошедшим во власть. В связи с постами, которые им занимались во Временном правительстве, он стал воплощением слабости, нерешительности и бездействия, а в конечном итоге – предательства революции.

Стоит отметить, что советская историография складывалась под гнетом господствовавшей моноидеологии и привела ко многим деформациям в освещении образа Керенского. Наиболее очевидными жертвами становились те лидеры, идеологи, которые находились «по ту сторону баррикад». Керенскому давали необъективные оценки,

приписывали то, чего он в действительности не совершал.

Квинтэссенцией такого подхода стала работа В. И. Старцева «Крах керенщины» (1982), в которой в принятом ключе был дан анализ последних двух месяцев того периода русской государственной и общественной жизни, «...который получил у современников название “керенщины” по имени незадачливого премьера Временного правительства, пытавшегося балансировать между силами революции и контрреволюции» [10, с. 3]. Автор сделал вывод, что падение Временного правительства было закономерным, так как в России накануне Октября 1917 г. не было альтернативы власти Советов и большевиков, представлявших собой сплочённую и организованную политическую силу, сильную доверием масс. Однако эта позиция представляется сомнительной, так как даже осенью 1917 г. объективно всё ещё сохранялась альтернатива вооружённому восстанию, в частности «путём создания однородного правительства из социалистических партий и избрания демократическим путём народного представительства в лице Учредительного собрания» [11, с. 176].

Вместе с тем следует признать, что в работах ряда историков на этом этапе содержится богатейший фактический материал о политической деятельности Керенского в 1917 г. [12, 13].

Итак, советская историография по проблеме сохранила критическую тональность на всем протяжении своего развития и опиралась на ленинскую позицию, которая в Советской России выполняла зачастую идеологическую, а не научную функцию. Неслучайно деятельность бывшего главы Временного правительства Керенского рассматривалась лишь в контексте происходивших бурных событий 1917 г., как не имевшая самостоятельного значения.

Рубеж 1980 – 1990-х гг. знаменовал начало современного этапа историографии, в значительной степени связанного с ростом общественного интереса к альтернативным моделям общественного устройства. В конце 1980-х гг. на волне гласности появляется ряд научно-публицистических работ, посвящённых обозначенной теме, что ассоциируется с началом «переходного» подэтапа в современной историографии. Стали меняться подходы к конструированию фактологической модели. В частности, в статье Г. З. Иоффе была высказана важная мысль о том, что Керенский, как и многие другие деятели постфевральской демократии, был вовсе не случайной фигурой на политическом олимпе, как принято считать в советской истори-

ческой науке. «Он был детищем своего времени, откликом на его запрос» [14, с. 4], – к такому выводу пришёл автор. Однако следует отметить, что Г. З. Иоффе не удалось всесторонне оценить роль А. Ф. Керенского в политических событиях начала XX в. в России, но тем не менее был сделан определённый шаг к объективному научному анализу.

На «переходном» подэтапе активизируется процесс исследования обозначенной проблемы отечественными историками. В частности, Б. И. Колоницким рассмотрен важный вопрос о восприятии Керенского-политика различными кругами интеллигенции в 1917 г. Автор полагал, что эта тема особенно важна для создания политического портрета, так как «...гораздо более интересным и важным видится мнение беспартийного большинства» [15, с. 98].

Особенно плодотворным в начале 1990-х гг. стал анализ проблемы «феномена Керенского», предпринятого рядом авторов. В частности, в статье А. Г. Голикова [16] сделана попытка проследить эволюцию данного феномена в марте – октябре 1917 г. и раскрыть характер восприятия этой личности массовым сознанием. В итоге он приходит к мысли о том, что феномен Керенского был одним из проявлений массового сознания того периода, а его образ был усердно создан, а затем и в определённой степени разрушен печатью того времени. Данный вопрос был в дальнейшем рассмотрен Б. И. Колоницким [17], определившим «феномен Керенского» как вполне адекватный массовым настроениям межреволюционного периода, так как именно такой политик-оратор был необходим в этот период. Также немаловажным являлся тот факт, что Керенский полностью идентифицировал себя с Февралём, ибо это была «его революция».

Немалый интерес вызывает статья Г.Н. Новикова [18]. Керенский показан как внимательный и тонкий наблюдатель советской действительности, трагической истории, приведшей ко Второй мировой войне и наступлению ядерной эпохи. Ценность работы состоит в том, что она выполнена на основе уникальных архивных источников: периодических изданий, хранящихся в Техасе – газет «Дни», «Новая Россия», рукописей Керенского, писем Н.Н. Берберовой, адресованных бывшему премьер-министру. Автор опровергает многие клише советских историков, отметив безвыходность его положения в условиях 1917 г. и объясняет это тем, что благодаря молодой энергии, уму, ораторским способностям, политической ловкости, вознесенный к верховной власти, он, словно затем и объявился временным хозяином Зимнего дворца, чтобы оказаться беспощадно выброшен-

ным за борт либо военной, либо большевистской диктатурой.

В 1993 г. в Чебоксарах опубликован сборник «Александр Керенский: любовь и ненависть революции» [19], в котором на основе принципа антинормии была предпринята попытка анализа деятельности Керенского и его оценок через воспоминания современников. В том же году опубликован сначала в журнальном варианте, а затем в виде отдельной книги важнейший мемуарный труд Керенского «Россия на историческом повороте» [20], его письма [21] и т.д.

С середины 1990-х гг. можно говорить о новейшем подэтапе в современной историографии. Его началом стало появление научного исследования Г. З. Иоффе, в котором высказывалась важная мысль о том, что «...Керенский был идеалист, романтик революции... Её ситуация нашла и востребовала его, он соответствовал ей и противоречивыми “несоединимыми” чертами своего характера, и своим особым местом в сложном конгломерате политических сил, в эти дни противостоящих власти» [22, с. 24–25].

В 1996 г. опубликована коллективная монография М. И. Басманова, Г. А. Герасименко и К. В. Гусева [23], в которой вскрывались причины поражения Керенского в октябре 1917 г. Авторы пришли к спорному, на наш взгляд, выводу о том, что, оказавшись на вершине власти, Керенский не смог установить сотрудничество ни с народом, ни с политическими партиями, чему помешали его звёздная болезнь и политическое ослепление. Нам представляется, что данный вывод являлся в известном смысле отголоском советских штампов.

В ряде работ этого периода, посвящённых рассмотрению вопросов, связанных с политической культурой 1917 г., характером и ролью революционного насилия, затрагивается и проблема «феномена Керенского» [24–26]. В целом, в данных работах интересен вывод о том, что Керенский, по видимому, «обладал способностью угадывать вектор эмоционального ожидания масс» [24, с. 61], он олицетворял революцию, персонифицировал её курс и был в известном смысле «живым символом Февраля» [26, с. 314].

Для новейшего этапа современной историографии характерно появление ряда учебников, в частности «Истории России IX – XXI века: от Рюрика до Путина», в котором в специальной статье С. М. Смагина на основе использования аксиологического принципа предпринята попытка правдивого воссоздания образа Керенского, его роли как политика, который «всегда верил в демократи-

ческое будущее России» [27, с. 450]. Это связано с тем, что в оценке А. Ф. Керенского и в особенности его исторических трудов не хватало множества важных штрихов, которые могли бы дополнить, а в чём-то даже по-новому осветить его противоречивый образ.

В частности, в статье Н.В. Четверткова [28], в целом не носящей новационного характера, высказывается предположение о том, что падение Керенского было вызвано «сшибкой» двух революционных потоков народного движения, соответственно в феврале и в октябре 1917 г., что имело свою логику и глубокий смысл, однако эта мысль в дальнейшем развита не была.

Следует отметить, что в 2004 г. вышел первый монографический труд о Керенском [29]. Следуя его дневниковым записям, вводя в повествование неизвестные документы начала XX в., фрагменты воспоминаний министров Временного правительства, известных писателей, музыкантов, В. Л. Стронгин создает яркий образ этого образованного человека, умного и честного адвоката, стремившегося сделать Россию демократической страной.

В 2000-е гг. происходит активизация изучения обозначенной темы. Появляется целый ряд работ, посвящённых биографии Керенского [30–32].

Особо следует выделить статью О. Аурова «Вокруг Февраля», в которой автор попытался проанализировать ряд мемуарных работ Керенского, где тот, по мнению О. Аурова, предложил собственную интерпретацию событий 1917 г. в России, основанную на том, что война оттянула наступление революции и не будь её, революция свершилась бы ещё в 1914–1915 гг. О. В. Ауров делает вывод, что либеральная общественность, не пожелавшая идти на компромисс с действующей властью, стала главным катализатором будущей революции, которая «много раньше, чем стать реальностью политической жизни, абсолютно и полностью победила в сознании оппозиции» [33, с. 199].

Исследованием, отдельным аспектом рассмотрения которого являлось теоретическое наследие А. Ф. Керенского, стала диссертация Е. Н. Ляпоровой [34]. Она поставила цель выявить и сравнить различные оценки большевистских преобразований в России в экономической и социальных сферах, сложившиеся у крупнейших теоретиков русского зарубежья. Что касается конкретно взглядов Керенского в 1920-х гг., автор пришла к выводу, что он отрицал вестернистскую направленность большевизма и считал его тупиковой ветвью развития человечества.

Работой, объединившей в себе существовавшие наработки по данной теме, можно считать труд

С. В. Тютюкина, в котором автор отмечает, что «...оценивая государственную деятельность Керенского, необходимо не забывать о том наследии, которое он как политик получил от предшествующих веков российской истории» [35, с. 20]. При этом провал в России демократии был вызван, конечно же, не деятельностью Керенского, а обществом в целом, которое было не готово к выходу из кризиса демократическими методами.

Таким образом, в новейшей историографии сделан значительный шаг в научном осмыслении обозначенной проблемы, предприняты попытки обобщения накопленного материала. Одновременно интенсифицировался процесс издания работ самого Керенского, что значительно усиливает возможности продолжения научного поиска. При этом особую роль в современной общественно-политической ситуации играет тот факт, что А. Ф. Керенский являлся, безусловно, политиком, отличительными чертами которого была маневренность, гибкость, толерантность, а сам он являлся своеобразной равнодействующей в переплетении политических сил и общественных процессов.

Литература

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Минск, 2002.
2. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.
3. Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.
4. Набоков В. Д. Временное правительство. М., 1991.
5. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк, 1956.
6. Станкевич В. Б. Воспоминания 1914 – 1919. Берлин, 1920.
7. Дан Ф.И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. Ч. 2. М., 2010.
8. Гиттиус З. Н. Синяя книга: Петербургский дневник. 1914 – 1918. Белград, 1929.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1969.
10. Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982.
11. Российский политический процесс XX – начала XXI в.: власть, партии, оппозиция / отв. ред. С. М. Смагина. Ростов н/Д., 2006.
12. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.
13. Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978.
14. Иоффе Г. З. Мистерия керенщины // Советская Россия. 1987. 4 марта.
15. Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3.
16. Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5.
17. Колоницкий Б. И. Загадка Керенского // Звезда. 1994. № 6.
18. Новиков Г.Н. Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1.
19. Александр Керенский: любовь и ненависть революции: сб. Чебоксары, 1993.
20. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.
21. «...Будущий артист императорских театров». Письма Александра Керенского родителям // Источник. 1994. № 3.
22. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
23. Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Фёдорович Керенский. Саратов, 1996.
24. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
25. Колоницкий Б.И. Культ А. Ф. Керенского: образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4.
26. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.
27. Смагина С. М. А. Ф. Керенский // История России IX – XXI века: от Рюрика до Путина. М., 2004.
28. Четвертков Н. В. Несколько штрихов к портрету А. Ф. Керенского // Отечественная история. 2001. № 6.
29. Стронгин В. Л. А. Керенский. Демократ во главе России. Владимир, 2010.
30. Канин В. Г. Керенский. Не может быть демократии без свобод и социальной справедливости. М., 2006.
31. Стронгин В. Л. Керенский. Загадка истории. М., 2004.
32. Федюк В. П. Керенский. М., 2009.
33. Ауров О. В. Вокруг Февраля... // Свободная мысль. 2007. № 2.
34. Ляпорова Е. Н. Образ советского государства в представлениях русской эмиграции в 20-е годы XX века на примере взглядов П.Н. Милукова, А.Ф. Керенского и И.В. Гессена: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2008.
35. Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012.

References

1. Denikin A. I. *Ocherki russkoi smuty* [Essays on Russian Troubles]. Minsk, 2002.
2. Shul'gin V. V. *Gody. Dni* [Years, Days]. 1920. Moscow, 1990.

3. Milyukov P. N. *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [History of the Second Russian Revolution]. Moscow, 2001.
4. Nabokov V. D. *Vremennoe pravitel'stvo* [Provisional Government]. Moscow, 1991.
5. Stepun F. A. *Byvshee i nesbyvsheesya* [Former and Unrealized]. Vol. 2. New York, 1956.
6. Stankevich V. B. *Vospominaniya 1914 – 1919* [Memories of 1914 - 1919]. Berlin, 1920.
7. Dan F.I., Tsereteli I. G. *Dva puti. Izbrannoe* [Two Directions. Selected]. Ch. 2. Moscow, 2010.
8. Gippius Z. N. *Sinyaya kniga: Peterburgskii dnevniki. 1914 – 1918* [Blue Book. Petersburgian Diary. 1914-1918]. Belgrad, 1929.
9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Set of Works]. Vol. 31. Moscow, 1969.
10. Startsev V. I. *Krakh kerenshchiny* [Crash of Kerensky Policy]. Leningrad, 1982.
11. *Rossiiskii politicheskii protsess XX – nachala XXI v.: vlast', partii, oppozitsiya* [Russian political process of XX - beginning of XXI century: power, parties, the opposition]. Ed. S. M. Smagina. Rostov-on-Don, 2006.
12. Startsev V. I. *Vnutrennyaya politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava* [Domestic policy of the Provisional Government of the First Composition]. Leningrad, 1980.
13. Startsev V. I. *Revolutsiya i vlast'. Petrogradskii Sovet i Vremennoe pravitel'stvo v marte – aprele 1917 g.* [Revolution and Power. The Petrograd Soviet (Council) and the Provisional Government in March - April 1917]. Moscow, 1978.
14. Ioffe G. Z. *Misteriya kerenshchiny* [Mystery of Kerensky Policy]. *Sovetskaya Rossiya*, 1987, March, 4.
15. Kolonitskii B. I. A. F. *Kerenskii i Merezkovskie v 1917 godu* [Kerensky and Merezkovskie in 1917]. *Literaturnoe obozrenie*, 1991, no 3.
16. Golikov A. G. *Fenomen Kerenskogo* [Phenomenon of Kerensky]. *Otechestvennaya istoriya*, 1992, no 5.
17. Kolonitskii B. I. *Zagadka Kerenskogo* [Enigma of Kerensky]. *Zvezda*, 1994, no 6.
18. Novikov G.N. *Ob arkhive A.F. Kerenskogo v Tekhase* [On Archives of Kerensky in Texas]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 1993, no 1.
19. *Aleksandr Kerenskii: lyubov' i nenavist' revolyutsii* [Alexander Kerensky: Love and Hatred of Revolution]. Cheboksary, 1993.
20. Kerenskii A. F. *Rossiya na istoricheskom povorote* [Russia at Historical Turning Point]. Moscow, 1993.
21. «...Budushchii artist imperatorskikh teatrov». Pis'ma Aleksandra Kerenskogo roditelyam [“...Future Actor of Emperor Theatres”. Letters of Kerensky to Parents]. *Istochnik*, 1994, no 3.
22. Ioffe G.Z. *Semnadtsati god: Lenin, Kerenskii, Kornilov* [Seventeenth Year: Lenin, Kerensky, Kornilov]. Moscow, 1995.
23. Basmanov M.I., Gerasimenko G.A., Gusev K.V. *Aleksandr Fedorovich Kerenskii* [Alexander Feodorovich Kerensky]. Saratov, 1996.
24. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, 1997.
25. Kolonitskii B.I. Kul't A. F. Kerenskogo: obrazy revolyutsionnoi vlasti [The Cult of Alexander Kerensky: Images of Revolutionary Power]. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no 4.
26. Kolonitskii B. I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 goda* [Symbols of Power and the Struggle for Power. To Studying the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. Saint Petersburg, 2001.
27. Smagina S. M. A. F. *Kerenskii. Istoriya Rossii IX – XXI veka: ot Ryurika do Putina* [Kerensky. History of Russia 9 - 21 centuries: from Rurik to Putin]. Moscow, 2004.
28. Chetvertkov N. V. *Neskol'ko shtrikhov k portretu A. F. Kerenskogo* [Several Touches to the Portrait of Kerensky]. *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no 6.
29. Strongin V. L. A. *Kerenskii. Demokrat vo glave Rossii* [Kerensky. Democrat as the Head of Russia]. Vladimir, 2010.
30. Kanin V. G. *Kerenskii. Ne mozhet byt' demokratii bez svobod i sotsial'noi spravedlivosti* [Kerensky. There can be no Democracy without Freedom and Social Justice]. Moscow, 2006.
31. Strongin V. L. *Kerenskii. Zagadka istorii* [Kerensky. Enigma of History]. Moscow, 2004.
32. Feduk V. P. *Kerenskii* [Kerensky]. Moscow, 2009.
33. Aurov O. V. *Vokrug Fevralya...* [Round the February]. *Svobodnaya mysl'*, 2007, no 2.
34. Lyaporova E. N. *Obraz sovetskogo gosudarstva v predstavleniyakh russkoi emigratsii v 20-e gody XX veka na primere vzglyadov P.N. Milyukova, A.F. Kerenskogo i I.V. Gessena: dis. ... kand. ist. nauk* [The Image of the Soviet State in the Views of Russian Emigration in 20th years of XX century, the Example of the Views of P.N. Milyukov, A.F. Kerensky and I.V. Hesse]. Rostov-on-Don, 2008.
35. Tyutyukin S.V. *Aleksandr Kerenskii. Stranitsy politicheskoi biografii (1905–1917 gg.)* [Alexander Kerensky. Pages of Political Biography (1905-1917)]. Moscow, 2012.

УДК 908

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-75-79

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА НА ДОНУ (НА ОСНОВЕ РАБОТЫ «СВЕДЕНИЯ О КАЗАЦКИХ ОБЩИНАХ НА ДОНУ. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА, СОБРАННЫЕ МИХАИЛОМ ХАРУЗИНЫМ»)

© 2015 г. М.В. Татарченко

Татарченко Марина Владимировна – старший преподаватель, кафедра государственно-правовых дисциплин, Ростовский филиал Российской академии правосудия, ул. Ленина, 66, г. Ростов-на-Дону, 344038. E-mail: rostf_rap@list.ru

Tatarchenko Marina Vladimirovna – Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Russian Academy of Justice, Rostov Branch, Lenin St., 66, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: rostf_rap@list.ru

Рассматривается изучение обычного права донского казачества в труде известного российского историка права М.Н. Харузина. Отмечается, что его исследование явилось первым научным трудом в данной области, написанным с позиций современного развития российской науки второй половины XIX в., в котором подчеркивается, что, несмотря на включение Области войска Донского в геополитическое пространство Российской империи в начале XVIII в., обычное право на Дону во второй половине XIX в. не только сохранилось, но и определяло в значительной степени повседневную жизнь казачества, защищало его личные, имущественные, семейно-нравственные права и привилегии, религиозные ценности, существовавший политический строй.

Ключевые слова: историко-правовая наука, обычное право, донское казачество, станица, казачья община.

The customary law of the Don Cossacks in the work of the famous Russian historian of law M. N. Kharuzin is considered. It should be pointed out that his study was the first piece of scholarly work in this area, which was written from the point of view of the contemporary development of the Russian science and scholarship of the second half of the XIX century. It is stressed in the work that despite the fact of the Province of the Don Cossack Host being included in the geopolitical domain of the Russian Empire in the early XVIII century the customary law in the Don region of the second half of the XIX century not only survived but also greatly governed the Cossacks' everyday life, protected their personal, material, household and ethic rights and privileges, religious values and the existing political regime.

Keywords: historical development, state and legal institutions, Don Cossaks, trial, legal institution, village.

4 июня 2015 г. исполнилось 155 лет со дня рождения известного русского этнографа и историка права Михаила Николаевича Харузина. После окончания юридического факультета Императорского Московского университета М.Н. Харузин, ученик проф. М.М. Ковалевского, в 1883 г. посетил Область войска Донского, где в Войсковом и станичных архивах собирал материалы по истории и этнографии донского казачества. Результатом большой и кропотливой работы явилась монография «Сведения о казацких общинах на Дону» [1]. Ученым советом Императорского Московского университета монография была засчитана автору как кандидатская диссертация.

Признание обычного права в качестве первоосновы юридического развития и самостоятельной формы права утвердилось в российской науке к середине XIX в. В 60–80-е гг. того же столетия появились первые монографические исследования, посвященные обычному праву [2–7].

В 70-х гг. XIX – начале XX в. исследовательская работа по данной проблематике значительно активизировалась, так как к ней подключились извест-

ные в науке представители теоретико-правовой мысли, труды которых имели фундаментальное значение для формирования теории обычного права в российском правоведении.

Изучение обычного права требовало разработки способов и теории их исследования. Наибольшее признание получил историко-сравнительный метод, одним из основоположников и последовательным сторонником которого являлся М.М. Ковалевский. Основной задачей историко-сравнительного метода он считал выделение в особые категории сходных явлений, вызванных одинаковыми условиями, что дает тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития и их внешнего выражения – права. Для изучения истории права М.М. Ковалевский разработал особые методологические приемы, одновременное использование которых давало, по его мнению, всесторонне полное и объективное изучение предмета исследования.

Согласно М.М. Ковалевскому, историко-правовой метод при изучении юридических явлений был «призван не к обогащению истории права новым материалом, а к объяснению факта проис-

хождения тех или других явлений юридического быта» [8], т. е. прежде всего предназначался для определения государственно-правовой природы указанных явлений, опираясь на известную фактическую базу, наработанную ранее историками различных поколений.

Под влиянием трудов М.М. Ковалевского [8], Ф.И. Леонтовича [3], Г.Ф. Пухты [6] и других ученых началось исследование обычного права донского казачества в российской и донской историко-правовой науке.

«Сведения о казацких общинах на Дону» М. Харузина – первая специальная монография, посвященная государственно-правовым институтам донского казачества с древнего времени почти до конца XIX в. Предполагалось издать два выпуска: собственно материалы и второй – решения станичных судов. К сожалению, в свет вышел только первый выпуск, но и он сразу же стал выдающимся событием российской исторической и правовой мысли.

М.Н. Харузин, основываясь на трудах российских ученых П.А. Соколовского, А.И. Васильчикова, А.Н. Попова, поддерживал миграционную концепцию происхождения донского казачества, а также, используя работы донских историков В.Д. Сухорукова, Н.И. Краснова, С.Ф. Номикосова, многочисленные публикации Областного войска Донского статистического комитета, кратко изложил его историю до 1881 г. включительно.

Сочинение, как считал сам автор, не претендует на полное и всеобъемлющее исследование обычного права донских казаков, он изучил отдельные стороны их быта. К таковым М.Н. Харузин относил поземельные и семейные отношения, способы приобретения собственности, хозяйственное устройство, государственно-правовые институты – войсковые и станичные круги, казацкие суды, старинные и современные наказания по казацкому и современному имперскому праву, а также совместные работы, общественные пиры и забавы.

Главными, с чего начал М.Н. Харузин изучение обычного права донских казаков, являлись поземельные отношения. Они определялись характером хозяйственной жизни. На начальном этапе они были пастушескими (господствовало скотоводство), вольная заимка и пользование сенокосными угодьями регулировались войсковым правом, а скошенная трава и уложенные стога сена – еще и международными обычаями. Согласно договоренностям казаков с калмыками, татарами, азовцами, крымцами, запорожскими черкасами, которые разоряли и грабили станицы, они не трогали скошенное и оставленное в степи сено. Также поступали и каза-

ки. Но были случаи, когда соглашения не соблюдались обеими сторонами [1, с. 2–3].

Со становлением земледелия происходит столкновение принципов общинной и частной собственности, изменяется и порядок вольной заимки. Устанавливаются границы земельных владений станиц и хуторов, а также отдельных лиц, которые оформлялись разводными и заимными грамотами. До 1835 г., по мнению М.Н. Харузина, не существовало на Дону частной наследственной земельной собственности. Обработывавшаяся земля передавалась от отца к сыну и далее на основании семейного владения. Имперское законодательство, Положение об управлении Войском Донским 1835 г., оформившее дворянскую частную собственность, войсковые и станичные владения, вводило многочисленные ограничения на право частной земельной собственности. Они просуществовали до 1868 г. [1, с. 3–7].

Автор подробно рассмотрел эволюцию юртовых довольствий станиц и хуторов, отметив, что способы «довольствия», определялись географическими и природными условиями, составом и численностью населения, соотношением пахотных, сенокосных и запасных земель, наличием и количеством скота и инвентаря у казаков и т.д. Развитие земледелия привело к тому, что старинный казацкий и первобытный способ вольного пользования землей заменялся уравнильным принципом. Но он встречал резкое сопротивление со стороны богатых казаков и ревнителей казацкой старины [1, с. 9–13, 18–19].

Регулирование противоречий происходило «домашними средствами», станичными приговорами определялся порядок передела и пользования пахотными землями. Неиспользованные земли в течение одного года (лежащие в загоне), могли быть захвачены любым казаком, после трехлетнего пользования землей она обращалась в общественное владение и подлежала новому перераспределению, уравнильный раздел пахотной земли осуществлялся по паям на каждую мужскую и женскую душу выборными стариками, причем расстояние осуществлялось «на глазок», «с кургана на курган», «веревкой» наемными землемерами и т.д. Соответственно разделялись сенокосные, «улежные» (луговые), травяные пай, станичные и войсковые запасные земли. Казацье землевладение и землепользование, подчеркивал М.Н. Харузин, породило многочисленные правила и приемы, опиравшиеся на казацкие обыкновения, а также особую терминологию, обозначавшую в различных станицах всевозможные виды земель, время и технику их обработки, выгона скота на пастбища, проведения сенокосов, водопоев и т.д. [1, с. 19–50, 65–69].

Следует сказать, что это положение относилось и к пользованию лесами, бахчами, дикими садами и рыбными ловлями [1, с. 59–62].

Основу жизнедеятельности казачьей общины, считал М.Н. Харузин, составляла семья. Пройдя сложный исторический путь, казачья семья к концу XVIII в. изжила обычно-правовые нормы венчания и развода на майдане, наложничество, многоженство, они заменились принятыми в Российской империи правилами венчания в храмах. В течение столетий казачья семья выработала и закрепила в обычном праве систему родства, свойства, усыновления и кумовства, побратимства, односумства, понятия и обозначения родства, правила воспитания детей. Это, по мнению М.Н. Харузина, позволяло предохранять ее от инородческого влияния и кровосмешения, способствовало сохранению физического и нравственного здоровья казаков. В то же время стародавние обычаи, подчеркивал автор, постепенно теряли свою силу, но чаще всего патриархальные отношения доказывали свою жизнеспособность во время службы, тревог и битв. «Большие казачьи семьи», насчитывавшие 30–40 человек, становились редкими. Со смертью отца взрослые дети старались выделиться в самостоятельную семью и завести свое хозяйство [1, с. 71–95, 218–219].

Очень подробно М.Н. Харузин рассмотрел имущественные отношения, способы приобретения собственности путем наследства, завладения, находки, дарения, мены, купли-продажи. На раннем этапе истории казачества вольная заимка (завладение, захват) была обычным явлением, выставленные знаки – ветки, камни, пучки травы, пни деревьев служили достаточным правовым основанием для закрепления участка земли в собственность. С ростом численности населения, развитием хозяйственной жизни захваты земель стали санкционироваться приговорами и решениями Войска и станиц, а позже – регулироваться войсковой администрацией и станичными обществами. Другие формы приобретения собственности – находки, клады, дарение, мены и купли-продажи также регулировались казачьими правилами, которые закреплялись словесно или в письменной форме.

Способами закрепления имущественных прав служили рубежи, межи и клейма, а охрана движимой и недвижимой собственности способствовала выделению из среды казачества лиц и формированию правил для ее исполнения [1, с. 256–272].

В изучении «старинного станичного казачьего порядка» М.Н. Харузин, по его словам, придерживался собственных собранных материалов на территории Области войска Донского, а также статьи

И.В. Тимошенко [9]. Автор рассмотрел историю становления станичного круга и института станичных атаманов и есаулов, указав, что они теснейшим образом связаны с военно-промысловой и международной деятельностью казачества, описал процедуру избрания станичных атаманов и есаулов, вопросы, рассматривавшиеся на круге, государственно-правовой и общественный статус последнего, права и обязанности должностных лиц, атрибуты власти. С течением времени, отмечал М.Н. Харузин, изменился этот порядок, станичный круг превратился в станичный сход, поменялось положение и компетенция должностных лиц. Станичные и поселковые атаманы, есаульцы (есаулы) теперь занимались рассмотрением общественных и семейно-бытовых нужд жителей поселений. Должностные лица избирались на три года преимущественно не всем станичным сходом, а выборщиками, по одному от десяти казаков. Частым явлением стали злоупотребления при выборах – подкуп и спаивание казаков и выборщиков, интриги, взятки, магарычи, драки, подделки решений и приговоров сходов [1, с. 283–297].

По свидетельствам М.Н. Харузина, сложнейшая эволюция произошла и с казачьим судом. В старинное время существовали суды «стариков» – третейские суды, суды станичного и Войскового круга. Последние рассматривали гражданские дела, а также уголовные с вынесением смертных приговоров. Процедура судопроизводства включала стороны ответчика, обвинения и защиты, была подробно разработана и процессуальная сторона – допросы ответчиков, свидетелей, выступления обвинителей, защитников, причем в процессе могли участвовать не только определенные для него лица, но и казаки, присутствовавшие на Круге. Вскоре из компетенции станичных кругов были изъяты и переданы на рассмотрение Войска политические и уголовные преступления, за которые полагалась смертная казнь, сюда же стали относиться земельные и хозяйственные споры между станицами («поиск общей правды»). Со второй половины XVIII в. многие гражданские и уголовные дела перешли в ведение сыскных (позже окружных) начальств. Положение об управлении Войском Донским 1835 г. кардинально сузило компетенцию станичных кругов, а Положение об управлении Войском Донским 1870 г. совершенно отняло у станичного схода старинное право суда, оставив сходу только решение семейно-бытовых вопросов и хозяйственных дел на сумму не более 100 руб. [1, с. 297–301].

Помимо Войскового и станичных судов, отмечал М.Н. Харузин, существовали неофициальные многочисленные виды народных судов, прежде

всего самосуд. Он имел столько наказаний, отличавшихся необыкновенной суровостью, что воры заявляли: «Сибирь.. Сибирь не страшна – ведь и там люди живут; не страшна и тюрьма... страшна народная расправа...» [1, с. 303].

К неофициальным судам М.Н. Харузин относил суд общины, суд поселкового атамана и стариков, суд станичного атамана, третейский суд, суды «специальные» – смешанные, станичный суд. В их компетенцию входили преимущественно хозяйственные и семейно-бытовые вопросы, а также мелкое воровство. М.Н. Харузин подробно описал состав и численность судов, поводы к началу судебного разбирательства, процессуальные стороны судопроизводства, постоянно подчеркивая, что они осуществлялись на основе обычного права, по решениям и приговорам общества.

Особенно интересна с его точки зрения процессуальная деятельность неофициальных судов – собиранье судебных доказательств, получение и использование признания в качестве доказательства, допросы заявителей, свидетелей, ответчиков и их значение в процессе, а также роль экспертизы и улики, письменных документов, проведения обысков, осмотров места происшествия и т.д. При рассмотрении дел, принятии решений и вынесении приговоров часто использовались символические действия – клятва на ружье (целование дула заряженного ружья), целование иконы и св. креста, чтение молитвы, принесение клятвы, присяга на Библии, обход с иконой меж и границ юртов («общая правда»), окропление святой водой межевых знаков, использование народных хитростей, суеверий, ворожбы, учитывались давность земская и исковая. К концу XIX в. общий характер процесса станичных судов, по мнению М.Н. Харузина, стал сходен с процессом в волостных судах остальной России [1, с. 301–334].

Не только суд, но и система наказаний изменилась кардинальным образом. Раньше, писал М.Н. Харузин, суд всецело находился в казацких руках, станичный Круг чинил расправу, постановленное решение тотчас приводилось в исполнение. За тяжкие преступления против казачества налагалось наказание – «в куль, да в воду». После того как сложилось Всевеликое войско Донское, казни совершались лишь в Главном Войске – в Черкасске.

Тяжесть преступления против Войска и общества, подчеркивал М.Н. Харузин, определяла и виды наказаний – смертная казнь, наказание плетью, лишение гражданства, начисление войсковой пени (штрафа) в пользу Войска или станицы, телесные наказания, безочередная служба, общественные работы, лишение свободы (содержание в тюрьме

или холодном подполье), заключение в колодки «большие или малые», «обдиранье виноватого» – распродажа имущества или одежды виновного в счет погашения иска и судебных издержек, церковное покаяние, посрамление, «посаждение на хлеб и воду» и т.д. Каждый вид наказания имел многочисленные внутренние градации исполнения, которые обуславливались тяжестью и составом преступления или проступка, личностью подсудимого, отношением к нему станичного или войскового общества, обстоятельствами и временем исполнения приговоров и решений, другими причинами.

Смертная казнь осуществлялась публично и множеством способов – «в куль, да в воду», подвешивание за ребра на якорю и утопление, повешение за голову или ноги, забрасывание камнями, забивание плетью и палками, расстрел из луков и ружей, отрубание головы и т.д. Наиболее жестокой была смертная казнь предателей, которые «бегали в Азов и обасурманились», казаков «за межушное воровство» и «некрепкую службу». С включением Войска Донского в состав Российской империи смертная казнь «по Войсковому обычаю», а также другие виды наказаний заменялись наказаниями по имперскому праву или вовсе отменялись [1, с. 356–366].

Наиболее ярко народные обычаи проявлялись, по мнению М.Н. Харузина, в совместной военной и трудовой деятельности – артелях, военных поисках, рыболовных ватагах, шайках лесных и степных охотников, валках в путешествиях казаков за солью на Манычские озера, полковых артелях, полевых работах. Казачий дуван (равный на всех дележ добычи) имел свои правила, которые неукоснительно исполнялись всеми членами сообществ. На период коллективной работы сообщества избирался атаман, обладавший исключительными правами, отношения между членами сообщества строились на основе братства и взаимопомощи. В действительности обычное право пронизывало и определяло все стороны жизни казачества, спорные вопросы или незначительные уголовные дела казаки стремились решать «по старине» [1, с. 366–375].

Излагая обычное право донских казаков, М.Н. Харузин обратил внимание на то, что внутри Войска Донского (в различных городках и станицах) не только «в старину», но и во второй половине XIX в. имелись существенные различия в применении права. Следы «казачьего присуда» – самостоятельного обычного права отдельных станиц сохранились. Фактически он признавал, что непосредственное народное правосознание принимало форму обычаев отдельных местностей или сословий как органических частей народа. Но эти

«частные» обычаи все более нивелировались под воздействием войскового и имперского права.

Следует обратить внимание на то, что материалы для обычного права донского казачества, предложенные М.Н. Харузиным, не исследовались в теоретическом аспекте. Обычное право характеризовалось автором как данное, имманентно присущее казачеству. В стороне остались вопросы, как и когда возникло «старинное казацкое право», какую роль оно играло в формировании самобытных государственно-правовых институтов. Способы выражения норм обычного права не разделены и не выделены в отдельные группы, они рассматривались через призму реализации обычаев и правил, через анализ условий договоров, их исполнения. В то же время представленные материалы для обычного права выстроены автором в исторической последовательности таким образом, что дают представление о том, как обыкновения и обычаи предшествовали закону, как в результате общественного отбора стали носить всеобщий и непреложный характер, как они служили основанием для имперского права, интегрировались в него.

Ученый показал, что обычное право защищало не только личные, имущественные, семейно-нравственные права и привилегии казаков, религиозные ценности, но и политический строй, сложившийся на Дону в XVI –XVII вв., с историческими изменениями существовавший до конца XIX столетия. Согласно суждениям М.Н. Харузина, обычное право являлось самостоятельным правом для целого служилого сословия, причем в зависимости от отдельных местностей, географического разделения казачества на «низовых» и «верховых», существовали многочисленные местные обычаи, которые при определенных обстоятельствах первенствовали перед войсковым и имперским законом.

Литература

1. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. Вып. 1. Типография М.П. Щепкина. Средняя Кисловка. Дом Волковых. М., 1885.
2. Кистяковский А.Ф. Собрание и разработки материалов обычного права. Киев, 1876.
3. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса, 1882.
4. Оршанский И.Г. Народный суд и обычное право. СПб., 1879.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Переизд. СПб., 2000.
6. Пухта Г.Ф. Обычное право // Энциклопедия права Г.Ф. Пухты / пер. с нем. Линденбрата; под ред. Г.Л. Карасевича. Ярославль, 1872. С. 27–42.
7. Сергеевич В.И. История русского права. СПб., 1874.
8. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права // Российский журнал сравнительного права. 2002. № 2. С. 165–178.
9. Тимошенко И.В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // ТОВДСК. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 139–181.

References

1. Kharuzin M.N. *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu. Materialy dlya obychnogo prava, sobrannye Mikhailom Kharuzinym* [Details on Don Cossack Communities. Materials on Customary Law, Collected by Michael Kharuzin]. Issue 1. Tipografiya M.P. Shepkina. Srednyaya Kislovka. Dom Volkovykh [Schepkin printing office. Srednyaya Kislovka. The Volkov House]. Moscow, 1885.
2. Kistyakovskii A.F. *Sobranie i razrabotki materialov obychnogo prava* [Collection and Developments of the Materials of Customary Law]. Kiev, 1876.
3. Leontovich F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Caucasian Highlanders' Adat: Materials on the Customary Law of the Northern and Eastern Caucasus]. No 1. Odessa, 1882.
4. Orshanskii I.G. *Narodnyi sud i obychnoe pravo* [Public Court and Customary Law]. Saint Petersburg, 1879.
5. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. Reprinted. Saint Petersburg, 2000.
6. Pukhta G.F. *Obychnoe pravo* [Customary Law]. *Law Encyclopaedia by G. F. Puchta*. Translated from German by Lindenbraten. Ed. G.L. Karasevich. Yaroslavl, 1872, pp. 27-42.
7. Sergeevich V.I. *Istoriya russkogo prava* [History of Russian Law]. Saint Petersburg, 1874.
8. Kovalevskii M.M. *Istoriko-sravnitel'nyi metod v yurisprudentsii i priemy izucheniya istorii prava* [Historical and Comparative Method in Law and Methods of Studying the History of Law]. *Rossiiskii zhurnal sravnitel'nogo prava*, 2002, no 2, pp. 165-178.
9. Timoshchenkov I.V. *Obshchestvennyi byt i narodnye obychai Kazanskoi stanitsy* [Social Life and Folk Customs of the Village of Kazan]. *TOVDSK*, No 2, Novocherkassk, 1874, pp. 139-181.

ЭКОНОМИКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 338.48-53

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-80-83

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМА И РЕКРЕАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

© 2015 г. М.К. Беданок, Г.С. Измайлова, И.А. Шаева

*Беданок Мурат Капланович –
доктор экономических наук, профессор,
Майкопский государственный
технологический университет,
ул. Первомайская, 191, г. Майкоп,
Республика Адыгея, 385000.
E-mail: bedan64@mail.ru*

*Bedanokov Murat Kaplanovich –
Doctor of Economics, Professor,
Maikop State
Technological University,
Pervomayskaya St., 191, Maikop,
Republic Adygea, 385000, Russia.
E-mail: bedan64@mail.ru*

*Измайлова Галина Сергеевна –
кандидат экономических наук, доцент,
Майкопский государственный
технологический университет,
ул. Первомайская, 191, г. Майкоп,
Республика Адыгея, 385000.
E-mail: galyaizm@mail.ru*

*Izmailova Galina Sergeevna –
Candidate of Economical Science, Associate Professor,
Maikop State
Technological University,
Pervomayskaya St., 191, Maikop,
Republic Adygea, 385000, Russia.
E-mail: galyaizm@mail.ru*

*Шаева Ирина Аминовна –
аспирант,
Майкопский государственный
технологический университет,
ул. Первомайская, 191, г. Майкоп,
Республика Адыгея, 385000.
E-mail: rina.sh.88@mail.ru*

*Shaeva Irina Aminovna –
Postgraduate Student,
Maikop State
Technological University,
Pervomayskaya St., 191, Maikop,
Republic Adygea, 385000, Russia.
E-mail: rina.sh.88@mail.ru*

Представлен основной вектор развития туристско-рекреационного комплекса в качестве приоритетного в экономике Республики Адыгея, определено место и роль инклюзивного туризма. Проведена оценка архитектурной доступности туристско-рекреационного комплекса республики для лиц с ограниченными возможностями здоровья, а именно доступности предприятий гостиничной сферы. Выявлены проблемы и определены дальнейшие направления по формированию безбарьерной туристско-рекреационной среды в регионе в рамках федеральной целевой программы.

Ключевые слова: туристско-рекреационный комплекс, доступный туризм, инклюзивный туризм, безбарьерная среда, архитектурная доступность, доступная среда, инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья.

The authors consider the main vector of tourist-recreational complex (TRC) development as a priority in the economy of the Republic of Adygeya; the place and role of inclusive tourism is determined. The evaluation of the architectural accessibility of the Republic tourist and recreational complex for people with disabilities, namely the availability of hotel industry enterprises has been made. The problems have been identified and future directions for the formation of a barrier-free tourist and recreational environment in the region in the framework of the federal target program have been defined.

Keywords: tourism and recreation complex, accessible tourism, inclusive tourism, tourism for all, barrier-free environment, architectural accessibility, accessible environment, persons with disabilities.

Развитие туристского рекреационного комплекса в регионе с учетом использования природного потенциала выступает на сегодняшний день приоритетным направлением оживления экономической активности, способным осуществить эффективное включение Адыгеи в территориальное

разделение труда и решение внутрирегиональных проблем, обеспечивающих последовательное продвижение в социальной сфере.

Определение вектора развития туристско-рекреационного комплекса в качестве приоритетного в экономике в соответствии с принятой экономи-

ческой стратегией развития Республики имеет решающее воздействие на расширение экономических возможностей региональных предприятий.

В Адыгее при сохранении положительной динамики основных показателей, характеризующих

состояние туристской отрасли, в 2014 г. отмечается замедление роста турпотока (табл. 1), что вызвано нестабильной экономической ситуацией в турбизнесе страны. Часть туристов отдали предпочтение курортам Крыма и Сочи.

Таблица 1

Оценка объёма туристского потока в Республику Адыгея 2012–2014 гг., чел. [1]

Показатель	2012	2013	Тр, % 13/12	2014	Тр, % 14/13
1. Количество коллективных средств размещения (КСР) / номеров/мест, всего, ед.	5076	5584	110,01	6031	108,00
2. Средний коэффициент загрузки КСР по региону (К), %	64	75	117,19	84	112,00
3. Число туристов, размещённых в КСР, всего	41077	42720	103,99	42800	100,19
4. Число туристов, размещённых не в КСР, всего	245293	282087	115,00	291040	103,17
5. Коэффициент досчёта Q (частное от деления строки 4 на строку 3)	5,99	6,6	110,18	6,8	103,03
6. Общий объём туристского потока в регионе (в год обследования – сумма строк 3 и 4; в годы между обследованиями – сумма строки 3 и произведения строки 3 на строку 5), всего	287128	324672	113,08	333840	102,83

Данные анализа подтверждают увеличение объёмов туристского потока за анализируемый период. В 2014 г. он составил 333 тыс. туристов и экскурсантов, что на 2,83 % больше предыдущего года. При этом более 100 тыс. отдыхали в зимний период, так как в это время привлекает горнолыжный туризм.

Анализ туристского рынка по географическому критерию показал, что основным сегментом выступают туристы и экскурсанты из Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской области. Отмечается увеличение числа туристов из других регионов России.

Сложная экономическая ситуация, сложившаяся в 2014–2015 гг. на российском туристическом рынке, отразилась и на туристско-рекреационном комплексе региона. Однако республике удалось не только удержать туристический поток, но и достичь небольшого роста – суммарный объём оказанных в туристическом секторе услуг возрос на 4 %, составив в денежном выражении 317,4 млн р.

Приоритетными задачами государственной политики республики в сфере туризма выступают развитие внутреннего и въездного туризма. Планируется в 2015 г. за счет внутреннего туризма увеличить объём туристского потока на 8–10 %.

Расположение Республики Адыгея в непосредственной близости от Красной Поляны как объекта Олимпиады-2014 (г. Сочи) способствует развитию туризма и гостиничного дела.

Одним из направлений развития туризма в регионе выступает доступный туризм. Его концепция

предусматривает возможность путешествовать по миру всем потенциальным туристам, независимо от их индивидуальных потребностей, возраста, ограничения физических возможностей здоровья [2].

Доступный туризм (accessible Tourism), или, как его часто называют, туризм для всех (tourism for all) – один из самых динамично развивающихся сегментов туристского рынка [3].

Инклюзивный туризм (фр. *inclusif* – включающий в себя, лат. *include* – заключаю, включаю) подразумевает доступность для всех в плане приспособления инфраструктуры туристических центров и объектов туристского показа к различным нуждам всех людей, в том числе инвалидов, пожилых, их опекунов и членов семей, людей с временно ограниченными возможностями, семей с маленькими детьми [2].

Исходя из этого, одним из самых приоритетных направлений работы Комитета по туризму и курортам Республики Адыгея сегодня должно стать обеспечение доступности туристских и рекреационных объектов для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Потребности в использовании туристско-рекреационных объектов Республики Адыгея такими людьми различны, зависят от нозологий.

В Адыгее, при общем населении региона 450 тыс. человек, проживают 36356 человек с ОВЗ – это каждый 12-й житель республики. Из них около 1,4 тыс. (1377) – дети-инвалиды, 1,1 тыс. – инвалиды войны и инвалиды вследствие военной травмы, более 1,2 тыс. – инвалиды по зрению и

0,5 тыс. – инвалиды с полной утерей слуха [4]. Статистика также свидетельствует, что инвалидов I и II групп, перемещающихся на креслах-колясках, в республике более 2,7 тыс. человек. [1].

Основная проблема возникает для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата. По данным статистики, по г. Майкопу на 01.01.2015 г. зарегистрировано более 680 инвалидов-колясочников. Данный сегмент наиболее незащищен, так как в рамках реализации республиканской Программы «Доступная среда» [5] основные мероприятия по формированию доступной архитектуры на 2014–2015 гг. направлены на реконструкцию зданий объектов культуры и первой необходимости.

В 2015 г. на реализацию мероприятий «Доступная среда» в Адыгее планируется направить 88 млн 603 тыс. р. Это на 35,2 % больше, чем в 2014 г.

Если рассматривать данный сегмент как сектор туристической отрасли республики, то в течение 2013–2015 гг. наблюдается рост спроса на доступный туризм. Однако туристская инфраструктура Адыгеи не рассчитана на обслуживание людей с ОВЗ. Не решен вопрос формирования организационного, финансового и контрольного механизмов, обеспечивающих создание безбарьерной среды. В настоящее время одним из механизмов общественного контроля выступает организация движения «Народный Фронт» в Республике (табл. 2).

Таблица 2

Оценка доступности туристско-рекреационных предприятий по Республике Адыгея для людей с ОВЗ (по данным собственного исследования) [1]

Показатель	2012	2013	Тр,% 13/12	2014	Тр,% 14/13
1. Число гостиничных предприятий	26	26	100,00	27	103,85
их единовременная вместимость, койко-мест	951	866	91,06	1165	134,6
2. Число гостиничных предприятий с учетом архитектурной доступности (частичной) для лиц с ОВЗ	-	-	-	12	-
3. Численность лиц, размещенных в гостиничных предприятиях, всего	52373	27007	51,57	33759	125,00
в том числе граждан России	50787	25129	49,48	28174	112,12
из них детей	1313	1252	95,35		
Иностранцев граждан стран СНГ	797	574	72,02	792	137,98
Стран вне СНГ	789	1304	165,27	1864	142,94
4. Численность лиц с ОВЗ, размещенных в гостиничных предприятиях, всего	-	-	-	4051	-
5. Число санаторно-курортных организаций и организаций отдыха	15	17	113,30	17	100
в них коек (мест) в месяц максимального развертывания	2292	2495	108,86	2745	110,02
6. Организации отдыха	6	6	100,00	6	100,00
в них коек (мест) в месяц максимального развертывания	683	708	103,66	779	110,03
7. Численность лиц, размещенных в санаторно-курортных организациях и организациях отдыха, всего, чел.	28764	51050	177,78	78617	154,00
в том числе в санаторно-курортных организациях	8096	8126	100,37	8614	106,01
в организациях отдыха	4736	11866	250,54	23139	195,00
на туристских базах	15932	31058	194,94	46864	150,89

Данные табл. 2 показывают, что из 27 гостиничных предприятий Республики Адыгея 12 оборудованы под нужды инвалидов и лиц с ОВЗ. Однако данные гостиничные предприятия лишь частично содержат необходимую архитектурную доступность и рассчитаны в основном на слабовидящих, слабослышащих или людей с незначительными ограничениями. Что касается инвалидов-колясочников, то ни одна гостиница в Республике не оборудована под нужды данного сегмента. Таким образом, в Адыгее в неполной мере созданы условия доступности объек-

тов туристско-рекреационной инфраструктуры для людей с ОВЗ. Это лишает граждан возможности получать качественные туристско-экскурсионные и гостиничные услуги.

Общественный транспорт также не приспособлен для перевозки людей с ОВЗ. Для колясочников доступны не все остановки. В республике закуплено и функционирует в настоящее время 3 специализированных троллейбуса для инвалидов-колясочников. Однако более целесообразно приобретение специализированных автобусов. Вынуж-

денная изоляция осложняет проведение медицинской, социальной и психологической реабилитации. Решением проблемы низкой мобильности людей с ОВЗ стало создание службы «социального такси».

Норма ст. 15 Закона РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» при организации городской инфраструктуры Майкопа устанавливает обязанность государственных, муниципальных органов и организаций независимо от форм собственности создавать условия людям с ОВЗ для беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры, пользования всеми видами пассажирского транспорта, средствами связи и информации.

В России принята Федеральная целевая программа «Доступная среда» на 2011–2015 годы. На ее основании разработана программа Республики Адыгея «Доступная среда» на 2013–2015 гг. [4]. Она предусматривает устройство пандусов в ряде учреждений: Государственная филармония Республики Адыгея, Государственный академический ансамбль народного танца Адыгеи «Нальмэс», Национальный музей Республики Адыгея, ряда медицинских учреждений. Данные интервьюирования людей с ОВЗ отразили, что указанный список требует значительного расширения.

Совместно с «Народным Фронтом» РА, Союзом инвалидов-колясочников проведен мониторинг доступности спортивных объектов г. Майкопа, а именно физкультурно-оздоровительного комплекса, имеющий несомненную значимость для развития физкультуры и спорта в регионе.

При оценке архитектурной доступности гостиниц были выявлены проблемы как общего, так и частного характера. Так, многие гостиницы построены во времена, когда государство всерьез не рассматривало эту тему и не все возможно реконструировать, как того требует ст. 15 Закона РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Не приспособлен для инвалидов железнодорожный вокзал Майкопа.

Тротуары на территории населенных пунктов региона не обеспечивают возможности для передвижения лиц в креслах-колясках.

При строительстве новых зданий и сооружений гостиничного комплекса игнорируются требования закона, касающиеся создания условий доступной среды для людей с ОВЗ.

Развивать сферу доступного туризма в Республике Адыгея можно путем создания специализированных пилотных проектов-туров, которые впоследствии будут внедрены в деятельность большинства турфирм города. Формирование специа-

лизированного тура будет осуществляться на базе уже имеющихся доступных объектов инфраструктуры Республики для людей с ОВЗ.

Литература

1. Данные статистики / Социальная сфера. URL: <http://adg.gks.ru/> (дата обращения: 11.12.2014).
2. Россия без барьеров, или Перспективы развития туризма для инвалидов. URL: <http://ratanews.ru/news/news> (дата обращения: 11.12.2014).
3. Маньшина Н. Россия без барьеров: туризм, доступный для всех, или Туризм для инвалидов // Материалы 6-й Междунар. конф. по лечебно-оздоровительному и медицинскому туризму. Москва, 20 сентября 2010 г. URL: <http://www.slideshare.net/NadezhdaManshina/man-shina-tourism-for-all> (дата обращения: 11.12.2014).
4. Вердикт по итогам общественного расследования «Проблемы формирования условий “доступной среды” для людей с ограниченными возможностями в Адыгее». URL: <http://taktaktak.org/blog/verdict/2013/11> (дата обращения: 11.12.2014).
5. Государственная программа Республики Адыгея «Доступная среда» на 2014–2015 гг. от 11 ноября 2013 г. № 266 // Архитектура и строительство. 2014. № 4.

References

1. *Dannye statistiki. Sotsial'naya sfera* [Statistical Data, Social Sphere]. Available at: <http://adg.gks.ru/> (accessed 11.12.2014).
2. *Rossiya bez bar'erov, ili perspektivy razvitiya turizma dlya invalidov* [Russia without Barriers or Prospective of Tourism Development for Disabled People]. Available at: <http://ratanews.ru/news/news> (accessed 11.12.2014).
3. *Man'shina N. [Russia without Barriers: Tourism Available for Everybody or Tourism for Disabled People]. Materialy 6-i Mezhdunar. konf. po lechebno-ozdorovitel'nomu i meditsinskomu turizmu*. Moskva, 20 sentyabrya 2010. Available at: <http://www.slideshare.net/NadezhdaManshina/man-shina-tourism-for-all> (accessed 11.12.2014).
4. *Verdikt po itogam obshchestvennogo rassledovaniya «Problemy formirovaniya uslovii “dostupnoi sredy” dlya lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami v Adygee»* [The Verdict on the Results of a Public Inquiry "Problems of the Formation Conditions of Accessible Environment for People with Disabilities in Adygea"]. Available at: <http://taktaktak.org/blog/verdict/2013/11> (accessed 11.12.2014).
5. *Gosudarstvennaya programma Respubliki Adygeya "Dostupnaya sreda" na 2014–2015 gg.* [State Program of Republic of Adygeya "Accessible Environment" for 2014–2015]. 11 November 2013. № 266. *Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2014, no 4.

УДК 159.9.072.592

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-84-87

БАЛАНС МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ И НЕДОВЕРИЕМ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ У СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

© 2015 г. В.А. Дорофеев, И.В. Троянов, Д.Г. Солнышкин

Дорофеев Вадим Алексеевич – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии управления и юридической психологии, Южный федеральный университет, ул. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038. E-mail: ya.fagot2011@yandex.ru

Dorofeev Vadim Alexeevich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Psychology of Management and Legal Psychology Department, Southern Federal University, Nagibina St., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: ya.fagot2011@yandex.ru

Троянов Иван Витальевич – студент, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, ул. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038. E-mail: mclinger@mail.ru

Troyanov Ivan Vitalyevich – Student, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, Nagibina St., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: mclinger@mail.ru

Солнышкин Дмитрий Геннадьевич – студент, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, ул. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038. E-mail: solnyshkin@hotmail.com

Solnyshkin Dmitry Gennadyevich – Student, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, Nagibina St., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: solnyshkin@hotmail.com

Рассмотрены теоретико-эмпирические аспекты баланса между доверием и недоверием к экономической политике в условиях экономической нестабильности. На выборке из студенческой молодежи эмпирически установлено, что ухудшение экономической ситуации и особенно повышение цен на потребительском рынке приводит к значительному возрастанию числа респондентов, имеющих между доверием и недоверием к экономической политике соотношение 1:1. С психологической точки зрения этот факт рассматривается как признак высокой вероятности возникновения явления инверсии, что может проявиться в мгновенном и непредсказуемом переключении либо в сторону абсолютизации доверия, либо в сторону абсолютизации недоверия.

Ключевые слова: экономическая политика, доверие, амбивалентность, баланс, инверсия.

In article the theoretical and empirical aspects of balance between trust and mistrust to economic policy in the conditions of economic instability are considered. According to the survey among the students it was proved empirically that the deterioration of the economic situation and especially an increase in consumer market leads to considerable increase of number of the respondents having the ratio between trust and mistrust to economic policy 1:1 option. From the psychological point of view, this fact is considered as a sign of high probability of emergence of the phenomenon of inversion that can be shown in instant and unpredictable switching either towards absolutization of trust, or towards mistrust absolutization.

Keywords: economic policy, trust, ambivalence, balance, inversion.

С переходом России к рыночной экономике в начале 90-х гг. возросло внимание экономистов [1, 2] и психологов [3] к изучению роли доверия в экономическом развитии современного российского общества. Особое место в функционировании экономической системы принадлежит экономической политике государства. Ее прикладными целями выступают экономический рост, полная занятость, стабильность уровня цен и устойчивость национальной валюты. Достижение этих целей напрямую связано с экономическими интересами и

поведением отдельных индивидов (покупателей, частных предпринимателей, налогоплательщиков, наёмных работников, госслужащих и т.д.), а также их доверием к ней самой. Реализовать цели вне контекста экономической активности населения невозможно. Мера доверия к экономической политике определяется сложным синтезом объективных и субъективных факторов. Учитывая, что дихотомический подход (либо доверие – либо недоверие) не позволяет изучить все многообразие социально-психологической реальности [4, 5], нами

было установлено, что в стабильной экономической ситуации соотношение между доверием и недоверием у студентов к экономической политике зависит от такого субъективного фактора, как наличие специальных экономических знаний [6].

Изучение соотношения между доверием и недоверием предполагает обращение к их соразмерности или балансу. Теоретически, во-первых, существует «оптимальный» баланс между доверием и недоверием к экономической политике, который во взаимодействии с другими объективными и субъективными факторами позволяет экономической системе эффективно функционировать, во-вторых, существует «негативный» баланс, который снижает эту эффективность. Определить на эмпирическом уровне количественные параметры «оптимального» баланса достаточно проблематично, так как для этого требуется, чтобы экономическая система как независимая переменная сама находилась в некоем «оптимальном» состоянии. Что касается «негативного» баланса, с нашей точки зрения, он имеет место тогда, когда у человека наблюдается абсолютная амбивалентность доверия к экономической политике – соотношение между доверием и недоверием 1:1. В основу такой точки зрения положены две психологические идеи: либо амбивалентность является признаком невроза [7], либо она повышает вероятность проявления инверсии, что может выражаться во внезапном, непредсказуемом переключении с одного варианта соотношения (абсолютное преобладание доверия) на другой (абсолютное преобладание недоверия). Наличие инверсии делает экономическое поведение индивидов непредсказуемым и мало прогнозируемым, что можно рассматривать в качестве одного из нежелательных факторов в долгосрочных экономических программах. За последний год экономическая ситуация в стране изменилась – повысилась инфляция и возросли потребительские цены на товары и услуги. Эта ситуация сделала возможным изучить влияние объективного фактора (экономическая ситуация на потребительском рынке) на соотношение между доверием и недоверием к экономической политике у студенческой молодежи, имеющей разный уровень специальных экономических знаний (субъективный фактор).

Гипотеза: в условиях негативных экономических изменений (объективный фактор) вне зависимости от уровня специальных экономических знаний (субъективный фактор) возрастает число студентов, обнаруживающих соотношение 1:1 между доверием и недоверием к экономической политике государства.

Организация исследования. Было проведено три диагностических замера в разных экономических условиях. Первый – март 2014 г. (экономическая ситуация стабильная). Второй – ноябрь 2014 г. (экономическая ситуация стала изменяться, но общий уровень потребительских цен на товары остался практически неизменным). Третий – февраль 2015 г. (поднялись потребительские цены на товары и услуги).

В исследовании приняли участие студенты 3–5 курсов. Первую выборку составили студенты, получающие экономическое образование (первый замер – 85 испытуемых; второй замер – 57 испытуемых, третий замер – 82 испытуемых). Вторую выборку составили студенты, получающие психологическое образование (67 испытуемых, 71 и 92 соответственно).

В качестве эмпирического метода исследования было использовано субъективное шкалирование. Его выбор был обусловлен тем, что в опросных методиках испытуемым предлагаются «готовые» оценочные критерии, что приводит к снижению «чувствительности» исследовательского метода к субъективности оценки. Испытуемым отдельно предлагались две униполярные шкалы с инструкцией оценить меру доверия (одна шкала) и меру недоверия (вторая шкала) к экономической политике государства. Количество градаций на шкале от 1 (минимум) до 8 (максимум). Показатель соотношения между доверием и недоверием рассчитывался по формуле:

$$\text{Соотношение} = \frac{D}{D + ND},$$

где D – показатель доверия; ND – показатель недоверия.

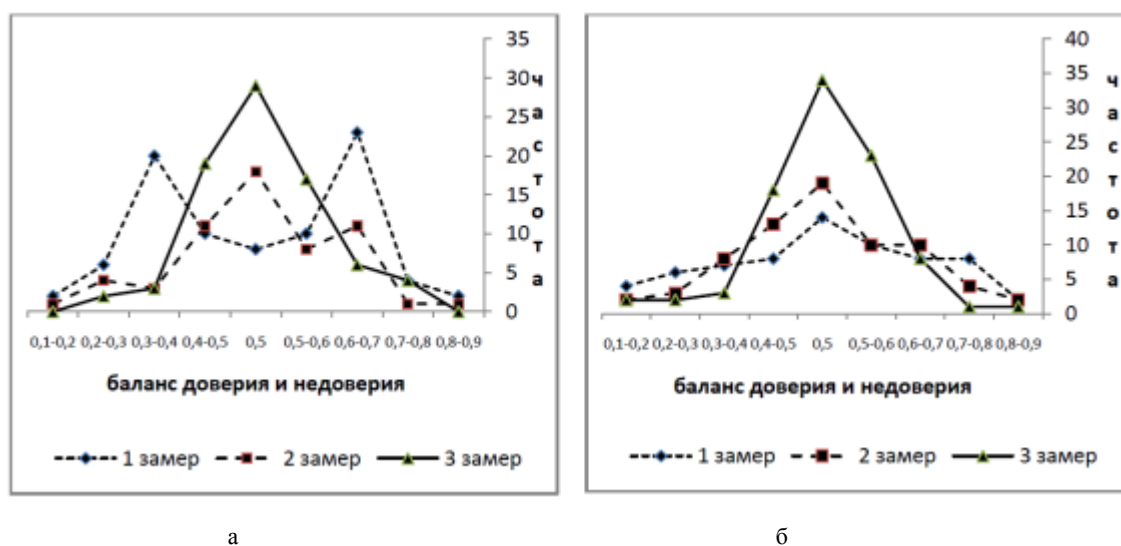
Чем выше D и ниже ND , тем больше показатели будут приближаться к 0,9. Чем ниже D и выше ND , тем больше показатели будут приближаться к 0,1. Так как значения, полученные по формуле, могут различаться на сотые, мы сгруппировали данные с интервалом в 0,1, особо выделяя значение 0,5 (отражает наличие абсолютной амбивалентности). Для статистической оценки характера эмпирического распределения использовали третий (асимметрия (As)) и четвертый (экссесс (Ex)) центральные моменты.

Результаты и их обсуждение. Полигоны накопленных эмпирических частот соотношения между доверием и недоверием в группах студенты-экономисты и студенты-психологи по трем замерам представлены на рисунке.

В первом замере (вариант а), когда экономическая ситуация в стране была стабильной, обнаруживаем двумодальное частотное распределе-

ние. Первая мода отражает выборку с преобладанием в соотношении доверия над недоверием (значение моды находится в пределах $[0,6-0,7]$), вторая мода отражает выборку с преобладанием недоверия над доверием (значение моды находится в пределах $[0,3-0,4]$). Так как понятие «доверие» часто определяют через риск и стремление к взаимодействию [8], а недоверие через стрем-

ление свернуть это взаимодействие [5], предлагаем следующую интерпретацию. Одна группа студентов (преобладает доверие) в своем экономическом поведении скорее не будет целиком «полагаться» на государство (характерно при абсолютизации доверия к ее экономической политике), а будет ориентирована на активное начало – одну из стратегических задач самой политики.

Частотные распределения баланса между доверием и недоверием к экономической политике по трем замерам у студентов-экономистов (вариант а) и студентов-психологов (вариант б)

Другая группа (преобладает недоверие), вероятно, будет обладать низкой экономической активностью и характеризоваться ориентированностью на минимальный риск, минимумом активности, приспособлением к ситуации. Во втором замере (экономическая ситуация ухудшается, но потребительские цены еще не возросли) в частотном распределении увеличивается число тех, кто имеет соотношение между доверием и недоверием 1:1, и выборка становится более однородной. В третьем замере (поднялись цены на товары и услуги) этот вариант соотношения становится преобладающим, а распределение – симметричным и островершинным (показатели асимметрии и эксцесса (в интервальных значениях, полученных по приведенной выше формуле): второй замер: $As = -0,627$; $Ex = -0,112$; третий замер: $As = +0,111$; $Ex = +0,609$). Таким образом, с ухудшением экономической ситуации среди студентов-экономистов наблюдается рост тех, кто имеет «негативный» баланс между доверием и недоверием к экономической политике. Следовательно, в рамках наших теоретических предположений возрастает вероятность инверсии в соотношении между доверием и недоверием к

экономической политике, т.е. мгновенном и непредсказуемом переключении с одного полюса баланса (абсолютизации доверия) на другой (абсолютизация недоверия) и наоборот.

В группе студентов-психологов (на рисунке вариант б) в частотном распределении в первом замере, когда экономическая ситуация в стране была стабильной, соотношение между доверием и недоверием 1:1, хотя и не незначительно, преобладает уже в первом замере. По мере снижения экономической стабильности в соотношении между доверием и недоверием наблюдаем ту же тенденцию, которую обнаружили у студентов-экономистов – возрастает симметрия и островершинность распределения (второй замер: $As = +0,023$; $Ex = -0,241$; третий замер: $As = +0,216$; $Ex = +1,333$). Этот факт позволил нам сделать общий вывод, что в ситуации перехода от стабильности к нестабильности в экономической ситуации студенческая молодежь вне зависимости от специальных экономических знаний обнаружила тенденцию к повышению «негативного» баланса между доверием и недоверием к экономической политике. Это однозначно не свидетельствует о том, что в условиях экономи-

ческой нестабильности среди студенческой молодежи будут преобладать «экономические невротики». Тем не менее такое положение вещей делает «траекторию» их экономического поведения малопрогнозируемой (высокий уровень вероятности инверсий в балансе между доверием и недоверием). Баланс становится зависимым не только от сильных, но и слабых возмущений в экономической жизни страны.

При исследовании не учитывался тот факт, что баланс между доверием и недоверием 1:1, полученный из отношения 2:2 не тождествен такому же балансу, полученному из отношения 8:8. Как мы полагаем, разные варианты отношения могут по-разному проявиться во временном параметре явления инверсии. Так как первый этап преодоления экономического кризиса – это стабилизация экономической ситуации, было бы интересно изучить особенности соотношения между доверием и недоверием к экономической политике в такой ситуации.

При ухудшении экономической ситуации (объективный фактор) значительно возрастает число студентов, имеющих соотношение между доверием и недоверием 1:1 (абсолютная амбивалентность) к экономической политике. Данная тенденция не зависит от уровня специальных экономических знаний (субъективный фактор).

Этот факт рассматривается нами как вариант «негативного» баланса между доверием и недоверием к экономической политике, так как он может быть источником явления инверсии – мгновенного и непредсказуемого переключения с одного полюса соотношения (абсолютизации доверия) на другой (абсолютизация недоверия) и наоборот.

Литература

1. Ляско А. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 42–47.
2. Дементьев В.Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Рос. экон. журн. 2004. № 8. С. 64–65.
3. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М., 2010. 164 с.
4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008. 571 с.

5. Сидоренков А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория. Ростов н/Д., 2010. 272 с.

6. Дорощев В.А., Солнышкин Д.Г., Троянов И.В. Особенности симметрии между доверием и недоверием к экономической политике государства у студентов с разным уровнем экономических знаний // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2014. № 3 (14). С. 17–20.

7. Блейлер Е. Руководство по психиатрии. М., 1993. 573 с.

8. Ильин Е.П. Психология доверия. СПб., 2013. 288 с.

References

1. Lyasko A. Doverie i tranzaktsionnye izderzhki [Trust and Transaction Costs]. *Voprosy ekonomiki*, 2003, no 1, pp. 42-47.

2. Dement'ev V.E. Doverie – faktor funktsionirovaniya i razvitiya sovremennoi rynochnoi ekonomiki [Trust - the Factor of the Functioning and Development of Modern Market Economy]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 2004, no 8, pp. 64-65.

3. Belyanin A.V., Zinchenko V.P. *Doverie v ekonomike i obshchestvennoi zhizni* [Confidence in the Economy and Public Life]. Moscow, 2010. 164 p.

4. Kupreichenko A.B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of Trust and Mistrust]. Moscow, 2008, 571 p.

5. Sidorenkov A.V. *Malaya grupa i neformal'nye podgruppy: mikrogruppovaya teoriya* [Small Group and Informal Subgroups: the Micro Group Theory]. Rostov-on-Don, 2010, 272 p.

6. Dorofeev V.A., Solnyshkin D.G., Troyanov I.V. Osobennosti simmetrii mezhdu doveriem i nedoveriem k ekonomicheskoi politike gosudarstva u studentov s raznym urovnem ekonomicheskikh znaniy [Peculiarities of Symmetry Between Trust and Mistrust in the Country Economic Policy Among the Students with Different Levels of Economic Knowledge]. *Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 2014, no 3 (14), pp. 17-20.

7. Bleiler E. *Rukovodstvo po psikhiiatrii* [Guide to Psychiatry]. Moscow, 1993, 573 p.

8. Il'in E.P. *Psikhologiya doveriya* [Psychology of Trust]. Saint Petersburg, 2013, 288 p.

УДК 336.717.06

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-88-93

ФИНАНСОВЫЙ ИНЖИНИРИНГ И ЕГО РОЛЬ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015 г. В.С. Коханова, А.А. Полтавский

Коханова Виктория Сергеевна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра финансов, бухучета и налогообложения,
Южный университет (ИУБиП),
пр. М. Нагибина, 33а/47, г. Ростов-на-Дону, 344068.
E-mail: kohanovavs@yandex.ru

Kokhanova Victoria Sergeevna –
Candidate of Economical Sciences, Associate Professor,
Department of Finance, Accounting and Taxation,
Southern University (IUBiP),
M. Nagibina Ave, 33a / 47, Rostov-on-Don, 344068, Russia.
E-mail: kohanovavs@yandex.ru

Полтавский Анатолий Александрович –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра финансов, бухучета и налогообложения,
Южный университет (ИУБиП),
пр. М. Нагибина, 33а/47, г. Ростов-на-Дону, 344068.
E-mail: tolik-86-15@mail.ru

Poltavsky Anatoly Alexandrovich –
Candidate of Economical Sciences, Associate Professor,
Department of Finance, Accounting and Taxation,
Southern University (IUBiP)
M. Nagibina Ave, 33a / 47, Rostov-on-Don, 344068, Russia.
E-mail: tolik-86-15@mail.ru

Рассматривается финансовый инжиниринг с целью выявления его места и роли в развитии и оптимизации деятельности банковской системы, в том числе и с позиций повышения эффективности ее деятельности. В качестве методологической основы применялась совокупность общенаучных логико-эвристических методов – анализа и синтеза, индукции и дедукции, принципа взаимозависимости; а также компаративный метод, который позволяет проводить сравнительное исследование позиций различных ученых по поводу понятия «финансовый инжиниринг». Показано, что банковская деятельность нуждается в применении продуктов и инструментов финансового инжиниринга, так как именно они позволяют повышать ликвидность, снижать риски деятельности и привлекать новых клиентов. Определяются причины, сдерживающие развитие финансового инжиниринга в России.

Ключевые слова: банки, финансовый инжиниринг, инновационность банковской деятельности, эффективность банковской системы.

The author considers financial engineering in order to identify its place and role in development and optimization of banking system, including the items increase the effectiveness of its activities. The general logic-heuristics method, analysis and synthesis, induction and deduction, the principle of interdependence; and comparative method, which allows to conduct comparative study of the positions of the various scientists about the notion "financial engineering" was used as a methodological basis of the article. This issue demonstrates that the banking needs the application of product and tools of financial engineering because they allow to increase liquidity, to reduce risks and to attract new customers. Besides, the author identifies the reasons that slow down the development of financial engineering in Russia.

Keywords: banks, financial engineering, innovative banking, efficiency of banking system.

Одним из факторов, способствующих развитию банковской системы, является развитие и внедрение новых банковских технологий. Тем не менее нововведения в банковском бизнесе включают в себя не только технические разработки, но и внедрение новых форм бизнеса, методов работы на рынке, новых товаров и услуг, новых финансовых инструментов, т. е. все результаты и продукты финансового инжиниринга.

Анализ работ, опубликованных по исследуемой тематике, свидетельствует о том, что в основном они несут узкую направленность: освещают применение финансового инжиниринга в работе с

ценными бумагами [1–3] или в работе отдельных экономических субъектов [4, 5].

Многие ключевые моменты финансового инжиниринга еще не исследованы. Так, пока не существует оценки экономической эффективности финансового инжиниринга в банковской деятельности, нет единого мнения о целях, принципах, функциях финансового инжиниринга и четких рекомендаций по формулированию концепции финансового инжиниринга, что указывает на отсутствие проработанной методологической основы разработки и внедрения продуктов финансового инжиниринга в банковскую практику.

Все эти моменты подтверждают актуальность темы исследования и ее дискуссионность.

Как показал анализ литературных источников, финансовый инжиниринг является производным понятием по отношению к инжинирингу [6] и тесно связан с инновациями в управлении финансами компании [7–15].

Согласно Д. Финнерти, финансовая инженерия включает в себя дизайн, развитие и формирование творческого индивидуального решения проблем в области финансов [12].

Д.Ф. Маршалл и В.К. Бансал отмечают, что «финансовая инженерия включает в себя проектирование, разработку и реализацию инновационных финансовых инструментов и процессов, а также творческий поиск новых подходов к решению проблем в области финансов» [16].

С точки зрения финансового рынка термин «финансовый инжиниринг» используется для описания анализа данных, собранных на финансовом рынке, через призму научности [15].

Согласно мнению IAFE (Международная ассоциация финансовых инженеров), финансовая инженерия определяется как применение математических методов для решения проблем в области финансов [17]. И.А. Бланк определяет финансовый инжиниринг как процесс целенаправленной разработки новых финансовых инструментов или новых схем осуществления финансовых операций [18]. Б.М. Рапопорт и А. И. Субченко считают, что финансовый инжиниринг — разработка системы финансового управления и минимизации финансовых рисков [19]. С. Росс отмечал, что финансовый инжиниринг — это технология управления финансовыми рисками на срочном фондовом рынке с помощью операций хеджирования [20]. Кроме того, финансовый инжиниринг понимается как объединение или разделение существующих финансовых инструментов с целью создания новых финансовых продуктов (пакетов финансирования) [21].

Современники определяют финансовый инжиниринг или как «решение задач по повышению

эффективности финансовой деятельности и снижению финансовых рисков за счет не только конструирования новых продуктов, но и эффективно-го использования различных комбинаций уже существующих финансовых инструментов для достижения поставленных целей в интересах участников финансовых отношений вне зависимости от организационно-правовой формы и сферы их деятельности» [22] или как «процесс, который адаптирует существующие финансовые инструменты и процессы и создает новые, чтобы позволить субъектам финансового рынка наиболее эффективно приспособиться к изменяющейся окружающей среде» [23].

Итак, к вопросу определения сущности финансового инжиниринга ученые обращались с 1985 г. и по настоящее время актуальности своей эта тема не утратила.

Проведенный анализ существующих определений финансового инжиниринга позволяет выделить два присущих ему вида деятельности:

- разработка новых финансовых продуктов;
- повышение эффективности финансовой деятельности, в том числе и за счет минимизации рисков.

Учитывая события последних лет, можно утверждать, что финансовый инжиниринг представляет особый интерес для банковских учреждений. Финансовые инновации в виде новых финансовых и инвестиционных продуктов, а также разработка эффективных процедур управления рисками играют решающее значение для обеспечения жизнеспособности банковских учреждений в свете последних событий.

Согласно проведенному анализу литературных источников, в зарубежной практике, как правило, не выделяют самостоятельного концепта «банковский инжиниринг». В российской же периодической печати банковский инжиниринг рассматривается либо как производное от финансового инжиниринга (рис. 1) или как равнозначный вид инжиниринга наравне с финансовым (рис. 2).

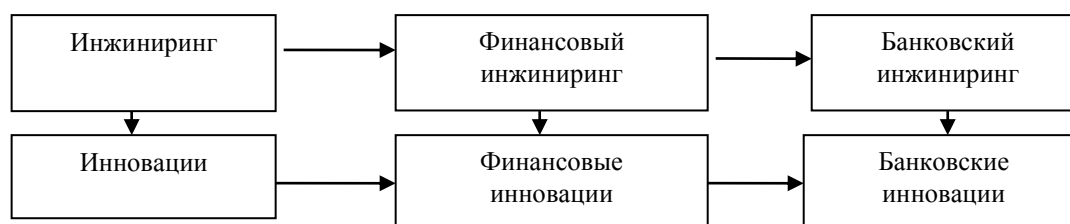

Рис. 1. Взаимосвязь инноваций и инжиниринга [24]

В данной трактовке просматривается выделение банковских инноваций в отдельную группу,

вытекающую из финансовых, что логически верно, так как банки — это финансовые институты, кото-

рые разрабатывают и реализуют финансовые продукты, в том числе и инновационные.

Приведенная на рис. 2 классификация также выносит банковскую деятельность за пределы финансовой, но выделяет ее как отдельную область применения, что противоречит самой сути экономической категории «финансы».

Инновационные продукты, разрабатываемые и внедряемые банками, вносят либо финансовые, либо технические или даже технологические изменения, либо комплексные изменения одновременно. Банки являются финансовыми институтами, следовательно, применяют финансовую инженерию наравне с другими финансовыми институтами.

Рис. 2. Классификация инжиниринга [22]

На наш взгляд, выделяя категорию «банковский инжиниринг» отдельно, отчлняя ее от финансового инжиниринга, мы создаем конкретный концепт со своей уникальной структурой и составом. Ведь, с одной стороны, банки выступают активными участниками финансового рынка и используют инструменты фондового, валютного и денежного рынков для минимизации рисков и максимизации прибыли как минимум за счет снижения издержек, что и является по сути целью применения инжиниринга в банковской деятельности, с другой – у банков есть специфичные продукты, которые могут генерировать и реализовать исключительно они, а следовательно, мы можем выделить особую теоретическую методологию и практическую канву их воплощения, что подтвер-

ждает наличие особой сферы знания – банковского инжиниринга (рис. 3).

Сегодня в российской экономике именно банковский сектор является ключевым институтом, способным дать ощутимый импульс для инновационного развития экономики страны.

Так как процесс генерирования инноваций постоянен и фактически непрерывен, мы не можем говорить о перечне инновационных продуктов российских или иностранных банков как о некоей константе. Более того, банковские системы отдельных стран находятся на разных ступенях развития, в силу этого инновациями для одних могут служить уже давно привычные и ставшие традиционными услуги и продукты других, более экономически развитых стран.

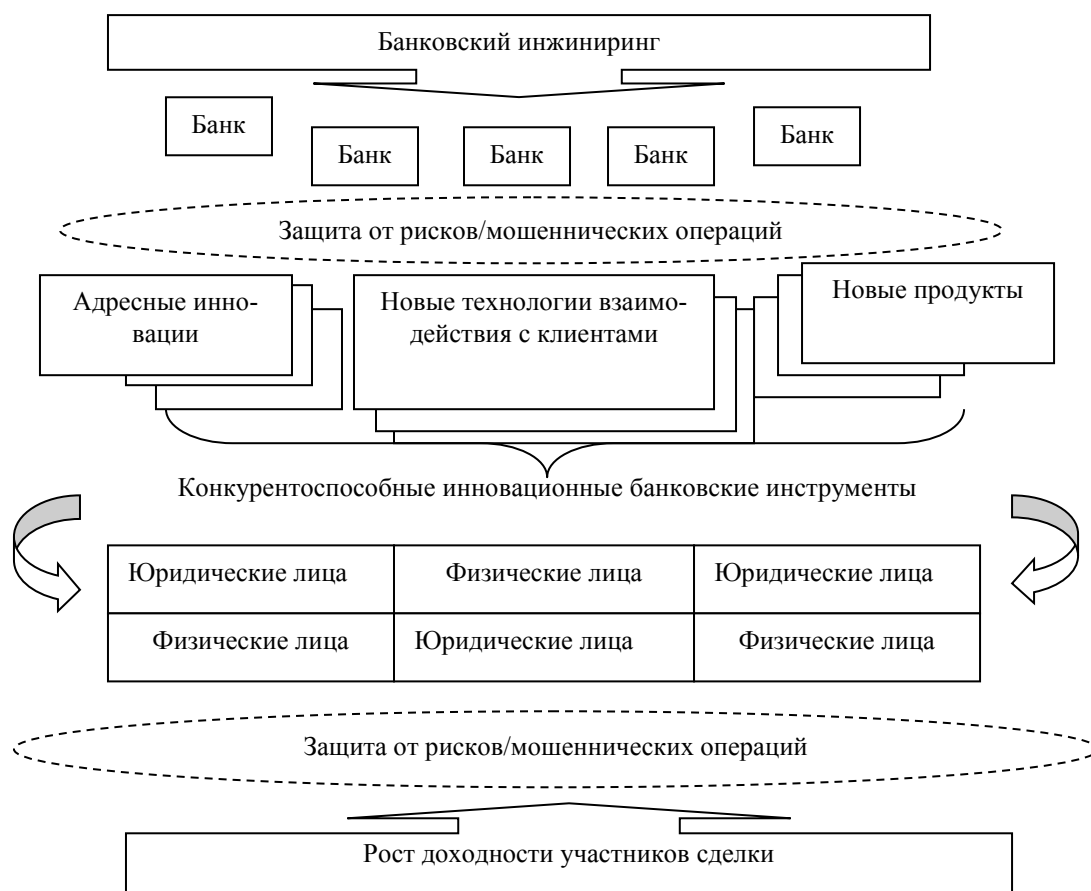

Рис. 3. Сущность банковского инжиниринга [23, 25]

Как показывает анализ банковской деятельности, в настоящее время банки используют финансовый инжиниринг для оценки рисков, управления активами и пассивами, финансового планирования, оптимизации портфеля и т.д. Следовательно, единый подход необходим для того, чтобы обеспечить реальный и стабильный рост банковской отрасли, что становится возможным благодаря сочетанию методов финансового инжиниринга с основными принципами и стратегиями банковского менеджмента.

Однако нет единой методологической базы в части разработки, формирования и реализации банковских инноваций. Российские банки ориентируются либо на зарубежных коллег, либо на собственные наработки в данной области. А это порождает проблемы и сдерживает развитие отечественного банковского инжиниринга. На наш взгляд, причины, сдерживающие развитие финансового инжиниринга в России можно разделить на 3 группы:

- социальные (низкий уровень реального дохода; слабая заинтересованность в сбережении; низкий уровень финансовой грамотности и слабая восприимчивость к обучению; рост доли граждан пенсионного возраста и т.д.);

- экономические (ценовая волатильность, стагнационные явления в экономике, противоречивые и декларативные положения стратегий и концепций роста экономики на перспективу и т.д.);

- правовые (слабая нормативная база по защите прав собственности; необходимость оптимизации системы финансового права и т.д.).

Согласно проведенному исследованию, финансовый инжиниринг представляет собой процесс производства финансовых инноваций, а банковский инжиниринг – процесс производства и адаптации банковских инноваций. Очевидно, что невозможно производить банковские инновации, не затрагивая финансовую сферу отношений, что еще раз подтверждает вывод о производном характере банковского инжиниринга по отношению к финансовому.

Следовательно, отечественным банкам необходимо активнее внедрять результаты финансового инжиниринга в свою текущую деятельность.

Литература

1. *Капелинский Ю.К.* Финансовый инжиниринг с использованием ценных бумаг: дис. ... канд. экон. наук. М., 1998.

2. Воробьева З.А. Финансовый инжиниринг на рынке корпоративных облигаций: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.
3. Глухов М.Ю. Структурированные финансовые продукты в системе финансового инжиниринга: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.
4. Жуков Е.Н. Финансовый инжиниринг инфраструктурных единиц в электроэнергетической системе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2009.
5. Курсеев Д.В. Теория и методология процессов учета собственности: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Оrel, 2008.
6. Инжиниринг как интегральная область знаний. URL: www.ntsrf.info/upload/My/nauka/Dyachenko.pdf (дата обращения: 22.09.2014).
7. Van Horne J. Of Financial Innovations and Excesses // *J. of Finance*. 1985. Vol. 40 (July). P. 621–636.
8. Miller M.H. Financial Innovation: The Last Twenty Years and the Next // *J. of Financial and Quantitative Analysis*. 1986. Vol. 21. P. 459–471.
9. Miller M.H. Financial Innovation: Achievements and Prospects // *J. of Applied Corporate Finance*. 1992. Vol. 4. P. 4–12.
10. Faulhaber G., Baumol W. Economists as Innovators: Practical Products of Theoretical Research // *J. of Economic Literature*. 1988. Vol. 26. P. 577–600.
11. Campbell J.Y., Viceira L.M. In press. Who should buy long-term bonds? *American Economic Review*. URL: <http://www.istor.org/stable/2677900> (дата обращения: 02.06.2015).
12. Finnerty J.D. Financial engineering in corporate finance. An overview // *Financial management*. 1988. Vol. 17, № 4. P. 56–59.
13. Merton R. Continuous – Time Finance. Cambridge, MA, 1992.
14. Корпке Р.В., Ягтiani J. Financial Innovation and Standards for the Capital of Life Insurance Companies // *New England Economic Review*, Federal Reserve Bank of Boston. 1995. January/February. P. 29–57.
15. Hoda A.I. Mechanisms of financial engineering as new alternatives // *International Refereed Research J.* 2013. Vol. IV, is. 3. P. 21–40.
16. Маршалл Д.Ф., Бансал В.К. Финансовая инженерия: полное руководство по финансовым нововведениям: пер. с англ. М., 1998. С. 33.
17. Koo H.K. New Trends in Financial Engineering. Works under the Auspices of the World Class University Program of Ajou University. October 2011. URL: <http://www.iospress.nl/book/new-trends-in-financial-engineering/> (дата обращения: 22.09.2014).
18. Бланк И.А. Словарь-справочник финансового менеджера. Киев, 1998. С. 359.
19. Рапопорт Б.М., Субченко А.И. Инжиниринг и моделирование бизнеса. М., 2001. С. 109.
20. Росс С. Основы корпоративных финансов: пер. с англ. М., 2000. С. 678.
21. Финансовый словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/31051 (дата обращения: 02.01.2013).
22. Барынькина Н.П. Эволюция понятия финансового инжиниринга в финансовой науке // *Вопросы экономики и права*. 2011. № 6. С. 101–107.
23. Иванова О.В. Банковский инжиниринг как процесс создания банковских инноваций // *ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия*. Серия: Инновационная экономика: человеческое измерение. ВГТА. 2011. № 1. С. 21–25.
24. Иванова О.В. Банковские инновации и направления их развития в РФ: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Краснодар, 2011. С. 11.
25. Ковалев А. Банковский инжиниринг – новый мир финансов. URL: http://gaap.ru/articles/bankovskiy_inzhiniring_nbsp_ndash_nbsp_novyy_mir_finansov/ (дата обращения: 02.06.2015).

References

1. Kapelinskii Yu.K. *Finansovyi inzhiniring s ispol'zovaniem tsennykh bumag* [Financial Engineering Involving Securities]: dis. ... канд. экон. наук. Moscow, 1998.
2. Vorob'eva Z.A. *Finansovyi inzhiniring na rynke korporativnykh obligatsii* [Financial Engineering on Corporate Bonds Market]: avtoref. dis. ... канд. экон. наук. Moscow, 2004.
3. Glukhov M.Yu. *Strukturirovannye finansovye produkty v sisteme finansovogo inzhiniringa* [Structured Financial Products in Financial Engineering]: avtoref. dis. ... канд. экон. наук. Moscow, 2007.
4. Zhukov E.N. *Finansovyi inzhiniring infrastrukturykh edinits v elektroenergeticheskoi sisteme* [Financial Engineering Infrastructure Units in the Electric Power System]: avtoref. dis. ... канд. экон. наук. Ekaterinburg, 2009.
5. Kurseev D.V. *Teoriya i metodologiya protsessov ucheta sobstvennosti* [Theory and Methodology of Accounting Processes Property]: avtoref. dis. ... d-ra экон. наук. Orel, 2008.
6. *Inzhiniring kak integral'naya oblast' znaniy* [Engineering as an Integral Field of Knowledge]. Available at: www.ntsrf.info/upload/My/nauka/Dyachenko.pdf (accessed 22.09.2014).
7. Van Horne J. Of Financial Innovations and Excesses. *J. of Finance*, 1985, vol. 40 (July), pp. 621-636.
8. Miller M.H. Financial Innovation: The Last Twenty Years and the Next. *J. of Financial and Quantitative Analysis*, 1986, vol. 21, pp. 459-471.

9. Miller M.H. Financial Innovation: Achievements and Prospects. *J. of Applied Corporate Finance*, 1992, vol. 4, pp. 4-12.
10. Faulhaber G., Baumol W. Economists as Innovators: Practical Products of Theoretical Research. *J. of Economic Literature*, 1988, vol. 26, pp. 577-600.
11. Campbell J.Y., Viceira L.M. *Inpress. Who Should Buy Long-term Bonds?* American Economic Review. Available at: <http://www.istor.org/stable/2677900> (accessed 02.06.2015).
12. Finnerty J.D. Financial Engineering in Corporate Finance. An overview. *Financial management*, 1988, vol. 17, no 4, pp. 56-59.
13. Merton R. *Continuous – Time Finance*. Cambridge, MA, 1992.
14. Kопcke R.W., Jagtiani J. *Financial Innovation and Standards for the Capital of Life Insurance Companies*. *New England Economic Review, Federal Reserve Bank of Boston*, 1995, January/February, pp. 29-57.
15. Hoda A. I. Mechanisms of Financial Engineering as New Alternatives. *International Refereed Research J.*, 2013, vol. IV, is. 3, pp. 21-40.
16. Marshall D.F., Bansal V.K. *Finansovaya inzheneriya* [Financial Engineering]: polnoe rukovodstvo po finansovym novovvedeniyam: translation from English. Moscow, 1998, p. 33.
17. Koo H.K. *New Trends in Financial Engineering*. Works under the Auspices of the World Class University Program of Ajou University. October 2011. Available at: <http://www.iospress.nl/book/new-trends-in-financial-engineering/> (accessed 22.09.2014).
18. Blank I.A. *Slovar'-spravochnik finansovogo menedzhera* [Dictionary of Financial Manager]. Kiev, 1998, p. 359.
19. Rapoport B.M., Subchenko A.I. *Inzhiniring i modelirovanie biznesa* [Engineering and Modeling of Business]. Moscow, 2001, p. 109.
20. Ross S. *Osnovy korporativnykh finansov* [Fundamentals of Corporate Finance]. Translation from English. Moscow, 2000, p. 678.
21. *Finansovyi slovar'* [Financial Dictionary]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/31051 (accessed 02.01.2013).
22. Baryn'kina N.P. Evolyutsiya ponyatiya finansovogo inzhiniringa v finansovoi nauke [Evolution of Financial Engineering Concept in Financial Science]. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2011, no 6, pp. 101-107.
23. Ivanova O.V. Bankovskii inzhiniring kak protsess sozdaniya bankovskikh innovatsii [Bank Engineering as the Process of Banking Innovations]. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya. Seriya: Innovatsionnaya ekonomika: chelovecheskoe izmerenie*. VGTA, 2011, no 1, pp. 21-25.
24. Ivanova O.V. *Bankovskie innovatsii i napravleniya ikh razvitiya v RF* [Banking Innovations and Their Development in Russia]: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Krasnodar, 2011, p. 11.
25. Kovalev A. *Bankovskii inzhiniring – novyi mir finansov* [Bank Engineering - a New World of Finance]. Available at: http://gaap.ru/articles/bankovskiy_inzhiniring_nbsp_ndash_nbsp_novyuy_mir_f finansov/ (accessed 02.06.2015).

Поступила в редакцию

9 июня 2015 г.

УДК 33

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-93-97

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2015 г. Н.В. Плотников

Плотников Николай Владимирович –
кандидат социологических наук, докторант,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
ул. Садовая, 21, г. Санкт-Петербург, 191023.
E-mail: Nik-plo@mail.ru

Plotnikov Nikolai Vladimirovich –
Candidate of Sociological Sciences,
St. Petersburg State
University of Economics,
Sadovaya St., 21, St. Petersburg, 191023, Russia.
E-mail: Nik-plo@mail.ru

На основе анализа нормативных документов и научных работ рассматриваются вопросы обоснования принципов формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования. Приводится авторское определение экономической безопасности высшего образования, изложены и кратко охарактеризованы принципы формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования; определена приоритетность учета принципов для различных стадий жизненного цикла системы экономической безопасности высшего образования: формирование, функционирование, развитие.

Ключевые слова: *высшее образование, национальная безопасность, экономическая безопасность, система экономической безопасности высшего образования, принципы формирования и развития системы экономической безопасности.*

The higher education is one of the most important sectors of national and economic security of the country. This defines special attention of the state and civil society to this problem. The article analyzes the theoretic problems of development of the system of economic security of higher education of Russia. The author defines the original concept of principles of formation, functioning and development of the system of economic security, the approach of accounting principles, depending on the stage of formation of the economic security system.

Ключевые слова: *higher education, economic security, economic security of higher education, the system of economic security of higher education, principles for the system of economic security.*

Экономическая безопасность высшего образования, цели и задачи ее обеспечения. Высшее образование как отрасль – объективно необходимая составная часть обеспечения развития современной социально-экономической системы, ориентированной на инновационное развитие. Для любой социально-экономической системы основополагающим фактором ее формирования и эффективного развития является наличие целей, для достижения которых она создается. Вместе с тем, как показал проведенный анализ [1], для ряда подсистем важно определение не только путей обеспечения их функционирования, но и механизмов обеспечения их безопасности. Это справедливо и для высшего образования, поэтому нами предлагается следующее определение: экономическая безопасность высшего образования – это такое состояние системы высшего образования, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов в сфере высшего образования и развитие этой сферы в соответствии с долгосрочными и среднесрочными потребностями социально-экономического развития страны.

Определение целей национальной и экономической безопасности высшего образования является сложной теоретико-практической проблемой, которой посвящен ряд фундаментальных работ [2, 3], обусловленной в том числе недостаточностью ее проработанности в научных исследованиях современных авторов в связи с процессами реформирования и модернизации, которые активно осуществляются в этой сфере.

Важное место в комплексе элементов системы национальной безопасности наряду с основополагающими нормативными правовыми документами [4–9], отводится ежегодным посланиям Президента РФ Федеральному Собранию.

Сформулированные в них цели и задачи в сфере экономической безопасности высшего образования в целом отражают болевые точки и предлагают отдельные пути и механизмы обеспечения современного уровня российского высшего образования, которые должны быть, несомненно, учтены и конкретизированы.

Принципы формирования и развития системы. Экономическая безопасность высшего образования как особая характеристика предполагает необходимость соответствующих управленческих воздействий, что в свою очередь в силу многоаспектности сферы высшего образования определяет целесообразность и необходимость рассмотрения ее, с одной стороны, как системы [2], а с другой – с учетом ее жизненных стадий: формирования, функционирования и развития. Формирование и развитие должно соответствовать определенным принципам, так как процесс обеспечения экономической безопасности высшего образования по сути не является стихийным и должен осуществляться на основании комплекса решений на разных уровнях управления с учетом как организационно-правовой формы вузов, так и общей системы оценки деятельности отдельных вузов. При разработке и обосновании совокупности принципов формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования сначала формулируем общую совокупность принципов, а затем определим роль каждого из них в процессе формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования [10].

Существуют различные подходы к определению принципов формирования и развития отдельных институтов и сфер социально-экономических систем. По нашему мнению, совокупность принципов экономической безопасности, с одной стороны, отражает закономерности, которые должны учитываться при формировании системы, с другой – определяет ориентиры, которые являются обязательными при формировании ее траекторий развития. Анализ научных разработок позволил нам сформулировать совокупность основных принципов системы экономической безопасности высшего образования:

– *принцип приоритета национальных интересов* в системе экономической безопасности высшего образования означает, что в качестве приоритета должно рассматриваться развитие отечественной системы высшего образования. При

этом не отрицается и адаптация учета мирового опыта, взаимодействие с зарубежными системами высшего образования, но последнее должно носить такой характер, при котором слабые стороны отечественного высшего образования диагностируются и траектории их устранения формируются таким образом, что отечественное высшее профессиональное образование не ослабляется или подстраивается под международную систему, а усиливается благодаря общему регулированию его развития с позиций обеспечения национальных интересов;

– *принцип научной обоснованности* системы экономической безопасности высшего образования предполагает в данном контексте, что формирование системы основывается на закономерностях развития высшего образования как ее базового элемента. При этом экономические, социальные, политические реалии или перспективы учитываются как внешние факторы в соответствии с принятой концепцией развития высшего образования;

– *принцип комплексности* системы экономической безопасности высшего образования означает, что, во-первых, в системе должны быть учтены особенности всех ее элементов и обеспечение их безопасности с общесистемных позиций; во-вторых, система должна формироваться, функционировать и развиваться на системных принципах, т. е. оценка целесообразности включения в систему или исключения из нее каждого блока и элемента должна в первую очередь учитывать особенности системы в целом;

– *принцип информационной открытости* системы экономической безопасности определяет необходимость обсуждения вопросов, связанных со всем комплексом проблем и тенденций обеспечения траекторий развития высшего образования и соответствия системы высшего образования текущим и стратегическим потребностям социально-экономического развития страны с позиций наличия угроз и оценки степени экономической безопасности высшего образования, на различных уровнях принятия решений. При этом содержание дискуссий и их результатов должны быть в открытом информационном доступе, а к обсуждению необходимо привлекать экспертов из разных смежных областей;

– *принцип динамичного развития* системы экономической безопасности высшего образования означает, что возникновение новых внешних и/или внутренних по отношению к системе или ее отдельным блокам и/или элементам угроз или исчезновение существовавших угроз предполагает

пересмотр основных элементов системы высшего образования и характера их взаимодействия. Это может выражаться в упразднении отдельных блоков и/или элементов или наоборот, в создании новых блоков, элементов, связей, стимулов, обосновании необходимости выделения дополнительных ресурсов на поддержание функционирования и/или развития всей системы экономической безопасности высшего образования;

– *принцип эффективности* системы экономической безопасности высшего образования. Создание, функционирование и развитие любой системы требует соответствующего ресурсного обеспечения. Чтобы затраты (временные, интеллектуальные, финансовые, материальные) были социально и экономически оправданы, необходимо наличие результатов, по которым можно судить об эффективности системы в соответствии с возложенными на нее целями и задачами, о соотношении достигнутых эффектов с затраченными ресурсами;

– *принцип плюрализма* форм собственности в системе высшего образования означает, что по отношению к новым государственным или частным вузам должен быть сформирован механизм включения их в систему экономической безопасности высшего образования на паритетных началах в соответствии с общей концепцией его развития и обеспечения экономической безопасности всей системы высшего образования в целом.

Актуализация принципов системы экономической безопасности. Выделенные принципы имеют различное значение в зависимости от того, на каком этапе своего жизненного цикла находится система. Каждый из принципов необходимо учитывать в соответствии с теми целями и задачами, которые являются приоритетными для каждой из стадий: формирования, функционирования, развития. Сведем выделенные принципы с целью систематизации в таблицу и определим особенности их учета на каждом этапе системы.

Поскольку современный этап для высшего образования определяется как этап его модернизации, то полагаем, что развитие с учетом выделенных принципов системы экономической безопасности высшего образования позволит оценивать траектории развития высшего образования, корректировать их с учетом интересов национальной безопасности в целях как сохранения и развития накопленного интеллектуального потенциала высшего образования, так и активизации его включения в реализацию новых целей и задач, которые ставятся перед российской экономикой.

**Принципы формирования, функционирования и развития системы
экономической безопасности высшего образования**

Принцип	Формирование	Функционирование	Развитие
Приоритет национальных интересов	+	+	+
Научная обоснованность	+	+	+
Комплексность	+	+	+
Динамичность		+	+
Информационная прозрачность		+	+
Эффективность		+	+
Плюрализм форм собственности	+	+	+

Примечание. Знак «+» обозначает необходимость учета указанных принципов, отсутствие его – принцип может учитываться факультативно.

Система экономической безопасности высшего образования непосредственно связана с системой экономической безопасности страны в целом и опосредованно с системой национальной безопасности через установление национальных интересов в сфере высшего образования, не противоречащих общим целям развития российского государства и реализуемых в целом на федеральном уровне с учетом региональной специфики и потребностей отдельных регионов.

Литература

1. Экономическая безопасность России: Общий курс / под ред. В.К. Сенчагова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 815 с.
2. Малолетко А.Н. Оценка современного состояния и прогнозов обеспечения экономической безопасности системы высшего и послевузовского профессионального образования. М., 2009. 361 с.
3. Шматков Р.Н. Качество высшего образования в России: системный анализ // Профессиональное образование в современном мире. 2014. № 1 (12). С. 74–83.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 11.08.2014).
5. Вопросы Совета Безопасности РФ: Указ Президента РФ от 06.05.2011 г. № 590 (ред. от 25.07.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113807/ (дата обращения: 11.08.2014).
6. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 599. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15236> (дата обращения: 11.08.2014).
7. О безопасности: Федеральный закон РФ от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.html> (дата обращения: 09.06.2013).

8. Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2012 № 2148-р об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. URL: <http://base.garant.ru/70265348/> (дата обращения: 09.06.2013).

9. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 20.08.2015).

10. Плотников Н.В. Теоретические основы формирования и развития системы экономической безопасности высшего профессионального образования // Экономическая безопасность и экономическая устойчивость: Горный информационно-аналитический бюллетень. 2014. № 12. С. 12-21.

References

1. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: Obshchii kurs* [Economic Security of Russia: General Course]. Ed. V.K. Senchagov. 3rd edition. Moscow, 2009, 815 p.
2. Maloletko A.N. Otsenka sovremennogo sostoyaniya i prognozov obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti sistemy vysshego i poslevuzovskogo professional'nogo obrazovaniya [Assessment of Current Status and Projections of Economic Security of Higher and Postgraduate Education]. Moscow, 2009, 361 p.
3. Shmatkov R.N. Kachestvo vysshego obrazovaniya v Rossii: sistemnyi analiz [The Quality of Higher Education in Russia: Systematic Analysis]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, 2014, no 1 (12), pp. 74-83.
4. *Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda, utverzhennaya Ukazom Prezidenta RF ot 12.05.2009 g. N 537* [The National Security Strategy of the Russian Federation till 2020 approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 12.05.2009 No 537]. Available at: www.scrf.gov.ru/documents/99.html (accessed 11.08.2014).
5. *Voprosy Soveta Bezopasnosti RF: Ukaz Prezidenta RF ot 06.05.2011 g. N 590 (red. ot 25.07.2014)* [Decree of the President of the Russian Federation dated 06.05.2011 No 590

(ed. 07.25.2014) "Issues of the Security Council of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113807/ (accessed 11.08.2014).

6. *O merakh po realizatsii gosudarstvennoi politiki v oblasti obrazovaniya i nauki: Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2012 g. N 599* [Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2012 No 599 "On Measures to Implement the State Policy in the Field of Education and Science"]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/15236> (accessed 11.08.2014).

7. *O bezopasnosti: Federal'nyi zakon RF ot 28.12.2010 g. N 390-FZ* [Federal Law dated 28.12.2010 № 390-FZ "On Security"]. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.html> (accessed 09.06.2013).

8. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.11.2012 N 2148-r ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy Ros-*

siiskoi Federatsii «Razvitie obrazovaniya» na 2013–2020 gody [Order of the Government of the Russian Federation dated 22.11.2012 No. 2148-r on the approval of the State program of the Russian Federation "Development of Education" for 2013–2020]. Available at: <http://base.garant.ru/70265348/> (accessed 09.06.2013).

9. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official site of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://kremlin.ru> (accessed 20.08.2015).

10. Plotnikov N.V. Teoreticheskie osnovy formirovaniya i razvitiya sistemy ekonomicheskoi bezopasnosti vysshego professional'nogo obrazovaniya [Theoretical bases of formation and development of the economic security of higher education]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i ekonomicheskaya ustoichivost': Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten'*, 2014, no 12, pp. 12–21.

Поступила в редакцию

31 августа 2015 г.

УДК 330.1

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-97-102

СЛАБАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК БАРЬЕР ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2015 г. М.Г. Симаченко

Симаченко Максим Геннадиевич – аспирант, кафедра экономической теории, Южный федеральный университет, ул. М. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002. E-mail: simachenko@sfedu.ru

Simachenko Maxim Gennadievich – Postgraduate Student, Economic Theory Department, Southern Federal University, Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: simachenko@sfedu.ru

Анализируется проблема эффективности функционирования субъектов рынка, тестированы недостатки методологии неоклассического анализа применительно к конкуренции и инновации, заключена необходимость совместного анализа данных феноменов. Разработан теоретический подход к исследованию слабой конкуренции, выступающей доминантной структурой на отраслевых рынках отечественной экономики. Проведен анализ инвестиционного потенциала России, форм привлечения средств, а также спроса на инвестирование в инновационные проекты. Выявлены ограничения, препятствующие развитию инноваций и конкурентных процессов.

Ключевые слова: *слабая конкуренция, институциональные ограничения, конкуренция, инновации, инвестиции, инновационная экономика, инновационный потенциал, инновационное развитие.*

In the paper the problem of the efficiency of the market actors is analyzed, shortcomings of methodology of the neoclassical analysis in relation to the competition and innovations are tested, the need for joint analysis of these phenomena is concluded. Theoretical approach to research of the weak competition acting as a dominant structure in the branch markets of domestic economy is developed. The analysis of investment potential of Russia, forms of financial resources attraction and demand for investments in innovative projects is carried out. The restrictions interfering development of innovations and competitive processes are identified.

Keywords: *weak competition, institutional restrictions, competition, innovation, investment, innovation economy, innovation potential, innovative development.*

Трансформация экономических отношений в обществе, выражающаяся в появлении новых атрибутивных характеристик потребительского спроса, детерминирует формирование новых требований к качественному уровню конкуренции. На

большинстве отраслевых рынков России сложились структуры, не способствующие развитию конкуренции. Доминирование слабой конкуренции в отечественных отраслях вызвано объективными причинами, являющимися следствием историче-

ского пути развития, и высокой экономической нестабильностью, порождающей существенный уровень риска для предпринимателей. Слабая конкуренция выступает препятствием для развития эффективных конкурентных отношений между субъектами, снижая интенсивность конкурентной борьбы, вызывая отставание уровня развития конкуренции на рынках от требований, предъявляемых современным потребителем, ведет к значительному разрыву между спросом и предложением, выражающемуся впоследствии в глубоком структурном дисбалансе экономики страны и «отставании в развитии» от экономик других стран.

Аппарат неоклассической экономической теории оказывается ограниченным в той мере, в которой не способен выявить подобные изменения и исследовать качественные характеристики конкурентных процессов, что во многом обусловлено нарастающим взаимопроникновением сфер общественной жизни, ускорением научно-технического прогресса, ведущими к появлению противоречий между действительностью и функциональными связями, выявляемыми в рамках теоретических исследований. По причине смещения акцента с соперничества между производителями, взаимодействия покупателей и продавцов на индивидуальный опыт потребления благ инновационная активность предприятий не только перестает быть «неконкурентным» фактором, каким является в рамках эйджстрима экономической науки, но и становится ключевым фактором эффективности конкурентного процесса. С учетом сложившейся конъюнктуры конкуренция и инновации не могут быть исследованы по-отдельности, а подлежат совместному анализу, поскольку обеспечивают воспроизводство эффективного поведения экономических субъектов. Необходимость выживания в условиях жесткой конкуренции вынуждает компании вести активную деятельность по разработке и внедрению инноваций во все процессы, связанные с производством и реализацией товаров и услуг.

Феномен слабой конкуренции в последнее время находится под пристальным вниманием науки, поскольку часто данная категория звучит в выступлениях первых лиц государства, а также используется в работах ученых – экономистов. «Слабость» конкуренции является следствием нарушения взаимосвязи конкуренции и инноваций по причине высокой степени рискованности инновационных проектов ввиду существенной неопределенности конъюнктуры и незащищенности бизнеса.

Сила институциональных ограничений, особенно детерминированных значимостью роли государ-

ства в экономике, находится в прямой зависимости с выгодой вертикальной интеграции в бизнесе. Чем менее конкурентны условия, сформированные в экономике страны, тем более заинтересованы предприниматели в максимальном охвате производственной цепочки, что мы можем наглядно наблюдать в современной России. Хотя эта ситуация изначально кажется выгодной для предпринимателей, впоследствии она может привести к разрушительным результатам, породив, например, нехарактерный для развитых стран феномен, наблюдаемый в РФ – «торговлю в розницу по оптовым ценам от производителя». Подобные действия кажутся бессмысленными, но причины появления выгоды от вертикальных объединений кроются в имеющихся институциональных рисках. Вертикальной интеграцией предприниматели стараются обезопасить себя от рисков, которые в конечном счете сводятся к несовершенству институтов и высокому удельному весу государственного сектора. Например, от недобросовестности агентов и отсутствия реальных механизмов защиты от противоправных действий, срывов поставок материалов (к примеру, вследствие введения эмбарго), диктатуры государственных корпораций (значительная часть спроса обеспечивается компаниями с государственным участием), давления крупных акторов, коррупционного внимания правоохранительных органов, преступности, отсутствие стабильности, вероятность внезапной смены «правил игры» и т.д. Все приведенные причины возникают из-за несовершенств институтов, которые воплощаются в риски для бизнеса и выступают ограничениями, не дающими конкуренции работать в полную силу, поэтому на многих рынках тестируется «слабая» конкуренция, не создающая стимулов и несущая угрозы для воспроизводства инноваций. Слабая конкуренция, выступая тормозящим инновационный процесс фактором, препятствует повышению эффективности предприятий и развитию конкуренции.

Например, на протяжении нескольких лет мы проводили анализ эффективности функционирования и конкурентного планирования ведущего отечественного производителя сельскохозяйственной техники – компании «Ростсельмаш». Подтверждением негативного влияния на эффективность функционирования субъектов деформации связи между конкуренцией и инновациями служит факт потери компанией своего коммерческого потенциала после отказа от инновационной стратегии развития. Это может означать, что отступление от принципов развития конкуренции и инноваций, неиспользование рыночных способов по-

вышения своей конкурентоспособности, прямая государственная поддержка не приводят к укреплению конкурентных позиций фирмы. Помощь извне может принести компаниям лишь временное «облегчение», которое имеет шанс обернуться еще более глубоким структурным кризисом, поскольку компания перестанет соответствовать быстро меняющимся потребностям рынка.

Проанализированные особенности конкурентного поведения субъектов в условиях инновационного развития экономики ведут к актуализации процесса инвестирования как неотъемлемого этапа инновационного процесса, исследованию проблем которого посвящены труды современных ученых-экономистов, например, А. Березного [1], О. Вережинской, А. Ведева [2], Т. Полиди [3] и др.

Без развитых институтов и благоприятного инвестиционного климата развитие инноваций ста-

вится под угрозу. Россия находится на 71 месте среди стран мира по доступности финансовых услуг, на 56 – по доступности заемных средств, на 61 – по развитию венчурного финансирования и на 113 – по соблюдению законных прав в сфере [4].

Анализ приведенных на рис. 1 данных позволяет сделать вывод о положительной динамике показателей развития финансового сектора в отечественной экономике, тем не менее с учетом мировых показателей характеристики финансового рынка в РФ носят весьма отсталый характер. Следует обратить внимание и на уровень развития финансовых институтов, проявляющийся в показателе соблюдения прав субъектов, который в абсолютном значении находится на неизменном уровне с 2010 г.

Показатели, характеризующие инновационную конъюнктуру, свидетельствуют об ее улучшении (рис. 2).

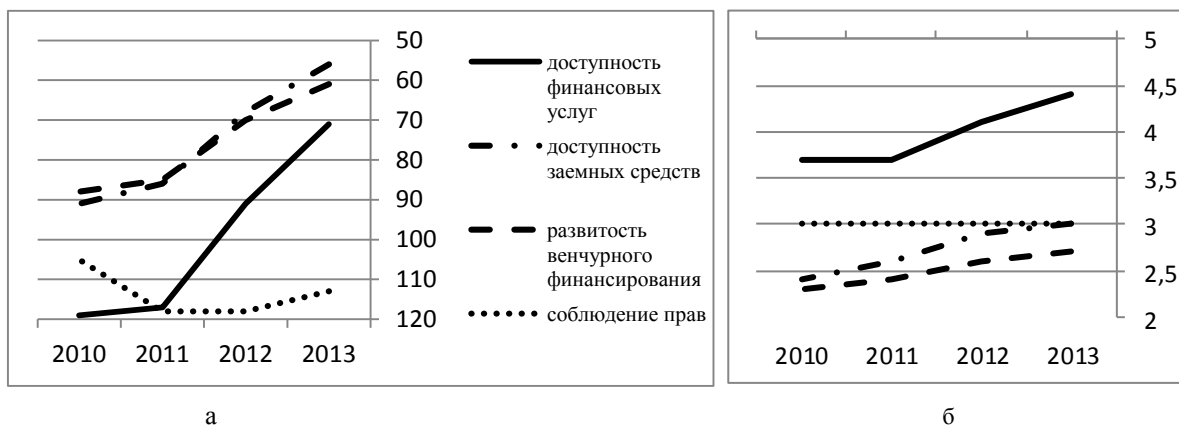

Рис. 1. Динамика показателей доступности финансовых услуг, заемных средств, развития венчурного финансирования и соблюдения законных прав в финансовой сфере 2010–2013 гг.: а – ранг; б – значение [5]

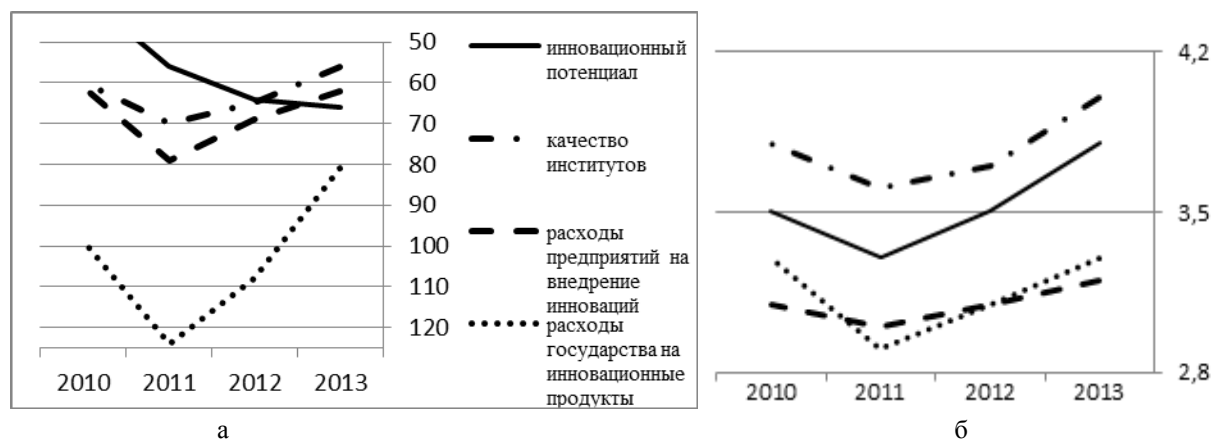

Рис. 2. Динамика показателей инновационного развития 2010–2013 гг.: а – ранг; б – значение [5]

Абсолютные значения показывают рост как расходов предприятий на инновационные разработки, государства на приобретение инновационных продуктов, так и качества институтов, обеспечивающих воспроизводство инноваций и инновационного потенциала экономики в целом. Но, обращая внимание на относительные значения, нельзя не заметить низкого уровня развития инновации по сравнению с зарубежными партнерами, более того, снижение ранга инновационного потенциала в купе с ростом его абсолютного значения свидетельствует о возрастающей инновационной активности других стран. Приведенные данные свидетельствуют о достаточном отставании в развитии инвестиционной инфраструктуры от потребностей инновационной экономики, но в то же время о большом потенциале совершенствования институциональной основы инвестирования.

Допустимо выделить следующие формы привлечения инвестиционного капитала в инновационный проект (за исключением личных и бюджетных средств):

- фондовые инструменты;
- кредитование;
- венчурное финансирование;
- прямые инвестиции.

На фондовом рынке инвесторы, приобретая акции, оценивают соотношение показателей ожидаемой доходности и возникающего риска, спрос на фондовом рынке предъявляется преимущественно на ценные бумаги устойчивых предприятий, способных предложить достаточное обеспечение собственностью (минимизация риска), и активно расширяющих свою деятельность, что сопровождается ростом величины распределяемых дивидендов (максимизация доходности). Инвестирование в компании, занимающиеся разработкой и внедрением инноваций, при прочих равных условиях характеризуется повышенной степенью риска, что не только снижает потенциальную стоимость ценных бумаг, но и обуславливает низкую величину спроса на них, а также низкие шансы его существования как такового. Вопрос наличия спроса на акции обостряется при участии в размещении компаний, не имеющих стабильного дохода, и новых фирм, для которых первичное публичное размещение не является целесообразным ввиду высоких затрат на его осуществление (в среднем от 24 млн р. [6]). Следовательно, данный способ инвестирования не соответствует требованиям, предъявляемым к проектному финансированию и в общем случае не может применяться для финансирования инноваций.

Величина средств, привлекаемых в бизнес путем кредитования, возрастает в достаточно высоком темпе, что детерминировано существующей потребностью в инвестиционных средствах. В современной действительности банки зачастую выдают кредиты с обращением в залог материальных ценностей с 50 % дисконтом. То есть для получения кредита на сумму 1 млн р. стоимость залогового имущества фактически должна составлять 2 млн р. Подобные ограничения существенно снижают стимулирующий эффект от кредитования, в особенности для начинающих предпринимателей. Так, максимальная сумма, на которую может рассчитывать новая компания по программам «start-up», составляет в среднем 3 млн р. [7]. Особого внимания требуют процентные ставки по кредитам на развитие предприятий, которые в России начинаются с 20–22 % годовых [8]. Столь высокие для мировой практики ставки делают доступным исключительно кредитование высокодоходных проектов при условии наличия у предпринимателя должного обеспечения. Высока и степень риска для начинающих предпринимателей, так как в случае неудачной реализации проекта (вероятность чего существенна – до 95 % [9]) заемщик теряет залоговое имущество. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что данный инструмент финансирования существенно ограничен в использовании применительно к инновационным проектам.

Ввиду неразвитой институциональной инфраструктуры и нестабильности экономики венчурные фонды не получили широкого распространения в России, поэтому к чертам данной формы инвестиций можно отнести её низкую доступность, высокий риск «заимствования» идей, но повышенный по сравнению с кредитованием размер финансирования (в среднем – 10 млн р. [10]).

Прямые инвестиции, по нашим наблюдениям, получили наибольшее распространение. Данный способ предполагает поиск финансовых средств путем прямого обращения к лицам, фирмам и институциональным инвесторам, которые могут быть заинтересованы в инвестировании и располагают необходимым количеством материальных средств. Институциональные механизмы поиска и общения с потенциальными инвесторами не сформированы, как следствие чего вопрос поиска прямого инвестора становится еще более острым. Ограниченность возможности доступа к первым лицам организаций – потенциальным инвесторам, которые вправе оценить возможности и принять решение об инвестировании, создает дополни-

тельный барьер на пути инноватора. В настоящее время зарубежные источники финансирования оказываются недоступными ввиду политических факторов, активного применения взаимных санкционных мер, высокой нестабильности финансовой сферы и экономики России в целом. Доминирование слабой конкуренции на отраслевых рынках детерминирует высокую степень институциональных рисков, что нарушает благоприятный инвестиционный климат, снижает предложение инвестиционных средств. Как наследие плановой экономики и особенность современного развития отечественной экономики, высокая доля инновационных разработок осуществляется в государственных учреждениях, что ограничивает возможности их коммерциализации, а значит, сдерживает инновационную активность агентов. Но не стоит упускать из виду и проблему психологической установки большинства инноваторов, которые стремятся максимально избежать любых видов ответственности за свои действия, не желают разделять права на разработку (что для инвестора является гарантией возврата инвестиций), не готовы отдать долю в уставном капитале предприятия, предпочитая остаться наедине с изобретением, никогда не воплотив в жизнь свой проект.

В качестве основных результатов проведенного нами исследования спроса на инвестиции в инновационные проекты следует считать, что лица в возрастной категории 18–35 лет обладают высоким уровнем инновационного потенциала и предпринимают попытки его реализации. Большинство из них осознают недостаток знаний и умений для успешной самостоятельной разработки проекта, что свидетельствует о низком уровне предпринимательского интеллекта в обществе. При разработке и реализации проекта инноваторы редко, практически никогда, не прибегают к помощи профессиональных консультантов, тем не менее допуская потенциальную пользу от их привлечения. Наиболее остро для предпринимателей стоят проблемы нехватки начального капитала, высокие институциональные риски и бюрократические барьеры. Среди наиболее предпочтительных способов финансирования выделяются личные сбережения и займы, а также прямые инвестиции при высоком нежелании делиться правами собственности на инновационную идею (что снижает привлекательность и бюджетных средств); банковское кредитование и венчурное финансирование не являются приемлемыми в полной мере ввиду неразвитости инвестиционных институтов, высокой стоимости и препятствий привлечения средств такими способами.

Таким образом, проведенное исследование потенциала инвестирования в инновационные проекты демонстрирует, что институты инвестирования находятся в зачаточном состоянии, имеются значительные институциональные барьеры как со стороны инвесторов, так и со стороны разработчиков – инноваторов. Для того чтобы поставить экономику на рельсы инновационного развития, необходимо выработать систему эффективного стимулирования разработки и реализации инновационных проектов, соответствующую вызовам современной экономики потребления, требованиям локализации слабой конкуренции, развития конкурентной активности, минимизирующую роль бюрократического аппарата, максимально нивелирующую негативные последствия государственного вмешательства. Учитывая высокую степень влияния государства на отечественную экономику, выраженную в признаваемой учеными «гипертрофированности» регулирования и государственного сектора, представляется невозможным обеспечение эффективного общественного прогресса без формирования соответствующих институтов. Необходимость развития данной системы в очередной раз актуализировалась с введением санкций в 2014 г. Отсутствие самодостаточности уровня развития отношений в сфере конкуренции и инноваций выразилось, например, в падении капитализации отечественных предприятий на 2/3 при условии наложения ограничений лишь на небольшое число экономических субъектов.

Как следует из проведенного анализа институциональных основ отечественной экономики, исходя из выявленных потребностей инноваторов, учитывая значительный удельный вес государственного сектора и степень влияния правительства на экономику, проявлений слабой конкуренции в виде высоких рисков для предпринимателей, стимулирование разработки и реализации инновационных проектов представляется одним из наиболее приоритетных направлений государственной политики. Ввиду выявленных барьеров в проектной деятельности и низкой инновационной активности допустимо оказание содействия фирмам и предпринимателям в подготовке и реализации инновационных проектов. Исходя из этой предпосылки, для минимизации потерь от вмешательства в свободный экономический процесс одной из эффективных мер могло бы являться создание коммерческого субъекта, цель которого – оказание поддержки инновационным проектам. В отличие от формирующихся аналогичных организаций, которые прямо или косвенно контролируются

и финансируются государством, занимаются исключительно крупными и дорогостоящими проектами преимущественно в сфере строительства, подобный центр развития инновационных проектов может быть способным к устранению имеющихся пробелов в поддержке и финансировании менее масштабных проектов, носящих инновационный характер.

Литература

1. Березной А. Инновационные бизнес-модели в конкурентной стратегии крупных корпораций // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 65–81.
2. Везинская О., Ведев А. Инвестиционный процесс в российской экономике: потенциал и направления активизации // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 4–16.
3. Полиди Т. Накопленный дефицит инвестиций в жилищной сфере России: угрозы и перспективы // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 37–55.
4. Schwab K. *The Global Competitiveness Report 2014–2015*. URL: www.weforum.org/reports (дата обращения: 09.03.2015).
5. Составлено автором по данным Всемирного экономического форума. URL: www.weforum.org/reports (дата обращения: 09.03.2015).
6. Лукашев А., Могин А. IPO от I до O. М., 2008. С. 75.
7. Данные официального сайта ОАО КБ «Центр-Инвест». URL: <http://www.centriinvest.ru/ru/biz/kreditovanie-predpriyatij-malogo-biznesa/programmy-kreditovaniya/start-up> (дата обращения: 13.03.2015).
8. Валенкова Ц. Банковский кредит, процент и комиссии – сколько стоит кредит в банке. URL: www.zanimaem.ru/kredit-dlja-biznesa/kredity-malomu-biznesu/bankovskiy-kredit-protsent.php (дата обращения: 13.03.2015).
9. Дорофеев М. Автоматизация бизнес-процессов: как минимизировать риски проекта. URL: <http://fd.ru/articles/12208-avtomatizatsiya-biznes-protsessov-kak-minimizirovat-riski-proekta> (дата обращения: 04.10.2014).
10. По данным официального сайта Венчурного фонда Промсвязьбанка. URL: <http://www.psbfund.ru/> (дата обращения: 16.09.2014).

References

1. Bereznoi A. *Innovatsionnye biznes-modeli v konkurentnoi strategii krupnykh korporatsii* [Innovative Business Models in Competitive Strategy of Large Corporations]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no 9, pp. 65-81.
2. Verezhinskaya O., Vedev A. *Investitsionnyi protsess v rossiiskoi ekonomike: potentsial i napravleniya aktivizatsii* [Investment Process in the Russian Economy: Potential and Directions of Activization]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no 4, pp. 4-16.
3. Polidi T. *Nakoplennyi defitsit investitsii v zhilishchnoi sfere Rossii: угрозы i perspektivy* [The Saved-Up Deficiency of Investments in the Housing Sphere of Russia: Threats and Prospects]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no 4, pp. 37-55.
4. Schwab K. *The Global Competitiveness Report 2014-2015*. Available at: <http://www.weforum.org/reports> (accessed 09.03.2015).
5. Developed by the author according to the World economic forum. Available at: <http://www.weforum.org/reports> (accessed 09.03.2015).
6. Lukashov A., Mogin A. *IPO ot I do O* [IPO from I to O]. Moscow, 2008, p. 75.
7. Information from the official site of OJSC CB «Center-invest». Available at: <http://www.centriinvest.ru/ru/biz/kreditovanie-predpriyatij-malogo-biznesa/programmy-kreditovaniya/start-up> (accessed 13.03.2015).
8. Valenkova Ts. *Bankovskii kredit, protsent i komissii – skol'ko stoit kredit v banke* [The Credit, Percent and the Interest – How Much the Credit in Bank is]. Available at: <http://www.zanimaem.ru/kredit-dlja-biznesa/kredity-malomu-biznesu/bankovskiy-kredit-protsent.php> (accessed 13.03.2015).
9. Dorofeev M. *Avtomatizatsiya biznes-protsessov: kak minimizirovat' riski proekta* [Automation of Business Processes: How to Minimize Risks of the Project]. Available at: <http://fd.ru/articles/12208-avtomatizatsiya-biznes-protsessov-kak-minimizirovat-riski-proekta> (accessed 04.10.2014).
10. *According to the official site of Venture fund of Promsvyazbank*. Available at: <http://www.psbfund.ru/> (accessed 16.09.2014).

УДК 336

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-103-108

СИСТЕМА РЕГУЛЯТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2015 г. Т.А. Щербинин

Щербинин Тимофей Александрович – аспирант, кафедра финансов и кредита, Южный федеральный университет, ул. М. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002. E-mail: timpser@mail.ru

Shcherbinin Timofei Alexandrovich – Postgraduate Student, Department of the Finance and Credit, Southern Federal University, Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: timpser@mail.ru

Мировой финансовый кризис выявил трудности определения баланса между финансовой безопасностью и эффективностью в широком смысле. Активная политика правительств большинства стран, направленная на минимизацию влияния макроэкономических явлений и процессов в современных условиях финансовой глобализации, была не столь эффективна, как планировалось. Объектом исследования выступает разработанная и предложенная система из десяти основных инструментов макропруденциального регулирования финансового рынка, которая призвана стать фундаментом, обеспечивающим финансовую стабильность экономики от угроз и шоков глобальных финансовых процессов.

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, регулятивные инструменты, экономика, глобализация.*

The global financial crisis has revealed the difficulty of determining the balance between financial security and efficiency in a broad sense. The active policy of most governments, aimed at minimizing the influence of macroeconomic phenomena and processes in modern conditions of financial globalization was not as effective as it had been planned. The object of research is the developed and proposed system of ten basic tools of macro-prudential regulation of the financial market, which intends to become the foundation ensuring the financial stability of the economy from shocks and threats of global financial processes.

Keywords: *financial sustainability, regulatory instruments, economy, globalization.*

Финансово-экономический кризис выявил сложности макроэкономического управления в современных условиях финансовой глобализации. Невзирая на активную политику правительств и центральных банков многих стран, не удалось взять под контроль сложившуюся экономическую ситуацию ввиду высокой степени взаимосвязанности финансовой системы, а также неоднородного влияния различных внешних событий на внутреннюю экономическую политику. Наряду с этим стоит отметить последовательную корреляцию между уровнем доверия в разных странах и настроениями рынка.

Одной из основных функций государства в нынешних условиях является обеспечение финансовой стабильности, которое осуществляется посредством различных механизмов макропруденциального регулирования, реализуемого соответствующими органами государственного надзора финансовой сферы страны в целом и регионов в частности.

М.М. Ковалевым и С.И. Пасеко предложены динамичные инструменты макропруденциального регулирования финансового рынка по 10 направ-

лениям движения капитала: ипотечный, валютный, резервный, суверенный, трансграничный, фондовый, ликвидный, капитальный, розничный, сетевой [1]. Система динамичных инструментов призвана обеспечивать финансовую стабильность экономики от угроз и шоков глобальных финансовых процессов, что имеет особую актуальность в современной экономике, подверженной рискам глобализации.

Основная цель нашего исследования – разработка для дальнейшего применения системы из 10 регулятивных инструментов, сформированных посредством сбора, анализа и синтеза статистических данных с использованием системного подхода к анализу информации о деятельности кредитных организаций и экономики страны в целом в посткризисный период.

Полученные в ходе исследования результаты будут иметь практическую ценность для коммерческих банков, основных субъектов отечественной экономики, при формировании их кредитной политики, а также для органов местного самоуправления при разработке экономической политики региона. Позволят минимизировать влияние миро-

вых кризисов на национальную экономику, обеспечат стабильность функционирования финансовых рынков, их надежность и приспособленность к внешним воздействиям, снизят спекулятивную составляющую, а также позволят коммерческим банкам более тщательно следить за розничным кредитованием в целом и сектором ипотечного кредитования в частности, разработать собственную политику управления ликвидностью. Регулятивность требует введения контролируемых количественных индикаторов угроз нестабильности. Адаптивность требует, чтобы нормативы по индикаторам трансфера капитала не были зафиксированными, имели динамичный характер и зависели от финансовой ситуации: в одних ситуациях допускается свободное движение капитала, в других – его сдерживание.

Превентивные совместные антикризисные действия национальных правительств и центральных банков для предотвращения «финансовых пузырей» кратко сформулируем в виде 10 инструментов – регуляторов системных рисков.

Регулирование ипотеки. Поводом к последнему финансово-экономическому кризису стали массовые невозвраты ипотечных кредитов в США. Ипотечный бизнес обладает высокой степенью доходности, в следствие чего привлекает спекулятивный капитал, поэтому ипотека почти всегда начинает кризис. В последние 40 лет спады цен на жилье происходили с относительно регулярной частотой. Если они совпадали со спадом цен на акции, то, как правило, суммарный эффект распространялся на весь финансовый сектор и вызывал кризис.

Регулятор 1 (ипотечный). Финансовые потоки, поступающие в ипотечный сектор, можно контролировать динамичным нормативом, выраженным соотношением капитала кредитной организации и ее ипотечными активами. В особых случаях следует применять нормативную пропорцию привлеченных и собственных денежных средств при ипотечном кредитовании.

Этот регулятор особенно эффективен – он ограничивает способность домашних хозяйств занимать. Динамично изменяя долю собственных средств при ипотечном кредитовании, Китаю пока удается гасить «ипотечный пузырь». Теоретически этот регулятор снижает процикличность обеспеченного кредитования. Динамично изменяющийся на определенных уровнях данный норматив ограничит системный риск.

Некоторые предлагают вводить лимиты на темпы роста ипотечных кредитов. Безусловно, такая мера может использоваться для сдерживания

цен на жилье, т. е. перегрева рынка. Однако это, на наш взгляд, достаточно искусственный показатель.

Регулирование валютной ликвидности. В условиях сокращения денежного спроса на экспортную продукцию стандартным средством стимулирования экспорта считается девальвация, которая автоматически увеличивает экспортную выручку в национальной валюте и расширяет возможности ее реализации на внешних рынках. Параллельно девальвация увеличивает затраты на импорт в национальной валюте и тем самым сокращает его. В результате теоретически улучшается торговый баланс.

Девальвация, следующая за валютным кризисом, снижает уровень зарплат и затрудняет возврат валютных кредитов населением, что может привести к банковскому кризису. Во многих развивающихся странах разрешено кредитование населения в валюте. Девальвация, кроме того, повышает стоимость внешнего долга, выраженную в национальной валюте, и снижает (по валютному курсу) финансовые показатели компаний и ВВП страны. Поэтому к девальвации, как к чрезвычайно болезненному инструменту, следует прибегать только в исключительных ситуациях. Положительные эффекты девальвации некоторыми экспертами преувеличены. В условиях интернационализации экономики, влекущей высокую импортную емкость, выгоды экспортеров от девальвации слишком краткосрочны, а потери страны — долгосрочны. Важнее проводить макроэкономическую политику, направленную на предотвращение девальвации.

Регулятор 2 (валютный). Центральным банкам следует построить эффективный механизм валютного регулирования и мониторинга обменного курса, а также создать инструменты, позволяющие фиксировать и стабилизировать на необходимом уровне валютные резервы государства посредством трансграничных залогов, валютных свопов.

Регулирование золотовалютных резервов. Механизмы регулирования резервов должны быть направлены не только на их накопление для поддержки курса, но и на предотвращение критических ситуаций (иногда проще предотвратить угрозу курсу, чем его потом удерживать, теряя резервные накопления). В большинстве стран золотовалютными резервами страны центральный банк управляет только технически, стратегические решения принимает Комиссия по финансовой стабильности. У центрального банка в оперативном управлении должен оставаться минимум государственных сбережений, необходимый для поддержания обменного курса, остальные резервы должны находиться в суверенном фонде.

России по примеру многих стран (Китай, Сингапур, ОАЭ и др.), создавших суверенные валютные фонды, следует заняться поиском альтернативных долларовым активам в США форм инвестиций нефтегазовой ренты, в том числе и внутри страны. Суверенные фонды могут приобретать за рубежом не только собственность, но и технологии, заводы под ключ (типичный пример советского периода — Волжский завод). Например, в рамках ЕЭП можно построить общие НПЗ на границах Евросоюза, Китая.

Регулятор 3 (резервный). Нужна новая макропруденциальная концепция управления резервами страны как по структуре, так и по инструментам и механизмам (принцип национальных, а не золотовалютных резервов центрального банка). Она должна быть тесно увязана с графиками погашения внешних долгов и работать в условиях высокой волатильности и неопределенности будущих курсов мировых валют (доллара и евро), а также быть научно обоснованной по структуре и инструментам [2].

Регулирование внешнего долга. Уровень внешнего долга страны в целом и госдолга в частности, как показывают события в Европе, — ключевой вопрос финансовой устойчивости в период кризиса.

Регулятор 4 (суверенный). Необходимо ввести макропруденциальный регулятор по отношению внешнего долга (в том числе внешнего госдолга) к ВВП (экспорту).

Регулирование размеров и структуры валового внешнего долга. Выявленный во время мексиканского кризиса 1995 г. эффект распространения (contagion effect) состоит в том, что кризис может охватить экономику, даже если она здорова. Эффект распространения может быть определен как изменение настроения инвесторов под влиянием финансового кризиса. Суть эффекта распространения в том, что в быстрорастущей экономике банки или предприятия с помощью банков берут краткосрочные займы в иностранной валюте у зарубежных инвесторов и инвестируют их в долгосрочные. Ожидания инвесторов предопределяют дальнейший ход событий. Если инвесторы под влиянием паники отказываются возобновлять кредиты и требуют возврата долгов, инвестированных в долгосрочные проекты, то бегство капитала ведет к девальвации национальной валюты. Девальвация повышает стоимость корпоративного внешнего долга, выраженную в национальной валюте. Начинается валютный, а за ним и банковский кризис (кризисы-близнецы). Прекращение внешнего кредитования, вывод капитала иностранных инвесто-

ров, отсутствие возможностей рефинансирования корпоративного сектора неминуемо тормозят экономический рост и ведут к кризису.

Исследования МВФ показали, что быстрый рост кредита зачастую происходит из-за чрезмерных трансграничных потоков капитала. На основе выборки по 36 странам экспертами МВФ разработана модель, позволяющая сделать вывод о том, что рост кредита по отношению к ВВП более чем на 5 % в год, сопровождаемый (отчасти им и вызванный) ростом цен на акции на 15 % или более, увеличивает вероятность финансового кризиса в течение двух лет на 20 %. Исследованию влияния трансграничных потоков капитала на формирование (усугубление) кризисной ситуации после глобального финансового кризиса и продолжающегося европейского долгового кризиса посвящено большое количество работ [3]. Предложен ряд показателей, измеряющих степень трансграничной интеграции страны. На их основе можно выстроить систему макропруденциального надзора за внешним долгом страны:

1) индекс трансграничной финансовой интеграции IFI — отношение суммарных зарубежных активов и обязательств к ВВП страны;

2) индекс валовых трансграничных потоков капитала (отдельно по активам FLOWA и обязательствам FLOWL) по отношению к ВВП;

3) индекс либерализации финансового счета FALI — Financial Account Liberalisation Index;

4) индекс рыночной доли иностранных банков.

Предлагается по примеру Чили регулировать временную структуру импорта капитала путем введения норм резервирования на минимальные сроки иностранных заимствований и портфельных инвестиций.

Регулятор 5 (трансграничный). Иностранные займы, торговые кредиты и другое в особых ситуациях нужно регулировать путем введения резервирования доли иностранного капитала.

Регулирование портфельных инвестиций. После снятия в конце XX в. портфельных инвестиционных ограничений потоки спекулятивных капиталов направлялись на мировые фондовые рынки, значительно повышая рыночную стоимость крупных корпораций. Существенное увеличение показателей большинства экономических индексов (в том числе средняя рыночная стоимость крупнейших предприятий страны) никоим образом не корреспондировало с балансовым капиталом, превышая последнего в десятки раз.

Во время финансово-экономического кризиса усиливающийся отток капиталов спекулятивного

характера с фондовых бирж вызывает не только давление на курс, но и резкое снижение уровня биржевых котировок, что нарушает баланс между собственным и привлеченным капиталами. Меньше стоят акции, значит, компании нужно уменьшать объемы кредитования, а также пересматривать бизнес стратегии в сторону уменьшения расходной части, а зачастую и вовсе сворачивать, что в кризисных условиях разорвет корпорации ввиду невозможности рефинансирования, поскольку большая часть кредитного портфеля обеспечена залогом ценных бумаг.

Вовремя восстановился медленный рост фондовых индексов. Наиболее быстро восстанавливаются фондовые рынки стран БРИКС.

Регулятор 6 (фондовый). Российские правила биржевой торговли могут содержать макропруденциальный норматив, который ограничивает вливания портфельных инвестиций спекулятивного характера (зачастую именно зарубежного капитала) в случае возникновения существенного разрыва между биржевыми индексами и экономическими показателями, их определяющими. Один из возможных механизмов ограничения – введение сроков запрета на продажу акций после их приобретения зарубежным инвестором). В КНР этот срок для банков собираются увеличить с 3 до 5 лет.

Регулирование ликвидности. Финансовые риски должны быть ориентированы не на средние вероятностные меры рисков (среднестатистический риск), а на пессимистические, учитывающие риски наступления экономического спада. Оценивать риски нужно не только при исторически преобладающем развитии процессов, необходимо создать методики, позволяющие видеть макроэкономическую мультипликацию рисков за счет производных инструментов при критическом течении процессов (принцип актуальных рисков на основе пессимистических критериев). Вместо множественных нормативов ликвидности банка следует разработать интегрированный динамический показатель системной ликвидности, учитывающий внешнюю финансовую ситуацию.

Регулятор 7 (ликвидности). Кредитно-финансовым организациям следует разработать и внедрить собственные динамические нормативы оценки системного риска портфеля активов, другими словами – системной ликвидности, которые бы отражали актуальную экономическую ситуацию и рисковую составляющую производных финансовых инструментов.

Пальма первенства в разработке и исследовании данной экономической области принадлежит

Базельскому комитету по банковскому надзору, в частности в 2009 г., когда были приняты поправки к подходу Базель II, названные Базель 2.5 (Basel II Enhanced). Обновления коснулись оценки рыночных рисков — увеличены коэффициенты риска по секьюритизированным инструментам. Для стран ЕЭП целесообразно также ввести повышенные коэффициенты риска на приобретение банками корпоративных облигаций. С помощью подобного приема зачастую переоформляют проблемные кредиты. Регулирование достаточности капитала. Неадекватные методики оценки риска (уменьшающие риски из-за хеджирования и открытых позиций «на покупку») неограниченно увеличивали финансовый леведж при якобы выполненном нормативе достаточности капитала. Поэтому Базельский комитет предложил заменить микропруденциальный норматив достаточности капитала (Базель II), принятый в 1996 г., на новый, получивший название Базель III.

Нормативы леведжа должны заставлять банки быть осторожнее при нарастании рисков депрессии и спада и накапливать в благополучные времена капитал и резервы, которые пригодятся в трудные времена. Регулирование леведжа должно быть динамичным (нормативы изменяются в зависимости от прогноза ситуации) и обрести макроэкономический аспект. Этого можно достичь, используя макроэкономический норматив достаточности совокупного капитала или совокупного капитала системообразующих, а также иностранных банков.

Стоит заметить, что основной регулятор пока не торопится вводить в российскую банковскую систему нормы Базель III, что связано со сложностью в получении банками долгосрочных ресурсов. «Уточнение срока введения требования позволит банковской индустрии лучше подготовиться к соблюдению норматива. При выработке решения Банк России принимал во внимание трудности доступа российских банков к долгосрочным ресурсам» [4].

Регулятор 8 (капитальный). Нормативы достаточности совокупного капитала банков и крупных корпораций следует напрямую коррелировать с волатильностью экономической динамики в рамках одного финансового цикла, принимая в расчет забалансовые обязательства наряду с системными рисками производных финансовых инструментов.

Регулирование сбережений населения и розничного потребительского кредитования. Бум потребления населения, который при определенных условиях ведет к потребительскому «пузырю» и

росту внешней задолженности, должен более тщательно отслеживаться и регулироваться центральными банками.

Наиболее простой регулируемый норматив – соотношение суммы долга и дохода заемщика. Снижение максимального лимита ограничит возможности домашних хозяйств брать новые кредиты. Возможно контрциклическое регулирование данного норматива для сдерживания межвременного проявления системного риска.

Опасна также паника среди населения – вкладчиков в банки. В нашей стране действует правило снятия срочных депозитов по первому требованию вкладчика, что в условиях финансовой нестабильности и предпосылок развития кризисной ситуации делает уязвимой кредитно-финансовый сектор экономики, что ставит задачу снижения уровня общественного беспокойства, как правило, посредством увеличения суммы страхового обеспечения, гарантии вкладов населения.

Регулятор 9 (розничного банкинга). Осуществляется мониторинг чистых кредитов населения. В зависимости от экономической ситуации в стране следует внедрить для коммерческих банков норматив соотношения совокупного объема обязательств кредитного характера заемщика и его чистого дохода, а также норматив, выявляющий соотношение объемов вкладов и кредитов населения.

Регулирование трансграничного интернет-банкинга. В начале XXI в. к крупным финансовым спекулянтам добавились сотни миллионов мелких интернет-трейдеров, которые либо хеджировали свои небольшие фондовые портфели опционами, либо занимались спекуляцией с использованием опционов на акции и валютные контракты. Именно этим обстоятельством объясняется стремительный рост сделок на рынке деривативов.

Регулятор 10 (сетевой). Требуется разработать и внедрить механизмы надзора, анализа и регулирования участия интернет-трейдеров в торговле на фондовых биржах. Таким образом, введение макропруденциального регулирования и надзора является важнейшим направлением развития механизмов обеспечения финансовой стабильности посредством:

- формирования и совершенствования институциональной структуры финансовой стабильности и макропруденциального регулирования;
- формирования системы мониторинга финансовой стабильности и макропруденциального регулирования, включая группу индикаторов кризиса;
- формирования системы инструментов макропруденциального регулирования.

При этом развитие системы макропруденциального регулирования должно быть нацелено на обеспечение стабильности финансовой системы в целом и поступательное развитие ее участников (банки, страховые компании, другие участники финансового рынка) и не должно ухудшать конкурентные позиции банков, уменьшать их прибыль. Отчасти это будет обеспечено за счет усиления влияния позитивных эффектов от интернационализации банковских систем, регулирования трансграничных потоков капитала и минимизации негативного влияния этих процессов.

Дополнительным положительным следствием концентрации в центральном банке надзора над всеми финансовыми рынками может стать создание новых источников банковского дохода:

- реализация модели коммерческого банка – финансового супермаркета: посредством филиальной сети продажа продуктов других финансовых посредников – паевых инвестиционных фондов, страховых и лизинговых компаний;
- финансовое консультирование частных лиц и компаний;
- оказание андеррайтинговых услуг на рынке корпоративных займов.

Введение изменяющихся во времени макропруденциальных инструментов в рамках расширения мандата центральных банков путем включения в него новой цели – макрофинансовой стабильности – поможет уменьшить воздействие внешних негативных процессов и сгладить экономические циклы и тем самым заложить основы антикризисной политики государства.

Разумеется, увлечение предупреждающими контрциклическими мерами в целях финансовой стабильности не должно наносить значительного ущерба эффективности трансграничного бизнеса. Каждый новый норматив, каждое страхующее мероприятие сужает возможности банковского бизнеса и его рентабельности. Проблема состоит в том, чтобы найти баланс между финансовой безопасностью и эффективностью в широком смысле.

Литература

1. Ковалев М.М., Пасеко С.И. Макропруденциальное регулирование – новая функция центробанков // Банкаўскі веснік. 2010. № 31. С. 17–24.
2. Ковалев М., Толочко Ю. Оптимальное управление иностранными активами // Вестн. Ассоциации белорус. банков. 2004. № 47. С. 32–38.

3. Handbook of Safeguarding Global Financial Stability: Political, Social, Cultural and Economic Theories and Models. Oxford, 2013.

4. Сайт Центробанка. URL: <http://cbr.ru> (дата обращения: 11.03.2015).

References

1. Kovalev M.M., Paseko S.I. Makroprudentsial'noe regulirovanie - novaya funktsiya tsentrobankov [Macroprudential Regulation - a New Function of Centrobanks].

Bankay'ski vesnik, 2010, no 31, pp. 17-24.

2. Kovalev M.M., Tolochko Yu. Optimal'noe upravlenie inostrannymi aktivami [Optimal Control of Foreign Assets]. *Vestnik Assotsiatsii belorusskikh bankov*, 2004, no 47, pp. 32-38.

3. *Handbook of Safeguarding Global Financial Stability: Political, Social, Cultural and Economic Theories and Models*. Oxford, 2013.

4. *Sait Tsetrobanka* [The site of the Central Bank]. Available at: <http://cbr.ru> (accessed 11.03.2015).

Поступила в редакцию

27 апреля 2015 г.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФИЛОЛОГИИ

УДК 333.02

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-109-113

МЕТОДОЛОГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВУЗОВ КЛАСТЕРА В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

© 2015 г. П.П. Беленький, Е.Н. Тищенко, С.Е. Черкезов, Т.Н. Шарыпова

Беленький Павел Павлович –
кандидат педагогических наук, директор,
Северо-Кавказский филиал Московского технического
университета связи и информатики,
ул. Серафимовича, 62, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: ppbel@mail.ru

Belenky Pavel Pavlovich –
Candidate of Pedagogical Sciences, Director,
North-Caucasus branch of the Moscow Technical
University of Communication and Informatics,
Seraphimovicha St., 62, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: ppbel@mail.ru

Тищенко Евгений Николаевич –
доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационных технологий
и защиты информации,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: celt@inbox.ru

Tishchenko Evgeniy Nikolayevich –
Doctor of Economy Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Information Technologies
and Information Security,
Rostov State Economic
University (RINKH),
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: celt@inbox.ru

Черкезов Савелий Евгеньевич –
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра информационных технологий
и защиты информации,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: saveliy@email.com

Cherkeзов Saveliy Evgenyevich –
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Information Technologies
and Information Security,
Rostov State Economic
University (RINKH),
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: saveliy@email.com

Шарыпова Татьяна Николаевна –
кандидат экономических наук, заведующая
кафедрой экономики и управления,
Северо-Кавказский филиал Московского технического
университета связи и информатики,
ул. Серафимовича, 62, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: tnt72@mail.ru

Sharypova Tatyana Nikolaevna –
Candidate of Economic Sciences, Head
of the Department of Economics and Managements,
North-Caucasian Branch of the Moscow Technical
University of Communications and Informatics,
Seraphimovicha St., 62, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: tnt72@mail.ru

Актуализируется значимость принятия профессиональных стандартов как социального заказа государства на современного специалиста. Определяется необходимость кластерного подхода как мобильной формы организации профессионального образования, отвечающей требованиям профессиональных стандартов. Представлены методологические подходы, определяющие внутрикластерное взаимодействие профессорско-преподавательского состава вузов, в процессе подготовки специалистов: компетентностный, научно-исследовательский, производственный, административный и интегративный.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, образовательный кластер, взаимодействие профессорско-преподавательского состава.

The article defines the significance of the adoption of professional standards as the social order of the state in the modern specialist. The authors determine the necessity of the cluster approach as a mobile form of organization of professional education that meets the requirements of professional standards. The authors present methodological approaches of intra-cluster interaction of the teaching staff of universities in the process of training: competence, research, production, administrative and integrative.

Keywords: the professional standard, the education cluster, the interaction of the faculty teaching staff.

Современная экономическая ситуация в нашей стране характеризуется неудовлетворенностью работодателей уровнем профессиональной подготовки выпускников отечественных вузов. Вариантом решения этой проблемы является переход к Национальной системе квалификаций, выступающей регулятором рынка труда и определяющей систему взаимоотношений работодателей и специалистов.

Первым этапом перехода к уровневой системе квалификаций выступает принятие профессиональных стандартов, в реестре которых на 10.03.2015 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации актуализировано 410 видов профессиональной деятельности.

В связи с профессиональной стандартизацией Минтруда России подготовил поправки в Трудовой кодекс, которые уже одобрило правительство. В частности, документ вводит новые понятия и регулирует вопросы разработки профессиональных стандартов. Так, в Трудовом кодексе появятся определения «квалификации работника» и «профессионального стандарта».

Являясь критерием развития профессиональной компетентности, такой стандарт выступает социальным заказом государства на современного специалиста, определяя траекторию его карьерного роста и профессионального развития.

Содержание профессиональных стандартов как уровневых показателей, выраженных в категории «результаты обучения», является не только ориентиром для формирования федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования, но и определяет потребность в мобильных формах организации образовательного процесса.

Одним из эффективных вариантов реализации выступает кластерный подход как особый научно-производственно-образовательный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков и потребителей образовательных услуг, объединенных общей системой подготовки профессиональных кадров, повышения их квалификации, а также развития научных и прикладных знаний для отраслей экономики и социальной сферы [1, 2].

Инновационный характер такой образовательной системы ставит задачу комплексного рассмотрения взаимодействия профессорско-преподавательского состава вузов, входящих в кластер.

В данной статье рассмотрим методологические подходы, определяющие характер профессионально-личностного взаимодействия преподавателей

вузов кластера, что позволит в дальнейшем представить анализ принципов взаимодействия, а также определить основные блоки модели такого взаимодействия.

Несмотря на возможные расхождения в интересах участников образовательного кластера, различный уровень ресурсного обеспечения, методологической основой, определяющей разнообразие форм и механизмов внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава, будут выступать следующие подходы: компетентностный, научно-исследовательский, производственный, административный и интегративный.

Компетентностный подход внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава основан на использовании и развитии научно-образовательного потенциала кластерообразующих вузов, на базе которых реализуются оригинальные учебные программы профессиональной подготовки кадров, отличающиеся высоким качеством подготовки специалистов и обеспечивающие кластеру высокую конкурентоспособность не только на региональном рынке труда, но и за его пределами. При этом конкурентоспособность складывается не только за счет актуальности образовательных программ подготовки и их ориентации на инновационные и высокотехнологичные сферы производств, но и за счет целенаправленного повышения компетентностного уровня профессорско-преподавательского состава, в том числе и путем активного развития системы послевузовской системы профессиональной подготовки преподавателей.

Учитывая тот факт, что профессиональный стандарт в качестве критериев развития специалистов определяет уровень их компетентности, а из 800 разрабатываемых стандартов 120 будут регламентировать деятельность преподавательского состава системы образования, значимость компетентностного подхода внутрикластерного взаимодействия актуализируется социально-экономической ситуацией.

Именно поэтому для компетентностно ориентированных образовательных кластеров характерна высокая концентрация различных внутривузовских компонентов, а макрорегиональные возможности повышения профессиональной компетентности создают благоприятные условия для развития и укрепления различных видов взаимодействия профессорско-преподавательского состава.

В связи с тем, что для структур этого образовательного кластера характерна высокая степень территориальной связанности его партнерских субъектов, то пространственная организация кла-

стера способствует обеспечению высокой мобильности взаимодействия участников образовательного процесса, обеспечивая его взаимодополнение, высокое качество и уровень получаемых результатов. Причем речь идет не только о мобильности преподавателей, но и студентов как субъектов внутрикластерного образовательного процесса. Именно поэтому часто основная деятельность такого кластера разворачивается в пределах одного города, например, крупного административного, образовательного или промышленного центра.

Научно-исследовательский подход внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава обеспечивает функционирование в условиях поддержки и развития стратегического кластерного партнерства с образовательными, научными и научно-исследовательскими учреждениями в профессиональной сфере.

Именно научно-исследовательская основа кластера во многом определяет уровень инновационности всех сторон его образовательной деятельности, включая анализ рынка труда и востребованности конкретных специалистов, разработку оригинальных учебных программ, применения современных эффективных форм и средств обучения на основе инновационных образовательных технологий. Помимо этого данный подход позволяет эффективно осуществлять подготовку грантовых заявок научных конкурсов, значительно повышает шансы на получение финансирования, совместное участие в реализации выигранных грантов, позволяет проводить совместные научные исследования и осуществлять коллективную публикацию научных результатов, что заметно усилит их научный вес как кластерной работы. Интеграция материально технического потенциала организаций-участниц дает возможность на новом качественном уровне проводить различные по уровню, виду и содержанию научные мероприятия.

Осуществление межвузовского внутрикластерного руководства студенческими научными исследованиями, а в итоге освоение студентами новых методов и средств научных исследований, новых технологий производства, вовлечение студентов в процессы внедрения и промышленного освоения различных технологических нововведений на внутрикластерной базе – все это способствует формированию высококвалифицированного и компетентного специалиста.

Для структур этого типа взаимодействия профессорско-преподавательского состава образовательного кластера характерна невысокая степень территориальной связанности его партнерских субъектов,

поскольку пространственная организация кластера во многом определяется спецификой организации и проведения научно-исследовательских работ и осуществления различных научно-технических экспериментов.

Современные формы организации научно-исследовательской и научно-технической деятельности не обязательно должны сопровождаться высокой мобильностью участников кластерного взаимодействия, хотя бы потому, что научно-исследовательский процесс в большинстве случаев представляет собой коллективный труд, и в настоящее время в связи с развитием возможностей сетевого информационного взаимодействия научные коллективы все больше приобретают виртуальную форму организации. Другими словами, участники партнерского кластерного взаимодействия, вовлеченные в научно-исследовательский процесс, географически могут располагаться на достаточно больших расстояниях и их удаленное местоположение друг от друга не может принципиально влиять на качество и сроки выполнения научно-исследовательских работ.

Производственный подход внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава опирается на взаимовыгодное партнерство с предприятиями и отраслями инновационной экономики, где востребованы специалисты по конкретной профессиональной деятельности.

Главная задача этого типа взаимодействия заключается в организации и осуществлении подготовки высококвалифицированных и компетентных кадров. Ориентация на производственный подход ставит своей целью организацию и развитие совместных партнерских учебно-производственных взаимодействий на базе таких структур, как учебные производства, базовые кафедры на предприятиях отрасли, учебно-производственные центры и подразделения, центры освоения технологических процессов производства, технопарки, инновационно-технологические центры, инновационно-промышленные комплексы и т.д.

Цель таких партнерских взаимоотношений заключается в создании условий для максимального погружения студентов в специфику будущей профессиональной деятельности, знакомство с организационно-структурными компонентами профильных организаций; по взаимодополняющим сопровождениям руководителей практики – освоение и управление сложными и наукоемкими технологическими процессами, характерными для современных отраслей инновационной экономики.

Этому способствует, например, создание в составе отраслевых образовательных кластеров биз-

нес-инкубаторов и венчурных фирм, широко практикующих в своей деятельности применение не только технологических инноваций, но и современных научных знаний и навыков администрирования и управления внедренческими процессами. Эти процессы реализуются в том числе и на основе компьютерных методов моделирования и прогнозирования развития сферы инновационной экономики и научно-технического прогресса. Этот факт подчеркивает внутреннюю органическую взаимосвязанность образовательных, научно-исследовательских и производственно-инновационных кластерных структур, характер, интенсивность и формы реализации которой всецело зависят от общих стратегических целей участников образовательного кластера.

Для взаимодействия профессорско-преподавательского состава в рамках данного подхода характерна достаточно высокая степень территориальной связанности его партнерских субъектов. В этих целях федеральные и региональные органы исполнительной власти стимулируют возникновение и развитие партнерских учебно-производственных связей между учреждениями высшего и среднего профессионального образования, с одной стороны, и отраслевыми предприятиями и производствами – с другой. При этом следует отметить выход взаимодействия профессорско-преподавательского состава за административные границы региона с проявлением межрегионального характера.

Административный подход внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава, где главной движущей силой формирования и развития региональных образовательных кластеров являются региональные органы исполнительной власти, включая административные и отраслевые органы управления федерального, регионального и местного уровня.

Во многих субъектах Российской Федерации региональные образовательные кластеры рассматриваются в качестве основного инструмента реализации комплексной региональной политики, их устойчивого социально-экономического развития, поддержки надлежущей межрегиональной конкурентоспособности и ресурсного самообеспечения. Интересы регионального образовательного кластера связаны с формированием интегрированных кластерных структур, в состав которых на равных условиях входят образовательные, научно-образовательные и учебно-производственные компоненты.

Для данного подхода характерно сочетание вертикальных и горизонтальных партнерских взаимодействий по всем направлениям деятельности кластера, наряду с профессионально-внутрикластерным

актуализируется значимость и межкластерных взаимоотношений.

Следует отметить и о такой категории рисков, как административная составляющая кластерной структуры подготовки специалистов, которая в состоянии создавать барьеры для внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава. В этом случае налицо негативный, поляризационный вариант управленческих решений, ведущих к затуханию различных вариантов и видов контактов между профессорско-преподавательским составом, снижению качества образовательного процесса и как следствие отрицательного примера кластерной организации системы подготовки специалиста.

Но административный ресурс может иметь положительное влияние на организацию и последующее развитие внутрикластерного взаимодействия за счет оперативного решения возникающих проблем, требующих именно административного подхода. Ориентация на общие цели, понимание значимости совместных усилий, отказ от бюрократического начала являются приоритетными составляющими административного метода в организации внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава.

Интегративный подход внутрикластерного взаимодействия профессорско-преподавательского состава предусматривает отказ от жесткого разграничения в восприятии профессорско-преподавательским составом аудиторной и внеаудиторной преподавательской деятельности. Только комплексный подход, интегрирующий эти две стороны образовательного процесса, позволит создать благоприятную атмосферу как для развития различных форм взаимодействия преподавателей, так и повысить общую эффективность подготовки профессионалов.

Несмотря на явные различия, как по формам деятельности, так и по методам реализации, аудиторная и внеаудиторная преподавательская деятельность имеет основополагающие принципы, регулирующие этику и психологию межличностного взаимодействия между преподавателями как коллегами, а также взаимоотношения между преподавателями и студентами как субъектами образовательного процесса.

Особенно следует остановиться на творческой, неформальной атмосфере внеаудиторной работы, способствующей установлению и развитию межличностных контактов, позволяющих выявить не только профессиональные, но и научные, индивидуальные интересы преподавателей, участников

внутрикластерной подготовки специалистов. Установление подобных отношений между педагогами способствует снижению возникновения рисков в образовательном процессе, позволяет решать возможные противоречия и возникающие проблемы по различным аспектам образовательной деятельности конструктивно, на основе взаимоуважения, в русле корпоративных товарищеских взаимоотношений.

В заключение следует отметить значимость ориентации на интегративность и комплексность всех вышеперечисленных подходов как эффективной методологической основы взаимодействия профессорско-преподавательского состава вузов кластера.

Литература

1. Горетов И.Н. Роль специализации в региональном кластерном развитии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 5.

2. Смирнов А.В. Теоретические подходы к образовательным кластерам в системе профессионального образования // Психология, социология и педагогика. 2012. № 12 [Электронный ресурс]. URL: [http:// psychology.snauka.ru](http://psychology.snauka.ru) (дата обращения: 11.01.2015).

References

1. Goretov I.N. Rol' spetsializatsii v regional'nom klasterenom razvitii [The Role of Specialization in the Regional Cluster Development]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2009, no 5.

2. Smirnov A.V. Teoreticheskie podkhody k obrazovatel'nym klasteram v sisteme professional'nogo obrazovaniya [Theoretical Approaches to the Education Cluster in Vocational Education]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2012, no 12 Available at: [http:// psychology.snauka.ru](http://psychology.snauka.ru) (accessed 11.01.2015).

Поступила в редакцию

25 марта 2015 г.

УДК 81.01/08

DOI 10.18522/0321-3056-2015-3-113-117

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЭССЕ КАК КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2015 г. Т.Б. Чернухина, А.Ю. Чернухин

Чернухина Татьяна Борисовна – старший преподаватель, кафедра английского языка гуманитарных факультетов, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: kanavow@gmail.com

Chernukhina Tatyana Borisovna – Senior Lecturer, Department of English Language of Humanitarian Faculties, Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: kanavow@gmail.com

Чернухин Андрей Юрьевич – старший преподаватель, кафедра теории и истории мировой литературы, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: a_cher@inbox.ru

Chernukhin Andrew Yurevich – Senior Lecturer, Department of Theory and History of World Literature, Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: a_cher@inbox.ru

Рассматривается проблема места и роли академического эссе в формировании коммуникативной иноязычной компетенции. Уточняются сложившиеся представления о жанровой природе эссе и формулируется отличие его от эссе академического. По мнению авторов, поднятая проблема требует выработки особого единого теоретического и методического осмысления, чтобы снять противоречия между практическим и теоретическим подходами. Исходя из теории речевых жанров М. Бахтина, анализируя специфику бытования эссе в современной культуре и его роль в процессе обучения, авторы приходят к выводу о необходимости выделения академического эссе в отдельный жанр.

Ключевые слова: академическое эссе, коммуникативная иноязычная компетенция, жанр, практический подход, теоретический подход, высшее образование, международное тестирование, письменная речь.

The article touches upon the place and function of an academic essay in forming the communicative competence of a foreign language. The main aim of the article is to specify the existing concept of an essay as a genre and to formulate the dif-

ferentiating features of an academic essay. According to the authors, the problem requires a separate unified theoretical and methodical comprehension, so the article is aimed at elimination of contradiction between practical and theoretical approaches. In terms of Bakhtin's speech genre theory, analyzing the specific character of essay existence in modern culture and its role in the educational process, the authors conclude that an academic essay is worth being defined as a separate genre.

Keywords: *academic essay, communicative foreign language competence, genre, practical approach, theoretical approach, tertiary education, international testing, written discourse.*

Формирование коммуникативной иноязычной компетенции – главная цель сегодняшнего обучения иностранному языку в школе и вузе – комплексный процесс, дающий обучающимся возможность получить более глубокие знания о мировой культуре, а также приобрести совершенно необходимые в современном мире практические навыки общения.

Состав коммуникативной компетенции является многокомпонентным [1, с. 8], каждый компонент предполагает овладение тем или иным коммуникативным приемом, вплоть до умения выходить из положения в условиях дефицита языковых средств, однако образовательный процесс все равно сводится в конечном итоге к обучению главным языковым навыкам: устной речи, восприятию на слух, чтению и письменной речи. И если первые три навыка подаются в школах и вузах в достаточном объеме, последнему, к сожалению, до недавнего времени доставалось меньше внимания.

Одной из причин этого явления, как мы уже отмечали [2, с. 184], являлась кажущаяся нецелесообразность письма с практической точки зрения на родном или иностранном языке в условиях современных визуальных коммуникационных возможностей. К тому же формирование параллельной письменной традиции, ассоциируемой с Интернет и характеризующейся аббревиатурностью и отсутствием синонимов, возможно, создавало ощущение «потери» настоящего письменного языка, который помимо коммуникативной функции выполняет еще целый ряд сложнейших социально-культурных задач. Конечно, неоспоримой признавалась польза от умения составить или перевести документ (однако для этого существовали специалисты-переводчики) или вести деловую переписку (но это в рамках ESP).

В настоящее время становится совершенно очевидным, что письменная традиция Интернет, продолжая формироваться и развиваться, успешно сосуществует с общепринятой. Наблюдается взаимопроникновение этих двух традиций – процесс интересный и достойный стать предметом отдельного исследования. Например, современные мобильные устройства ввиду отсутствия в них полноценной клавиатуры повсеместно оснащаются

разнообразными подсистемами ввода, облегчающими набор текста с цифровой клавиатуры или сенсорного экрана. Такие подсистемы могут отличаться по функциональным возможностям и принципу действия, однако во всех случаях предполагают наличие словаря, который используется для автодополнения вводимого текста, автозамен, подстановок и др. На первый взгляд может показаться, что это облегчает написание человеку неграмотному. На самом же деле эта система стимулирует правильное написание и даже учит ему. Однако все это скорее относится к родному языку.

А что же представляет из себя письменная речь как компонент коммуникативной иноязычной компетенции? И какое место в этом компоненте отводится академическому эссе, сколь оно сопоставимо с практическими нуждами современного участника коммуникативного процесса? Почему в современных условиях мгновенной визуальной коммуникации письменной речи стоит уделять такое же внимание, как и устной?

Вначале обратимся к теории. Как соотносится жанр академического эссе с эссе литературным? М. Эпштейн говорил об эссеизации литературы в XX в., отмечал, что эссеизируются самые разные литературные жанры – роман, новелла, драма, поэма и т.д. Литературой этот процесс не ограничивается: эссеизируется философия, да и вообще вся область гуманитарного знания. Эссеистический дискурс проникает не только во все сферы словесного творчества, но и пронизывает все аспекты речевой деятельности. Эссе зачастую подменяет собой жанр философского трактата, научной или публицистической статьи, очерка или газетной заметки. Эссеизм превращается в общекультурный феномен и даже «внутренний двигатель культуры Нового времени» [3, с. 380]. Этот процесс достигает невероятных масштабов на рубеже XX–XXI вв. с ростом числа людей, вовлеченных в сеть Интернет – эссеистика (или псевдоэссеистика) и эссеистический стиль очевидно доминируют в блогосфере. Действительно происходит своего рода «глобальная эссеизация» [4, с. 5].

При этом феномен эссе существует как бы в двух плоскостях – теоретической и практической – которые почти не соприкасаются. Теоретическое

осмысление эссе как жанра еще не завершено. Л.Г. Кайда относит его к «слабо структурированным жанрам» [4, с. 6]. Наиболее часто в качестве признаков эссе указываются свободная композиция; ярко выраженное субъективное, авторское начало; актуализированность, соотнесенность с настоящим; пограничное положение, отсутствие выраженной жанровой принадлежности; космополитичность и универсальность; разговорная интонация и лексика. «Эссе может быть философским, беллетристическим, критическим, историческим, автобиографическим... – но суть в том, что оно, как правило, бывает всем сразу» [3, с. 341]. В то же время не менее существенным признаком эссе признается «наличие конкретной темы» [3, с. 337], которая, даже будучи сформулированной весьма широко, утрачивает всеобщность, оказывается частной и предметно очерченной.

Традиционно эссе воспринимается как нечто парадоксальное, изменчивое, аморфное. Многожанровость и междисциплинарность оказываются обязательными качествами эссеистики. Абсолютная свобода эссеистического творчества («эссе – это словесность в чистом виде») позволяет говорить о его принципиальной «неопределимости». В итоге – отсутствие детально разработанной теории жанра и четких дефиниций, понятие «эссе» становится настолько широким, что им можно обозначить все, что угодно.

В практическом же плане ситуация прямо противоположная. Академическое эссе рассматривается как одна из форм оценки знаний или общего интеллектуального уровня, как форма аттестации, и к нему предъявляются четкие требования.

Дело в том, что академическое эссе как на родном, так и на иностранном языке выполняет несколько очень важных функций.

Прежде всего, создавая эссе, обучающийся тренируется логически выражать собственные мысли. Строгая организация, следование теме, разбивка на параграфы, использование связующих слов и выражений, все это в конечном итоге вносит свой вклад в общую картину «образованности» студента, а в дальнейшем и «подготовленности» специалиста. Умение четко логически выражать свои мысли как устно, так и письменно напрямую ассоциируется с представлением о карьерном росте и успехе.

Проверка знаний в письменном виде – часть всеобщей мировой практики в сфере высшего образования. Помимо традиционных курсовых, квалификационных и дипломных работ сегодня существуют такие формы проверки, как эссе-

исследование на выбранную студентом узкую тему, даже необязательно по профилирующей дисциплине. Повышенное внимание и строгость по отношению к плагиату в наши дни, а также легкость проверки работы на плагиат, заставляют студента самостоятельно создавать текст или применять «рерайтинг» (rewriting), метод не всегда корректный, но предполагающий умение перефразировать, а следовательно, хорошо владеть навыком использования различных грамматических структур, а также обладать хорошим словарным запасом в целях использования синонимов. Отметим, что методика перефразирования – очень хороший способ обучения написанию академического эссе на иностранном языке.

Формат международных тестов на знание иностранного языка, например, IELTS и TOEFL, DELF или DALF, в обязательном порядке предусматривает написание эссе, демонстрирующее мнение тестируемого по конкретной проблеме, требующее аргументации «за» или «против», предлагающее возможные варианты решения конкретных проблем. Такое эссе проверяет умение развить тему, логически организовать текст, оперировать лексикой по конкретной тематике и, конечно же, владение грамматикой иностранного языка на должном уровне. Однако здесь проверяется также и способность к критическому мышлению, быстрота обработки информации и формулирование вывода, то есть, критерии, выходящие за пределы иноязычной компетенции и характеризующие общие способности человека, как личности, что немаловажно для академического обмена и научного сотрудничества.

Известно, каким должно быть академическое эссе. Существуют правила написания и правила оценивания эссе. Композиция жестко структурирована, критерии оценки формализованы. А значит, можно научить писать эссе. Однако обучение написанию эссе на иностранном языке имеет свою специфику, и человек, успешно создающий эссе на родном языке, после освоения базы иностранного языка и даже набравший неплохой словарный запас, совершенно необязательно успешно напишет эссе на иностранном.

Авторы исходят из основополагающей мысли М. Бахтина о том, что речевые жанры организуют и структурируют нашу речь во всех сферах устного или письменного общения. Бахтин подчеркивал, что речевой замысел «применяется и приспосабливается к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме», причем каждая сфера использования языка вырабатывает

свои относительно устойчивые типические формы построения высказываний. Для Бахтина эта идея настолько фундаментальна, что, по его словам, «если бы речевых жанров не существовало и мы не владели бы ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение, обмен мыслями, было бы почти невозможно» [5, с. 181].

Отметим, что эти рассуждения Бахтина в цитируемой работе относятся, в первую очередь, к владению родным языком, но вполне приложимы и к изучению иностранного языка, правда, с некоторыми уточнениями. Действительно, речевые жанры усваиваются носителем языка почти так же, как и сам родной язык, без обязательного теоретического изучения грамматики или синтаксиса. «Родной язык – его словарный состав и грамматический строй – мы узнаем не из словарей и грамматик, а из конкретных высказываний, которые мы слышим и которые мы сами воспроизводим в живом речевом общении с окружающими нас людьми» [5, с. 181]. Усвоение речевых жанровых форм при изучении иностранного языка вне естественной языковой среды происходит несколько иным путем. Конечно, и в этом случае необходимо наличие определенных образцов, шаблонов, но они преподносятся интенционально, в качестве таковых, и в меньшей степени воспринимаются интуитивно, как бы сами собой.

В освоении иностранного языка можно проследить те же связи, что присущи начальному этапу освоения родного языка ребенком в первые 6-7 лет жизни: слышу-вижу-понимаю-говорю-читаю-пишу. Вот почему умение понимать на слух, читать и переводить – это не только необходимые навыки в освоении иностранного языка, но и обязательные предшественники обучения письменной речи.

В связи с этим очень эффективными являются разнообразные пред-письменные задания, такие как аудирование, сбор информации в виде текстов или статей, устное обсуждение темы с фиксацией ключевых моментов в виде пронумерованного списка, диаграммы и т.п.

Хорошим способом отработки письменного навыка, в особенности на ранних этапах обучения, является так называемое «guided essay», когда обучающимся предлагается не только тема, но и список ориентировочных задач или вопросов, ответы на которые в сущности и составляют основную часть эссе. В виде вопросов студенты полу-

чают не только помощь содержательно-логическую, но также и грамматическую.

Например, если выбрана тема для эссе: «What are the main ecological problems in your country and what do people do in order to solve them?», студентам могут быть предложены следующие ключевые вопросы:

- What are the main sources of pollution in your country /city?
- Are local people ecologically-concerned?
- What does the government do about ecological issues?
- Describe at least three things you or other ordinary people can do to improve the ecological situation in your country/city.

В группе более продвинутого уровня эти и многие другие ключевые моменты могут быть наработаны в процессе совместного обсуждения или методом «мозгового штурма». Таким же образом можно предложить аудитории составить глоссарий по теме, а также подобрать необходимые лексико-грамматические и идиоматические конструкции.

Можно, конечно, рассуждать о том, что подобный формализованный подход противоречит самой сути эссе как жанра, что он убивает творческое начало, что творчеству научить нельзя [4, с. 81]. Но подобные рассуждения не учитывают современные реалии. А они таковы, что умение писать эссе оказывается одним из необходимых практических умений. Причина явно выраженного антагонизма двух подходов – теоретического и прагматического – заключается, как нам кажется, в том, что специфические признаки литературного эссе механически переносятся на эссе академическое. А отсюда – неприятие любых практических рекомендаций, любых упражнений и заданий, направленных на выработку конкретного навыка. В действительности же академическое эссе по существу уже выделилось в самостоятельный жанр и потому требует выработки особого единого теоретического и методического осмысления.

Литература

1. Биболетова М.З., Грачева Н.П., Соколова Е.Н., Трубанева Н.Н. Примерные программы среднего общего образования. Иностранные языки. М., 2005.
2. Чернухина Т.Б. Развитие навыков письменной речи с учетом современных требований к проверке знаний // Язык и межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы. Вып. 7. Ростов н/Д., 2009.

3. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX веков. М., 1988.
4. Кайда Л.Г. Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. М., 1997. Т. 5.

References

1. Biboletova M.Z., Gracheva N.P., Sokolova E.N., Trubaneva N.N. *Primernye programmy srednego obshchego obrazovaniya. Inostrannye yazyki* [Approximate Programs of Secondary Education]. Moscow, 2005.

2. Chernukhina T.B. *Razvitie navykov pis'mennoi rechi s uchetom sovremennykh trebovaniy k proverke znaniy* [Development of Writing Skills in Accordance with Modern Requirements for Knowledge Test]. *Yazyk i mezkul'turnaya kommunikatsiya: problemy i perspektivy*. Vol. 7. Rostov-on-Don, 2009.

3. Epshtein M. N. *Paradoksy novizny: O literaturnom razviti XIX-XX vekov* [Paradoxes of Novelty: on the Literary Development of the XIX-XX Centuries]. Moscow, 1988.

4. Kaida L.G. *Esse: stilisticheskii portret* [Essay: Stylistic Portrait]. Moscow, 2008.

5. Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. *Col. W.:* in 7 vol., vol. 5. Moscow, 1997.

Поступила в редакцию

20 июля 2015 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам туризоведения (Ростов-на-Дону, 10–14 апреля 2015 г.)

В конференции, которая проходила в Южном федеральном университете, приняли участие представители Харьковского национального университета (Украина), Ереванского госуниверситета (Армения), Гродненского государственного аграрного университета (Беларусь), Бакинского университета бизнеса (Азербайджан), Астраханского государственного технического университета, Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), Алтайского госуниверситета им. И.И. Ползунова (Барнаул), Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), целого ряда университетов Северного Кавказа: Чеченской Республики, Кабардино-Балкарии и др.

Конференцию открыл сотрудник одного из крупнейших туроператоров России, заместитель директора ростовского представительства «Корал Тревел» А.В. Панашела. Свой доклад он посвятил мероприятиям, направленным на решение проблем, связанных с кризисом в туриндустрии, сложившимся после роста курса валют и снижения турпотока в целый ряд стран. Он заострил внимание участников конференции на развитии направлений внутреннего туризма, в частности Олимпийского Сочи и других регионов Черноморского побережья.

После пленарного заседания работа конференции была продолжена в 5 секциях. Кроме того, работали два круглых стола (в формате открытых заседаний студенческих научных обществ), в том числе секции английского и немецкого языка. Такие доклады, как «Erholungsparadiese vor den Toren Berlins (das Bundesland Brandenburg)», «Insel Rügen als beste Wahl für Badereise in Deutschland», «Erlebnistourismus am Beispiel der Reise nach Köln», удачно дополнили программу и сделали ее более авторитетной.

На заседании секции «Социально-экономические предпосылки развития туристской индустрии и проблемы туристских кластеров; современные технологии в туризме» выступили 13 студентов из четырех вузов России. Темы докладов касались проблем развития туристского бизнеса и, в частности, туроператорских и турагентских компаний в условиях отраслевого кризиса, перспектив формирования туристских кластеров и организации региональной туристской инфраструктуры, функционирования коллективных средств размещения,

международных и российских нормативно-правовых основ туризма.

Первое место занял доклад А.И. Яицковой, студентки 2-го курса бакалавриата направления подготовки «Регионоведение» (Институт социологии и регионоведения ЮФУ) на тему «Банкротство туристских фирм в Российской Федерации в 2014 г.: причины, последствия, перспективы»; научные руководители: доцент Г.П. Долженко, доцент А.В. Сериков.

Второе место – доклад К.В. Полошковой, студентки 1-го курса магистерской программы «Организация и технологии международного и внутреннего туризма» направления подготовки «Туризм» (Высшая школа бизнеса ЮФУ) на тему «Проблемы специализации туристских кластеров на примере Ростовской области»; научный руководитель: доцент Р.И. Сухов.

Третье место было присуждено А.В. Лапченко – студентке 4-го курса бакалавриата направления подготовки «Туризм» (ДГТУ, факультет права, сервиса и туризма) на тему «Технологии предоставления туристских услуг для граждан с ограниченными возможностями»; научный руководитель: доцент И.В. Кедрова; и Е.В. Регрут – студентке 1-го курса бакалавриата направления подготовки «Туризм» (Высшая школа бизнеса ЮФУ) на тему «Анализ инноваций в сфере мирового туризма»; научный руководитель: преподаватель кафедры туризма Е.А. Воронина.

В работе секции «Историко-культурные туристские ресурсы регионов России и мира; проблемы краеведения, экскурсионного дела, актуальные направления туризма» участвовало 28 чел., заслушано 9 докладов, посвященных анализу объектов культурно-исторического наследия различных регионов России, их сохранению и вовлечению в сферу туризма. Обсуждались проблемы создания новых туристских продуктов для развития туристской отрасли регионов. По результатам обсуждения были присуждены:

Первое место – Ю. В. Светоносковой, студентке 1-го курса магистратуры ЮФУ, кафедры политологии за доклад на тему «Проблемы эффективного вовлечения объектов историко-культурного наследия и ландшафтов Волгоградской агломерации в сферу туризма».

Второе место – А. А. Гаспарян, студентке 1-го курса магистратуры Института математики и есте-

ственных наук Северо-Кавказского федерального университета за доклад на тему «Этнографический вид туризма в Ямало-Ненецком автономном округе».

Третье место – Н. Н. Саяпиной, студентке 2-го курса магистерской программы «Организация и технологии международного и внутреннего туризма» направления подготовки «Туризм» (Высшая школа бизнеса ЮФУ) за доклад на тему «Оценка историко-культурного потенциала Туапсинского района»; научный руководитель проф. О.В. Ивлиева.

На секции «Природные туристско-рекреационные ресурсы России и мира» было заслушано 15 докладов. Стоит отметить очень высокий научный потенциал докладов и самих докладчиков. Ряд работ носил не только теоретический, но и в большей степени прикладной характер. Все участники секции выразили желание продолжать работать по темам своих исследований и на следующий год представить свои дальнейшие научные результаты.

Первое место заслужили Ю.В. Иванова, Н.В. Шустикова, представившие Туристический атлас Саратовской области, который они сделали самостоятельно (студенты 5-го курса Саратовского госуниверситета).

Второе место жюри единодушно присудило вышавшему большой интерес докладу М.К. Селиверовой «Развитие спелеотерапии как вида лечебного туризма в мире и России». Научный руководитель: старший преподаватель кафедры туризма ВШБ ЮФУ Т.П. Нечипорова. Третье место – докладу Н.А. Семехиной «Использование туристско-рекреационного потенциала (на примере Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан)».

Второй день конференции был посвящен мастер-классу старшего преподавателя кафедры туризма Высшей школы бизнеса Л.И. Помахиной «Новое в загородной экскурсии на примере экскурсии Ростов-на-Дону – станция Старочеркасская – Ростов-на-Дону».

О.В. Ивлиева, Р.И. Сухов

Вторая межрегиональная научно-практическая видеоконференция «Гендерные взаимодействия обучающихся в полиэтнической среде» (Ростов-на-Дону – Краснодар, 2 апреля 2015 г.)

Конференция состоялась на базе Южного федерального университета и Краснодарского университета МВД России при участии Ростовского юридического института МВД России.

Организаторами и научными консультантами студентов и курсантов выступили:

– Л. А. Савченко – профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения ЮФУ;

– Н. А. Вялых – старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ;

– Д. Н. Брайко – преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения ЮФУ;

– Е. О. Кубякин – начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

– Е. В. Гришай – профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

– С. Ф. Самойлов – профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

– Г. С. Працко – профессор, заместитель начальника Ростовского юридического института МВД России по научной работе;

– И. М. Вакула – профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических

дисциплин Ростовского юридического института МВД России;

– Е. С. Палухина – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

С приветственным словом к участникам конференции обратились Л. А. Савченко, Е. В. Гришай, Е. С. Палухина и Н. А. Вялых. В своем докладе Е. В. Гришай осветила гендерный аспект профессиональной занятости сотрудника полиции и ее влияние на сферу семейных отношений. Л. А. Савченко и Н. А. Вялых поделились с коллегами практическим опытом и методическими наработками преподавания этносоциологии и гендерной социологии в высшей школе, акцентируя внимание на необходимости формирования этнической и гендерной толерантности как у служителей закона, так и в обществе в целом.

В этом году участники конференции – курсанты и студенты – подняли в своих докладах следующие проблемы: гендерная идентичность мужчины и женщины – будущих офицеров полиции; мотивация выбора, перспективы карьерной траектории и личной жизни женщин в силовых структурах; гендерные и этнические стереотипы в профессиональной среде блюстителей правопорядка.

Наиболее оживленную дискуссию среди участников конференции вызвали существующие подходы к конструированию социального портрета современного сотрудника полиции и противоречия

социокультурной репрезентации образа полицейского в общественном сознании. Так, курсант Ростовского юридического института МВД России П. Ю. Рыбакин подчеркнул, что средства массовой информации транслируют обществу преимущественно негативный образ «плохого» полицейского, игнорируя при этом маленькие и большие подвиги, которые, рискуя своей жизнью и здоровьем, совершают российские полицейские каждый день.

Научные споры среди участников видеоконференции разгорелись и вокруг вопроса о ценностной обусловленности проявлений маскулинности, фемининности и андрогинности у девушек-курсантов вузов системы МВД России. Курсант Краснодарского университета МВД России А. В. Ключникова, опираясь на данные социально-психологической диагностики моральных качеств девушек-курсантов, пришла к выводу, что не только полицейская служба, но и даже обучение в высшем образовательном учреждении казенного типа приводит к маскулинизации и огрублению отдельных сегментов когнитивной, поведенческой и эмоциональной подсистем личности женщины.

Вместе с тем участники конференции сошлись во мнении о возможности рациональной гендерной сегрегации в трудовой сфере МВД России, поскольку есть должности и соответствующий им круг обязанностей, с которыми в силу биосоциальной природы и психологического склада лучше справляются женщины, а есть традиционно «мужские» профессии и обязанности, с которыми эффективнее справляются мужчины.

Студенты Института социологии и регионоведения ЮФУ в своих научных сообщениях сместили смысловой центр на мотивы вступления женщин в вооруженные силы, эмпирические индикаторы гендера и этничности сотрудника полиции как факторов формирования социального доверия общества к представителям власти, масштабы гендерной асимметрии в сфере властных отношений.

Студент-социолог Х. М. Дзаурова обратила внимание коллег на тот факт, что если в целом по России «позволить» женщине учиться, работать, строить карьеру наравне с мужчиной стало естественным уже давно, то во многих республиках

Северного Кавказа это практикуется только последние десятилетия. Ввиду патриархальности и традиционности жизненного уклада женщины республик Северного Кавказа больше подвержены влиянию гендерных и этнических стереотипов, которые блокируют доступ к образованию в подведомственных МВД вузах. Однако исторически в ситуации военных действий кавказская женщина зачастую выступала защитницей Родины и миротворцем в военных конфликтах.

Ряд вопросов перед коллегами из Ростовского юридического института МВД России и Краснодарского университета МВД России в своем докладе поставила студентка Института социологии и регионоведения ЮФУ С. В. Василенко: требуется ли подготовка особых «региональных» специалистов МВД и существует ли она на практике, можно ли расценивать некоторые «поблажки» для девушек-курсантов (более комфортное размещение, пониженные спортивные нагрузки и требования режима) как дискриминацию, нужно ли раздельно обучать девушек и юношей – будущих полицейских? В своих ответах курсанты подчеркнули, что сотрудник полиции, безусловно, обязан понимать и учитывать материальные и духовные ценности регионального социума в его этнокультурном многообразии, поскольку даже восприятие мужчины или женщины в форменной одежде у граждан в зависимости от воспитания и традиций может существенно отличаться. Но, как заметили преподаватели, закон и образовательные стандарты предъявляют ко всем обучающимся и сотрудникам, независимо от гендерного и этнического своеобразия, единые требования.

Представляется, что круг идей и концепций, сгенерированных и апробированных в ходе живого обмена мнениями, в полной мере раскрывает всю сложность и многомерность таких перспективных гуманитарных направлений, как гендерные, этносоциальные, социально-политические исследования, в междисциплинарном дискурсе социологической науки и философии права. В завершение конференции организаторы выразили желание и дальше продолжать сотрудничество, расширяя диапазон совместных научно-исследовательских проектов.

Л.А. Савченко, Н.А. Вялых

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013. 686 с.

В мае 2013 г. в Осетии в издательстве «Проект-Пресс» вышла в свет «Осетинская этнографическая энциклопедия» с предисловием экс-главы Республики Северная Осетия-Алания доктора политических наук Т.Д. Мамсурова. Авторский коллектив в течение примерно 10 лет работал над уникальным изданием. Трудно переоценить его значение для ученых обеих Осетий. Нет необходимости говорить об актуальности в силу очевидности. Научный проект, у истоков которого стоял видный осетинский ученый, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Л.А. Чибиров, известный за пределами Осетии своими этнографическими разработками, был встречен специалистами и любителями истории, этнографии, фольклора и мифологии Осетии с большим интересом.

Энциклопедию отличает новизна подходов, концептуальная стройность, высокий профессионализм авторского коллектива и большая скрупулезность в подборе всех материалов, вошедших в нее. Энциклопедия насчитывает более четырех с половиной тысяч словарных статей, которые включают в себя различные биографии, пояснения, комментарии общепринятых осетинских терминов, а также научное объяснение некоторых спорных, не до конца исследованных понятий.

Рецензируемый научный труд относится к ряду фундаментальных исследований. Необходимо отметить большую плодотворную работу, проведенную авторским и редакционным коллективом на высоком профессиональном уровне. Заслуживает особой благодарности директор издательства «Проект-Пресс» Ж.Г. Козырева, которой помогли Н.Ф. Василенко в качестве художественного оформителя, а также А.Г. Царахова как многоопытный редактор. В общей сложности над энциклопедией работали более тридцати специалистов, являющихся не только известными и солидными учеными Северной и Южной Осетии (в основном сотрудники СОИГСИ), но и авторитетные профессионалы из Москвы и Санкт-Петербурга.

При чтении энциклопедии вырисовывается вся жизнь осетин с древнейших времен до наших дней. В ней сосредоточены все аспекты материальной, хозяйственной, культурной, политической, духовной жизни осетинского народа. Дается характеристика социального и общественного строя на различных этапах истории, а также традиционные осетинские обычаи и правила («ирон æгъдау», «ирон намыс»). Большое внимание уделяется религии, мифологии, фольклору, народному творчеству, нартскому эпосу, что для любого осетина или спе-

циалиста по эпосу является символическим. В сегодняшней действительности в силу многих причин все меньше места остается для основательного изучения нартского эпоса, других произведений, которые воспитывают и формируют в лучших традициях не только молодого осетина, но и любого гражданина нашего Отечества. К большому сожалению, лучшие осетинские традиции оттесняются на задний план, а иногда предаются забвению. Современные средства массовой информации, особенно телевидение и интернет часто выдают такую информацию, которая, мягко выражаясь, не дает возможности утвердиться лучшим осетинским традициям – уважительному отношению к женщине, почитанию родителей и старших, гостеприимству, необходимости работы особенно для мужчин и т.д.

В энциклопедии получили достоверное с точки зрения отечественной и мировой науки освещение вопросы, связанные со всеми сторонами духовной и материальной культуры осетинского народа. Специалисты, а также любители истории и этнографии найдут здесь материалы по этногенезу осетинского народа и этнической истории, мифологии, религии, социальному и общественному строю, семье и семейным традициям, осетинским обычаям и нормам поведения на работе и в быту. Авторы сделали больший акцент на освещении традиционной культуры осетинского народа с XVIII в. и до наших дней. Но не обойдена вниманием традиционная культура наших предков и более раннего периода. Однако именно с XVIII в. в русских и европейских источниках появляется большой и уникальный письменный материал об Осетии и осетинах, о связях наших предков с соседними народами, об уникальной культуре осетин, создавших, несмотря на огромные трудности и лишения, образцы материальной и духовной культуры, обогатившие культуру всего человечества. Например, мисын/месин по дигорски – продукт, образующийся после взбивания сливок, употреблялся как тонизирующий напиток и для замеса теста; мыдамаест/мудзагæ – ритуальные лепешки из теста, замешанного с медом. Нартовская Сатана пекла их как приношение богам по особо важным случаям и молилась ими. У осетин, как известно, мед был ритуальным продуктом; древняя осетинская гармошка – дала-фæндыр, хъисын фæндыр, къæрцæнæнтæ, уадынз и т.д. Можно и дальше продолжать перечислять образцы культуры, созданные нашими предками.

Специалисты и внимательные читатели обратят внимание и на то, что этнографический материал удачно переплетается с другими смежными дисци-

плинами, например с историей, фольклором, литературой, археологией. Проблемы осетинского народа рассматриваются в тесной взаимосвязи с проблемами других народов Кавказа, особенно соседей Осетии. Разумеется, в этом легко можно заметить наши тесные связи во всех сферах общественной жизни с другими народами, с которыми тесно общались. Удачей авторского коллектива следует признать и терминологию многих духовных и материальных культур как на дигорском, так и на иронском диалектах осетинского языка, что особо актуально для всех читателей, а тем более специалистов. Большую помощь авторскому коллективу оказали Национальный музей Республики Северная Осетия-Алания, Художественный музей имени М.С.Туганова в Цхинвале, а также Музей краеведения Республики Южная Осетия. Благодаря их помощи многие страницы энциклопедии стали более наглядными, интересными и доходчивыми. Значительно обогатили содержание энциклопедии многочисленные фотографии из этих музеев.

Авторский коллектив широко использовал многолетний труд одного из видных ученых нашей страны, лауреата Государственной премии СССР 1981 г. В.И. Абаева «Историко-этимологический словарь осетинского языка» в вопросах по этнографии, мифологии и фольклору осетинского народа.

Актуальность и востребованность энциклопедии не вызывают никаких сомнений. Она получила большую популярность не только среди специалистов, но и любителей истории, этнографии, фольклора и мифологии. Издание, где изложены концептуальные подходы духовной и материальной культуры, национальной психологии и менталитета осетин как представителей индоевропейской и кавказской цивилизаций, уже стало объектом повышенно-

го интереса со стороны российских и некоторых зарубежных ученых (например, Венгрии, Франции, Турции и др.). При более внимательном знакомстве с энциклопедией интерес к ней будет несомненно расти не только у специалистов, но и у широкой читательской аудитории. В этой связи представляется необходимой и полезной не только в Осетии, но и за ее пределами популяризация энциклопедии. Тем более, что аналогичных изданий в республиках Северного Кавказа, в целом юга России почти нет. Исключение составляют лишь «Адыгская (Черкесская) Энциклопедия», изданная в Москве в 2006 г. (главный редактор профессор М.А. Кумахов), и «Энциклопедия культур народов Юга России» (том I), изданная под руководством Лауреата Государственной премии РФ, члена-корреспондента РАН Ю.А. Жданова в 2005 г.

Рецензируемая «Осетинская этнографическая энциклопедия», тираж которой, к сожалению, составляет всего 600 экземпляров, оказалась на уровне высоких требований современной науки и издательского дела. Еще раз следует поблагодарить весь авторский коллектив и в первую очередь признанного специалиста-этнолога Л.А. Чибирова, сумевшего собрать вокруг себя, своей оригинальной идеи профессионалов высокого класса. Рецензируя энциклопедию, трудно удержаться от пафоса и благодарственных слов. Они адресованы каждому автору и, конечно же, директору издательства «Проект-Пресс» Ж.Г. Козыревой, которая вложила в энциклопедию свой высокий профессионализм, много личного времени и весь жар души. Все это в совокупности позволило нам увидеть прекрасное художественное и текстовое оформление нашей родной и пока единственной энциклопедии в Осетии.

В.Д. Дзидзоев

Буллер А. Введение в теорию истории: учеб. пособие. М., 2013. 184 с.

Размышления над теоретико-методологическими проблемами исторической науки предполагают постановку вопроса о том, чем же должен заниматься теоретик: влиять на практику исследований постановкой новых важных аспектов гносеологического характера или фиксировать наметившиеся изменения в самих конкретно-исторических исследованиях, чтобы затем моделировать когнитивные процессы в науке? С этими затруднениями мы и сталкиваемся, приступая к рассмотрению учебного пособия по теории истории А. Буллера, немецкого философа из Штутгарта.

Само название работы, а также тезисы, обозначенные во введении, создают благодатное поле для развертывания дискуссионных вопросов. Автор полагает, что «предметом теории истории как эпи-

стемологической науки является не само прошлое, а когнитивные процессы его реконструкции и познания... теория истории стремится выяснить, насколько субъективные факторы исторического акта познания, а именно его релятивность, ретроспективность, конструктивность, партийность могут определять характер наших знаний о прошлом» (с. 166–167). Конечно, при использовании понятийно-категориального аппарата, классификационных схем мы должны учитывать национальные традиции научных школ, конвенциональные модели, без чего ученым было бы попросту невозможно договориться. В связи с этим следует заметить, что в отечественной теоретико-методологической мысли зачастую более оправданным является разграничение собственно теории истории как области общих

представлений об истории в целом и методологии истории как системы знания, регулирующей исследовательскую деятельность в исторической науке.

Автор считает, что анализ таких понятий, как «история», «источник», необходимо проводить с метатеоретических позиций, а это требует применения философского, а не исторического метода исследования (с. 7). Но данная проблема не является новой в познавательной ситуации. Вопрос о том, кто должен заниматься рефлексией исторического познания – сами историки или эпистемологи, не решен до сих пор, если вообще может быть решен в принципе. К примеру, можно вспомнить В. Виндельбанда, который требовал, чтобы историки делали свою работу собственными методами, без вмешательства извне. Свои аргументы есть и у противоположной стороны. Так или иначе, но А. Буллер постарался примирить позиции, поместив в свою книгу анализ творчества как одних, так и других.

Красной нитью в ней проходит проблема субъективности. Во-первых, собственно сама структура подчинена этому принципу, построенная по персоналиям: Хладениус, Дройзен, Дильтей, Коллингвуд, Блок, Козеллек, Рикер, Гуревич. Показателен сам выбор мыслителей. К именам И.Г. Дройзена, Р. Коллингвуда, М. Блока мы давно уже привыкли. И даже если Й.М. Хладениуса встречаем еще в «Истории как проблеме логики» Г.Г. Шпета, то появление в подобного рода трудах имени А.Я. Гуревича, практика медиевиста, можно только приветствовать. Лишь последняя глава – проблемная – посвящена природе исторического источника. Во-вторых, немало страниц отведено субъективным факторам исторического познания. И это неудивительно. Упоминание о роли историка в процессе исследования давно уже стало банальностью. Однако остается вопрос: является ли этот фактор негативным, мешающим для полноценного построения исторической картины, или же здесь проявляется самопознание истории?

В работе прослеживается и иная логика построения материала. По сути автор сконцентрировал свое внимание вокруг понятий «история», «историк», «исторический источник», и каким образом они наполняются содержанием в творчестве мыслителей. Так, среди актуальных представлений об истории Буллер выделил следующие. Согласно И. Дройзену, история – это знание о случившемся. Замена категории «прошлой действительности» на «случившуюся» здесь намеренная. Речь идет не просто о существовавшей реальности, а именно о «ставшей таковой» (с. 22–24). Соответственно, становится понятным взаимоотношение между прошлым и настоящим, где второе вбирает в себя прошлое, актуализируя знания о нем. По мнению Р. Коллингвуда, история – это история мысли, т.е. для понимания логики происшедших событий ис-

следовательно необходимо обратиться к мыслям человека, их совершавшего. Иначе говоря, объект истории – «не просто событие, но мысль, им выражаемая» (с. 52). Р. Козеллек предложил свою интерпретацию истории, вобравшей, по его словам, не только «опыт прошлого», но и «горизонты будущего». Таким образом, в центре картины истории находится именно настоящее, где формируется прошлое и зарождается будущее (с. 92). Наконец, историю как диалог между разновременными культурами рассматривал наш соотечественник А.Я. Гуревич. Это когда познается смысл культуры, какой она была «для себя», так и для потомков, в том числе «нашей» действительности (с. 126–127).

Таким образом, представления об истории объединяет одно общее, а именно сближение прошлого и настоящего. Познание истории становится возможным потому, что само прошлое актуализируется в настоящем, пробуждается в нем и превращается в объект интереса. В свою очередь историк в данном процессе может выступать в нескольких ипостасях. М. Блок сближает историка с детективом, который для достижения результата должен не только реконструировать внешнюю сторону событий, но и понять мотивы поведения участников (с. 71). Историк также может быть уподоблен Художнику (Р. Коллингвуд), который включает в картину то, что считает существенным. Так и историк дополняет высказывание источника, опираясь на косвенные данные и априорные умозаключения, которые принадлежат уже миру настоящего, современному исследователю (с. 58). Релятивистской позицией по отношению к историку является отождествление его с конструктивистом. Так, А. Данто полагал, что ученый организует прошлое в своих текстах по правилу нарративных конструкций, отбирает нужные элементы, чтобы рассказ – история имел смысл (с. 81–83).

Между историей и историком лежит источник. Очевидно, что сегодня его понимание существенно усложнилось по сравнению с представлением как о просто материальном остатке прошлого. А. Буллер актуализирует те представления об историческом источнике, «работающие» и в XXI в. Так, Дройзен предложил понимать источник как реальность не только прошлого, но и настоящего, который становится значимым в созданном мышлением человека идейном пространстве (с. 29). Сходным образом рассуждал Дильтей, рассматривая источник как элемент «жизни», который не может презентовать себя вне того настоящего, в котором он находится (с. 46). «Следом» называет источник Рикер, поясняя при этом, что он является «присутствием отсутствующего прошлого» в настоящем (с. 106). Неоднородную сущность источника отмечал Гуревич. С одной стороны, он «создается» ученым для исследования, становясь таким образом «вещью для нас». С другой – источник – это запечатленная

структура прошлого человеческого сознания. Тем самым обеспечивается диалог между прошлым и настоящим (с. 130–131).

Таким образом, нахождение источника как бы в двух временных измерениях делает возможной постановку вопроса: чего же в источнике больше: прошлого или настоящего? Сам А. Буллер постарался подвести итог спорам о природе исторического источника, обозначив его «возможную» и «действительную» стороны (с. 135).

В данной работе автору удалось во многом по-новому осветить ряд теоретико-методологических проблем исторической науки. Стержневыми являются здесь вопросы субъективности познания, неоднородной природы источника, многоуровне-

ности самой истории. А. Буллер показал, что категории прошлого, настоящего и будущего находятся в сложных корреляционных связях. По этому поводу вспоминается тезис Ф. Артога о наступлении эпохи презентизма, в котором прошлое и будущее поглощаются настоящим. Конечно, можно посетовать автору за некоторый недостаток социокультурного контекста при освещении исторических идей. Однако, думается, специально такая задача не ставилась. По собственному признанию философа, он в своей книге ничего не раскрыл, не показал, не доказал, а просто размышлял, сосредоточившись на определенных «константах» в многообразных представлениях об истории, историке и источнике.

Д.П. Исаев

Дзидзоев В.Д., Хадиков А.К. Этапы национально-государственного строительства в Осетии и проблемы современной этнополитики (исторический и политико-правовой анализ). Владикавказ, 2014. 415 с.

Авторы, опираясь на глубокий пласт фактического материала, подробно анализируют и характеризуют этапы становления государственности, как в Северной Осетии, так и в Южной. Они вскрывают главные причины неимоверно больших трудностей становления государственности в Южной Осетии, страдания югоосетинского народа, подвергавшегося геноциду со стороны Грузии в 1920, 1989–1992 и 2008 гг.

Читатель с большим любопытством знакомится со страницами монографии об историческом и политико-правовом положении коренного населения Южной Осетии Тифлисской губернии Российской империи в конце XX и начале XXI в. Авторы значительно расширили уникальными материалами существовавшую до сих пор документальную базу этой темы. Довольно интересным получился рассказ о причинах, характере, целях и последствиях геноцида южных осетин летом 1920 г. Между прочим, кровавые события той суровой години более зримо представлены в ряде произведений осетинских писателей, чем в исторической литературе. Можно сослаться прежде всего на поэму широко известного поэта Х. Плиева «Сæлимæт», которая в свое время издавалась большими тиражами на многих языках народов СССР. Теперь с выходом рецензируемой книги вышеназванный пробел в историографии Южной Осетии устраняется в значительной степени.

В работе В. Д. Дзидзоева и А. К. Хадикова, на мой взгляд, удачно и к месту использованы дневниковые записи палача югоосетинского и абхазского народов, командира национальной гвардии меньшевистской Грузии В. Джугели, которые были из-

даны на русском языке под названием «Тяжелый крест» в Тбилиси в 1920 г. Тогда его воинство за короткое время предало огню более 130 населенных пунктов Южной Осетии, в том числе и Цхинвал. Читая монографию, приходишь к мысли, что было бы хорошо, если бы исследователи истории Южной Осетии наряду с архивными документами, воспоминаниями очевидцев трагедии югоосетинского народа чаще обращались к книге Джугели, хоть и отвратительно читать ее. В ней часто встречаются факты зверств орды, которые уму не постижимы. Палач после совершения карательных операций в Южной Осетии и Абхазии, превратился в национального героя в меньшевистской Грузии. В 1924 г. советский суд заслуженно приговорил злодея к высшей мере наказания.

В. Дзидзоев и А. Хадиков всесторонне анализируют основу и специфику национально-государственного строительства осетин и других коренных народов Терской области после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Определенное место занимает рассказ о Горской АССР, просуществовавшей с 1921 по 1924 г. В нее входил ряд народов Северного Кавказа, в том числе – и осетинский. Несмотря на наличие большого количества работ по проблеме, исследователи до сих пор не пришли к единому мнению в этом вопросе.

Авторы настоящей монографии умело перешли от рассмотрения северокавказских проблем к исследованию другой важной проблемы – созданию в 1922 г. Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР.

Можно сказать, что не только специалисты, но и широкая читательская аудитория с интересом по-

знакомится с материалами об автономной Северной Осетии. Созданная в 1924 г., автономная область заложила все политические и экономические предпосылки для того, чтобы в 1937 г. на политической карте Советского Союза появилась Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР.

И снова, теперь уже более основательно, авторы останавливаются на правовом статусе Юго-Осетинской автономной области в составе Грузии в 20–30-е гг. XX в., приводят факты, говорящие о постепенном понижении правового положения области с 50-х гг. прошлого столетия. Им удалось точно сформулировать причины этого явления, сравнивая положение Юго-Осетинской автономной области с положением других автономий, входивших в состав Грузинской ССР. При внимательном прочтении конституций СССР 1977 г. и Грузинской ССР 1978 г. авторы книги обнаруживают в них такие нюансы и «мелочи», которые позволяли руководству Грузии постепенно понижать правовой статус Южной Осетии. И чем дальше, тем больше: власти Грузии все чаще стали заявлять, что территория Грузинской ССР является исконной территорией проживания исключительно грузинского народа, а осетинский и абхазский народы рассматривали как гостей на грузинской земле, как пришельцев. Поэтому делали все для того, чтобы ограничивать автономные права южных осетин и абхаз. Анализируя проблему понижения правового статуса Южной Осетии, авторы подчеркивают, что при Советской власти руководство Грузии вынуждено было оглядываться на Москву, откуда неоднократно звучали призывы соблюдать законные права автономий в составе Грузинской ССР, не искажать советскую национальную политику, федеративное устройство страны. Однако после развала СССР грузинские националисты вовсе потеряли разум. Именно политика категорического игнорирования интересов осетинского народа привела к противоречиям, переросшим в этнополитическое противостояние между грузинским центром и Южной Осетией. Авторы настоящей монографии по этому вопросу собрали, проанализировали и ввели в научный оборот большое количество оригинальных материалов.

Много интересной и полезной научной информации имеется на страницах монографии по теме укрепления национальной государственности в Северной Осетии в первой половине 90-х гг. XX в., ее государственно-правовом оформлении и перспективам развития в контексте деятельности российского руководства на Северном Кавказе в постсоветский период. При этом авторы, анализируя ход формирования государственности Российской Федерации, ее состояние и тенденции развития, особо подчеркивают необходимость осуществления продуманной национальной и федеративной политики.

В книге всесторонне анализируются федеративное строительство России на современном этапе. Вполне правомерен вывод авторов о том, что наиболее оптимальным способом национально-государственного строительства при многообразии интересов субъектов федерации являются укрепление подлинно федеративных отношений, соблюдение принципов правового государства и демократии. Большое внимание в исследовании уделяется модернизации форм федерализма. В. Дзидзоев и А. Хадиков подчеркивают, что, начиная с 2000 г., в целях сохранения российской государственности, приняты широкомасштабные меры по реформированию федеративных отношений, направленные на укрепление Российской Федерации, выстраивание вертикали государственной власти, обеспечение единого правового пространства и конституционной законности всех уровней и ветвей власти. Авторы дают объективную оценку с научной точки зрения как массовой децентрализации государственной власти, так и ее жесткой централизации.

Актуальным и дискуссионным вплоть до недавнего времени был вопрос о государственном суверенитете республик в составе Российской Федерации. К началу 90-х гг. XX в. 14 из 16 существовавших тогда автономных республик в составе РСФСР приняли декларации о государственном суверенитете. О своем суверенитете в составе РФ объявила и Северная Осетия. Вместе с тем в рецензируемой книге делается акцент на том, что в Осетии никогда не было и нет политической почвы для выхода из состава России. Исследователи приводят конкретные примеры отсутствия сепаратистских настроений в Осетии. Убедительно звучит вывод о том, что основной причиной принятия Декларации о суверенитете стала демонстрация готовности многонационального народа республики защищать свою территориальную целостность, так как была реальная угроза ее развала. Непременный интерес вызывает деловой разговор о проблемах федерализма и демократии в современных условиях, а также политико-правовых реформах в контексте Конституции Российской Федерации 1993 г. Авторы книги высказывают интересные мысли по вопросу определения понятий «Глава региона», «Глава субъекта», «Президент» и т. д.

В монографии не обойден вопрос о войнах и конфликтах на территории Осетии в конце 80 – начале 90-х гг. XX в., вскрываются их причины, цели, характер и последствия.

Было бы неплохо уделить больше внимания вопросу возникновения и распада Горской АССР, куда входила и Северная Осетия. А именно – шире раскрыть предпосылки создания и причины распада этой многонациональной республики, которая, несмотря на короткий срок своего существования, сыграла немалую роль в формировании отдельных

автономных образований на Тереке. Книга выиграла бы значительно, если бы на ее страницах нашел больше места еще один довольно актуальный вопрос: огромная финансовая и кадровая помощь Москвы народам Северного Кавказа для их политико-правового, экономического и культурно-

го развития в первые годы Советской власти. Авторы также могли бы значительно расширить круг наиболее важных политико-правовых реформ после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., которые осуществлялись в субъектах Северного Кавказа.

А.А. Магомедов

Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск, 2015. 518 с.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной литературе опубликовано немало работ о битве за Кавказ, данное издание не имеет аналогов в историографии. Во-первых, в нем дается оценка основных событий битвы с современных теоретических и методологических позиций. Во-вторых, приводятся важнейшие документы из отечественных и зарубежных архивов, позволяющих реконструировать адекватную картину сражений на Кавказе. В-третьих, представлена довольно полная коллекция фотоматериалов, раскрывающих военную повседневность битвы.

Книга состоит из предисловия, трех частей, хроники событий и примечаний. В предисловии определяется место битвы за Кавказ в истории Великой Отечественной войны, дается основная отечественная и зарубежная историография темы. Основное внимание уделено постсоветской литературе, представленной трудами генерала армии М.А. Гареева, В.П. Сидоренко, А.Е. Алексеенкова, Ю.В. Лаптева, М.М. Тарасова, И.М. Алискерова, М.М. Ибрагимова, С.И. Дробязко, Е.М. Малышевой, Н.Ф. Бугаева, А.М. Гонова, А.Ю. Безугольного, В.А. Селюнина, А.А. Магомедова, Е.Ф. Кринко, Г.Г. Матишова, В.И. Афанасьева и др. В их работах поставлены и раскрыты теоретические проблемы, а также вопросы о роли в битве за Кавказ войск НКВД, горских народов, событий на Миус-фронте и др. Из зарубежных изданий анализируется книга П. Кареля «Восточный фронт. Гитлер идет на восток», которая широко популярна на Западе.

Предварительный анализ литературы ставит перед авторами вопросы: почему наши войска не смогли противостоять натиску войск вермахта на южном фланге советско-германского фронта летом 1942 г.? В каких условиях защищали горные перевалы Главного Кавказского хребта части Красной Армии? В чем причина невыполнения приказа Ставки ВГК от 23 января 1943 г. войсками Южного и Закавказского фронтов об окружении 24 дивизий противника, спешно отходивших после поражения под Сталинградом с Северного Кавказа (операция «Сталинград-2»)?

В первой части книги «Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе», написанной

проф. С.В. Янушом, содержится попытка представить современную интерпретацию битвы за Кавказ. Анализируются политические и экономические планы Германии на Кавказе, в частности овладение важнейшими промышленными, нефтяными и продовольственными источниками. После провала «блицкрига» на Москву в конце 1941 г. гитлеровское руководство столкнулось с проблемой нехватки горючего, продовольствия и других материально-технических ресурсов, которыми располагали нефтепромыслы Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и особенно Азербайджана, а также аграрные ресурсы Украины, Дона, Кубани и Ставрополя. Кроме того, Кавказ представлял для Германии и значительные геополитические интересы, о чем писал А. Розенберг – министр по делам восточных оккупированных территорий в записке от 27 июля 1942 г. «О преобразовании Кавказа» (с. 19).

Рассматривая события на Северном Кавказе в период отступления советских войск (июль – декабрь 1942 г.), автор подробно анализирует обстановку на советско-германском фронте весной и летом 1942 г., приводит оценки ситуации со стороны И.В. Сталина, Г.К. Жукова и других членов Ставки. Сталин считал, что немцы будут в состоянии вести крупные стратегические операции на двух направлениях: московском и южном. Жуков полагал, что гитлеровцы, израсходовав запасы, летом 1942 г. двинутся на юг страны, чтобы захватить Кавказ и овладеть нефтеносными странами Ближнего и Среднего Востока. Командующий Юго-Западным фронтом Тимошенко предложил упреждающим ударом расстроить наступательный план немецкого командования. Большинство членов Ставки ВГК согласились с предложениями Сталина и Тимошенко (с. 41–42).

Исследователь подробно анализирует реализацию германского плана «Блау» и вскрывает причины быстрого продвижения немецко-фашистских войск от Курска до Воронежа и далее – переправа через Дон и захват степных районов Предкавказья (Кубани, Ставрополя др.). На фронте от Орла до Азовского моря гитлеровцы сосредоточили 70 пехотных, 10 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, что составляло более 50 % соединений вермахта на советско-германском

фронте. К 10 августа они форсировали Кубань, захватили Майкоп и вышли к горным перевалам. 28 июля 1942 г. был издан приказ № 227 Народного комиссара обороны СССР И. Сталина о мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций, известный как «Ни шагу назад!» (с. 211–214).

Однако 21 августа 1942 г. группа горных стрелков из дивизии «Эдельвейс» поднялась на вершину Эльбруса и водрузила немецкий стяг. Военного значения это достижение не имело, но нацистская пропаганда затрубила, что Германия покорила Кавказ. На следующий день на Закавказский фронт от ГКО с чрезвычайными полномочиями прибыл Л. Берия. Были приняты меры по наведению порядка в войсках и организации обороны. Советские войска сосредоточили оборону на р. Терек, на горных перевалах, а также в районе г. Новороссийска и Туапсе.

Поражение 9-й армии Паулюса под Сталинградом и угроза окружения немецких войск на Кавказе заставили Гитлера 28 декабря 1942 г. отдать приказ об отступлении, которое началось 1 января 1943 г.

Раскрывая боевые действия на Северном Кавказе во время наступательной операции Красной Армии (январь – октябрь 1943 г.), автор стремится пересмотреть существовавшую в советской историографии схему освобождения Кавказа. На основе архивных документов и воспоминаний участников сражений он раскрывает замысел операции «Сталинград-2», которую разработало советское командование. Подробно освещает освобождение городов и территорий Северного Кавказа, указывает основные направления войсковых операций нашей армии. При этом отмечает, что директива Ставки ВГК о преследовании фашистских войск поступила лишь 4 января 1943 г. и приказ об окружении и разгроме немецко-фашистской группировки был отдан лишь 23 января 1943 г. (с. 359). Поэтому автор считает, что операцию «Сталинград-2» полностью не удалось реализовать. Войска 17-й армии и частично 4-й танковой армии немцев смогли прорваться на Таманский полуостров, закрепиться на «голубой линии» и только 9 октября 1943 г. ударами советской авиации их удалось выбить к Керченскому проливу.

Вторая часть книги «Документы о Кавказской битве», подготовленная проф. А.А. Аникеевым, содержит документы и материалы из российских и зарубежных архивов (в сборе материалов для данного раздела принимал участие канд. ист. наук А.Ю. Безугольный). Всего опубликовано 203 документа. Из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) наибольшую ценность представляют материалы из канцелярии Розенберга «О преобразовании Кавказа» от 27 июля 1942 г. и «Приказ начальника штаба ОКВ Кейтеля об обес-

печении германской армии продовольствием» от 29 августа 1942 г. (с. 85–88).

Наибольший массив архивных документов привлечен из Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО). Среди них: «Доклад начальника штаба Закавказского военного округа Военному совету округа об итогах формирования национальных стрелковых дивизий и мобилизационных ресурсов Закавказья» от 13 марта 1942 г., «Постановление военного совета Северо-Кавказского фронта о строительстве оборонительных рубежей на территории фронта» от 14 июня 1942 г., «Из Доклада Военного совета Северо-Кавказского фронта № 65 Верховному Главнокомандующему о состоянии войск фронта в связи с вторжением противника в пределы Северного Кавказа» от 13 августа 1942 г., «Из записи переговоров по прямому проводу заместителя начальника Генерального штаба с начальником штаба Закавказского фронта об организации штабом фронта обороны перевалов» от 18 августа 1942 г., «Донесение представителя ГКО и командующего войсками Закавказского фронта Верховному Главнокомандующему о намерениях противника, состоянии собственных войск и мерах по укреплению обороны» от 2 сентября 1942 г., «Постановление Военного совета Северо-Кавказского фронта № 0089 о мероприятиях по обеспечению прочной обороны Новороссийска» от 2 сентября 1942 г., «Директива Ставки ВГК № 316 командующим войсками Закавказского фронта и Северной группы войск на разгром противника южнее Тихорецка» от 16 января 1943 г., «Донесение командующего войсками Северо-Кавказского фронта № 0530/оп. Верховному Главнокомандующему о победном завершении битвы за Кавказ с перечнем отличившихся частей» от 9 октября 1943 г. (с. 111–121, 132–137, 142–145, 189–193, 223–225, 347, 402–405).

В работе опубликованы различные материалы из региональных архивов, в частности: Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и др.

Зарубежные архивы представлены документами из Военного архива г. Потсдама и Центрального государственного архива (Германия).

Часть третья, составленная проф. С.И. Линцом, содержит хронику событий и более 150 фотоматериалов, систематизирующих и конкретизирующих историю Кавказской битвы. Интерес представляют фотографии об уличных боях в г. Ростове-на-Дону (ноябрь 1941 г.), видах вооружения советских и немецких войск, переправе немецких танков через Дон (июль 1942 г.), контратаках советских войск на Северном Кавказе (лето 1942 г.). Примечательны также фотоснимки: эскадрон Кубанских казаков перед маршем (август 1942 г.), немецкие горные егеря выдвигаются к перевалам Главного Кавказского

хребта (лето 1942 г.), партизаны Северной Осетии (1942 г.), истребители наводят корабли Черноморского флота на конвой противника (1942 г.), советские автоматчики в дозоре на ледниках Северного Кавказа (1942–1943 гг.), пехотинцы ведут бои в районе Новороссийска (1942 г.).

Представлены также следующие снимки: кладбище немецких солдат и офицеров в горах Кавказа (1942 г.), части Красной Армии вступают в Моздок (3 января 1943 г.), советские воины 37-й армии ведут бои в районе г. Нальчик (январь 1943 г.), солдаты 1-й словацкой моторизированной дивизии, перешедшие на сторону Красной Армии, конвоируют пленных немцев и румын в тыл (Пятигорск, 1943 г.), 12 февраля 1943 г. соединения 46-й армии освободили г. Краснодар, бои в ст. Крымская (октябрь 1943 г.), представитель Ставки ВГК Маршал Советского Со-

юза Г.К. Жуков и командование Северо-Кавказского фронта. Командующий фронтом – генерал И.И. Масленников (1943 г.).

Издание содержит некоторые недостатки: не очень глубоко раскрыта оккупационная политика гитлеровцев на Северном Кавказе. Несколько преувеличен размах партизанского движения в регионе. Имеются также технические сбои, в частности повтор некоторых документов в первой и второй частях книги; слабо пропечатаны картосхемы.

В целом рецензируемая работа подводит не только определенные итоги изучения истории битвы за Кавказ, но и ставит очевидными новые проблемы: характеристика боев в условиях Кавказских гор и на подступах к городам воинской славы: Грозного, Владикавказа (Орджоникидзе), Малгобека и др.

А.С. Нестеров

Белопольский В.Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. Ростов н/Д., 2011. 250 с.

Имя Вадима Николаевича Белопольского широко известно современным исследователям творчества Ф.М. Достоевского во всем мире. Особого внимания заслуживает его рецензируемая книга «Достоевский и другие. Статьи о русской литературе», вместившая в себя многолетний научный опыт ученого в осмыслении не только творчества Ф.М. Достоевского, но и других авторов русской классики – А.П. Чехова, Л.Н. Гумилева, М.А. Шолохова, представляющих цвет отечественной художественной литературы и культуры в целом.

Издание уникально прежде всего тем, что В.Н. Белопольский создал фундамент для дальнейших исследований и понимания глубинной связи произведений Ф.М. Достоевского с традициями немецкой классической философии в преломлении с православным контекстом авторского сознания писателя. «Полемика с позитивизмом» и «диалог культур», «связи и параллели» и «историческая правда» – вот что задает основной вектор научной рефлексии исследователя.

В.Н. Белопольским представлен ряд мыслителей, определивших многие коллизии XX века в их обусловленности и закономерности, по-новому

осмысливаются труды Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра, О. Конта.

Исследуются генезис и преемственность идей и художественных образов Ф.М. Достоевского в контексте русской культуры, связанной с именами А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, убедительно представленных в главе, посвященной сугубо литературным реминисценциям. Здесь же высвечивается и основной приоритет великого писателя – православная идея как положительный идеал самого Достоевского.

Широта культурного контекста, ставшего объектом пристального внимания исследователя, приводит к обращению к «Слову о полку Игореве» и неразрывными нитями связывает историческое прошлое и будущее, обогащая и сам предмет исследования. Неслучайно в заключительном приложении представлены размышления автора над литературой об Отечественной войне.

Глубокий анализ художественных произведений и осмысление эпохальных явлений в их исторической роли делают книгу В. Н. Белопольского полезной и нужной не только в силу ее научной ценности, но и с точки зрения ее безусловной просветительской значимости для современного читателя.

Г.Л. Черюкина